

Эдди Хэпгуд

ФУТБОЛЬНЫЙ ПОСЛАННИК

перевод С. Сурина под редакцией Ивана Меркурьева
с разрешения издательства **GCR Books Limited**
(Великобритания)

Оглавление

Введение.....	4
Ты помнишь, как.....	7
Всё начиналось.....	7
В поисках «дамы»	13
Мы отдавали нацистский салют.....	24
Муссолини – прямое попадание	33
Сражение при хайбери	36
Моё последнее турне.....	44
Гирлянды и чеснок.....	51
Посланники.....	57
Мой самый великий матч.	62
Гол, забитый из-за лицевой линии.	70
Я встречался с королем.....	75
Я потерял «кубки» и медали.	78
Фильмы и своеобразный теннис головой.	88
Гранд (долдер) отель.	91
«Аферист»... «футболист».....	95
Хэпгуд – в королевских ВВС.....	99
Футбол военного времени.....	107
За кулисами хайбери.....	118
Подготовка к победе.....	128

Александр великий.	132
Арсенал и старые лица.....	140
Принц поттериза.	154
Лучшая команда на все времена.....	158
Почта от болельщиков и вербовка на службу.....	163
Аттестация.....	171
Переоценка.....	175

Введение

Хорошо известный фотограф сделал в 1937 году снимок, на котором изображен мой отец, Эдди Хапгуд, с группой игроков «Арсенала», собравшихся перед телекамерой накануне первой телевизионной трансляции профессионального футбольного матча.

Сегодня футбольные видеозаписи, которые крутятся бесчисленное количество раз на наших телеэкранах, стали неотъемлемой частью нашего сознания, видоизменив многое в современном мире, в том числе, и поведение общества. В сравнении с ними, черно-белые фотографии великих игроков эпохи моего отца кажутся неоправданно статичными, вызывая ностальгические чувства.

Мы надеемся, что новое издание «Футбольного посланника» сыграет свою роль в восстановлении подлинного драматизма и достижений тех лет, когда наш отец играл в футбол. В 30-ые годы прошлого века в футболе было гораздо больше столкновений и контактов, чем сегодня, травяные поля «лысели» к концу сезона, и футболист должен был быть достаточно сильным физически, чтобы выдержать игру на промокшем поле с прошнурованным кожаным мячом.

Замен в ту пору не было, так что во главу угла ставились выносливость и отвага.

И все-таки, даже в этих тяжелых условиях, выставлявших к игрокам свои непростые требования, процветало мастерство самого высокого уровня. На этих страницах читатель также узнает подноготную многих футбольных мифов от человека, непосредственно эти мифы создававшего. От того, кто выводил за собой на футбольное поле английскую команду в Риме перед Муссолини и на печально знаменитом берлинском Олимпийском стадионе, где Англия в 1938 году выиграла у Германии 6-3.

Впрочем, «Футбольный посланник» - это нечто большее, чем просто исторический документ.

Сегодня мы можем приобрести массу футбольных автобиографий.

Но «Футбольный посланник», опубликованный в 1945 году был первой из них. Это замечательный рассказ о хорошо сложенном бристольском мальчике, который рос, чтобы стать футбольным эталоном своего времени. По заверению многих, он был первым футболистом современной эпохи, носителем удивительного мастерства и тактики, настоящим лидером – выносливым и смелым. В своей книге он рассказывает о том времени с завидной энергией и юмором – а это и есть те качества, благодаря которым его болельщики и мы – члены его семьи – любили и восхищались им дома в обыденной жизни, также как и в качестве капитана «Арсенала» и сборной Англии.

Для нашего отца играть в футбол означало быть приверженным кодексу чести. Он хотел довести игру до совершенства, умел преодолевать боль и травмы, всегда отличался нацеленностью и осознанием своего предназначения. Его автобиография, «Футбольный посланник», как раз и подтверждает, что можно жить в соответствии с этими принципами.

/Тонни, Линн и Микаэль Хапгуд/

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сэра Стэнли Ф. Роуза

Секретаря Футбольной Ассоциации 1934-1962 гг.

Президента ФИФА 1961-1974 гг.

В этом кратком предисловии невозможно адекватно рассказать об этом человеке, отдать должное той роли, которую сыграл Эдди Хэпгуд в развитии Футбольной Ассоциации за последние годы. И, прочитав его автобиографию,

я еще раз понял, что почитатели его таланта, все, кто интересуется футболом, согласятся с тем, что выдающаяся карьера этого игрока дает право назвать его «футбольным посланником».

Читатели этой книги побывают на многих футбольных стадионах Англии и за ее пределами, получат возможность узнать и о закулисных перипетиях, познакомятся со многими спортивными личностями. Все эти путешествия и встречи являются, с одной стороны, частью личной, субъективной жизни Эдди, и, в этом смысле, я не всегда могу согласиться с его взглядами. С другой стороны, я уверен, что его жизненный опыт будет безусловно полезен и интересен для всех футболистов и болельщиков, всех живущих в мире футбола.

Хэпгуд представлял свою страну в международных матчах больше, чем какой-либо другой футболист нашей Ассоциации, и во время своего последнего, 43-го появления в международном матче, а было это на «Уэмбли» 27 января 1943 года в матче против Уэльса, его лично поздравлял сам король Георгий VI, разрешивший сделать по случаю этого неординарного события совместную фотографию.

Разговаривая с теми, кто присоединился к отряду профессиональных футболистов – а это благородное призвание! – я всегда подчеркиваю, что они должны стараться изо всех сил вести себя на поле и вне его так, чтобы быть примером для молодых игроков, чтобы начинающие футболисты, наблюдая за ними, могли строить свою игру, свое поведение, свою жизнь в футболе. Именно так жил и играл Эдди Хэпгуд, ставший в один ряд с великими – Харольдом Флемингом, Артуром Гримделлом и Джесси Пеннингтоном, которые сделали неоценимый вклад в формирование британского футбола.

/С.Ф. Роуз/

Часть первая

ТЫ ПОМНИШЬ, КАК ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ

Мне было десять лет, когда я впервые присутствовал в Суде. Не то, чтобы это был мой первый выход в свет, - скорее мой первый футбольный выход: я понуро стоял перед магистратом по ужасному обвинению, - я играл в футбол на улице! Мощный вынос мяча (да, даже в те дни я был защитником!) и окно в доме напротив разбито вдребезги, а вместе с ним – ликвидировано еще и три бутылки молока, стоявших на подоконнике. Хозяйка дома стремительно появилась в дверях с мячом в руках и, осмотрев нас, сказала, что мы получим его обратно, если виновник признается в содеянном. Я вышел вперед, после чего и прибыл полицейский.

Магистрат обязал меня оплатить ущерб в размере 2 шиллингов 6 даймов (конечно, обязали не меня, а мою маму), после чего мне была прочитана лекция, заканчивающаяся словами: «Ты должен обуздать эту страсть – пинать мяч ногами, в противном случае это может довести тебя до серьезных проблем».

Но я продолжил пинать мяч, и единственная серьезная проблема, с которой я столкнулся, состояла в том, что мне захотелось сесть и написать эту книгу. Как бы там ни было, у меня всегда была репутация человека, который может возразить и отстаять свою точку зрения, и возможно из-за этой черты у меня действительно появится еще много проблем.

После семнадцати лет пребывания в футболе высшего уровня, я по-прежнему не собираюсь расставаться с мячом. Конечно, во время войны я временно повесил свои бутсы на гвоздь, а когда-нибудь в будущем возможно я и вообще - выкину их, по крайней мере, когда они сотрутся и не стодятся даже для вторичной переработки, - но сейчас они всё еще бьют по мячу, и, таким образом, я семнадцатый год играю в величайшую игру в величайшей компании игроков.

Я замечательно жил! Футбол позволил мне побывать в четырнадцати странах, провести 43 международных матча за сборную Англии, - рекорд, которым я дорожу, - получить две медали обладателя Кубков (еще одну я потерял из-за сомнительного гола в наши ворота), пять чемпионских титулов в Лиге. В конце концов, благодаря футболу я приобрел целую армию друзей, которых я старался не расстраивать своей игрой.

Говорю это со всей искренностью. Если бы можно было повернуть время вспять, я снова стал бы профессиональным футболистом и, если бы это было возможно, - опять играл бы за «Арсенал».

Грандиозный «Арсенал», грандиозная команда. «Банк Англии», как иногда нас называли. Наиболее известная команда в мире и самый великий клуб всех времен. Прошу прощения, за то, что я отвлекся, наверное – я и дальше буду отвлекаться на выражение чувств по отношению к своей команде. Большую часть своей карьеры я провел в ее рядах на ставшем мне родным Хайбери. И, думаю, что в том, что клуб взошел на пьедестал (с которого, правда, потом придется сойти), есть доля и моего труда.

Всякое случалось с «Арсеналом». Практически каждый день мы читали что-то чрезвычайно интересное о нас самих. Какие-то вещи были притянуты за уши, отдельные истории смешили нас до слез, но всё это было частью жизни под названием «Арсенал». И каждый раз газеты писали о наших великолепных трибунах, нашем коктейль-баре, новых клубных расцветках, специальных тренировочных методах, «ватной диете для игроков», о нашем собственном поезде, и еще о тысяче и одном факте, которыми заполняются спортивные заголовки, и львиная доля этих заголовках приходилась на «Арсенал».

В течение десяти сезонов (между 1930 и 1939 годами) мы пять раз становились чемпионами Лиги, дважды выигрывали Кубок, были призерами, и только три раза не попали в первую тройку в высшем Дивизионе. Выдающийся рекорд.

Но об этом я расскажу вам позже. Приятно оглядываться на прошлые события, позволяя происшедшему нанизываться на нить настоящего. Меня часто спрашивали - после того, как я закончил играть – какое у меня было самое яркое впечатление, кто был самым великим игроком, из тех, кого я встречал или с которым играл на футбольном поле, каково было выступать в то время на Хайбери, и дюжины других вопросов, которые болельщики задают тем, кому посчастливилось играть в топовой команде.

В этой книге я постараюсь ответить на эти вопросы. Если вы получите удовольствие от чтения, как и я получал от игры в футбол в ту великую эпоху, что ж – значит вместе с вами мы отлично проведем время.

Кроме моих футбольных приключений на улице я немного играл в школе. Чтобы быть точным – всего две игры. К концу моего школьного обучения была предпринята попытка увеличить часы физкультуры и спорта в учебном расписании. Футбол тогда был введен в качестве обязательного предмета, в связи с чем директор школы предложил мне собрать команду, а он в свою очередь постарается снабдить нас необходимым снаряжением. К сожалению мы сыграли только два матча, после чего я перешел в школу для старшеклассников.

Всерьез я занялся футболом только тогда, когда через несколько лет закончил школу и вынужден был искать способ заработать на пропитание. Я стал возить молочную тележку для своего сводного брата, у которого была молочная ферма около Бристоля. Но затем я здорово помешался на футболе и каждое субботнее утро отправлялся на игру за местный клуб, «Молодежная школа Св.Филиппа». В основном я играл защитника, но иногда случалось выступать и ... центральным нападающим. Однажды, когда меня во втором тайме перебросили в нападение, мне удалось забить четыре гола за десять минут!

Именно во время моих выступлений за школу Св. Филиппа меня заметил директор «Бристоль Роверс» и дал возможность попробовать свои силы в матче дублеров в Иствилле против «Тонтон Юнайтед» 7 мая 1927 года. Было мне тогда 18 лет. Выставили меня на место левого защитника (теперь это место стало уже привычным для меня). С противоположной стороны против меня играл Трежер, старый защитник «Бристоль Сити», который был моим героем во время обучения в школе. Не так давно он перешел из «Бристоль Сити» в «Тонтон». В тот день Трежер играл правого крайнего нападающего – видимо, чтобы протестировать меня. Должно быть, кого-то моя игра впечатлила, поскольку через пару дней мне предложили подписать профессиональный контракт.

Я много читал о том, что «Бристоль Роверс» упустили меня, впрочем - вот как это было на самом деле. Директор «Роверс» приехал на молочную ферму с предложением профессиональной работы с зарплатой в 8 шиллингов в неделю и местом в основном составе. Я спросил, что мне придется делать летом. «У меня угольный бизнес», - ответил директор. – «И я могу дать тебе работу там. Будешь возить тележки с углем.» Тактично, но твердо, я выста-

вил его за дверь. В моем понимании существовало очевидное социальное различие между работой с тележкой молока и угольной тележкой.

Примерно месяц спустя Джордж Шарлесворт, в ту пору игравший в Кеттеринге, вышел на меня с предложением от «Кеттеринг Тауна»: 40 шиллингов в неделю в зимний период и 30 шиллингов – в летний. Вдобавок, мне сказали, что я могу продолжить работу на молочной ферме после закрытия сезона. Всё это звучало значительно привлекательнее, и я подписал контракт.

Мое первое выступление за «Кеттеринг» прошло отвратительно. Комментируя матч, местная пресса писала, что клубу подсунили фальшивку (имея в виду меня). Тем не менее, со временем моя игра выровнялась, и после дюжины матчей, Билл Колльер, тренер «Кеттеринга», позвал меня в свой офис и представил круглолицему человеку в твидовой одежде. Сквозь очки этого джентльмена пробивался пронизывающий оценивающий взгляд голубых глаз. Конечно, тогда я не мог предполагать, что еще не раз встречу с ним перед его столь трагичной смертью семь лет спустя.

«Эдди, это мистер Герберт Чепмен, тренер «Арсенала», - сказал Билл Колльер. – Другого джентльмена зовут Джордж Аллисон». Таким образом, я встретил двух людей, которым суждено было сыграть огромную роль в моей футбольной карьере.

Герберт Чепмен ничего не говорил в течение нескольких секунд, затем вдруг выпалил: «Ну что, молодой человек, вы пьете или курите?» Озадаченный подобным вопросом, я сказал: «Ни то, ни другое, сэр». «Хорошо», - ответил он. – «Не хочешь ли подписать контракт с «Арсеналом»?»

Не хочу ли я подписать контракт с «Арсеналом»? Да я сразу же схватил ручку и быстро, как только мог, кинулся к столь ценной для меня бумаге, лежащей на столе. Полагаю, что мистер Чепмен заплатил за мой трансфер «Кеттерингу» примерно тысячу фунтов . 750 наличными, в качестве первого взноса, и порядка двухсот фунтов – за специальный товарищеский матч, состоявшийся позже. Впрочем, в то время, меня это не беспокоило.

Вопрос мистера Чепмена о курении и выпивке произвел на меня неизгладимое впечатление, поскольку я действительно не практиковал ничего подобного в своей карьере, за исключением нескольких тостов на банкетах и других подобных мероприятиях. Даже выигранный Кубок я обмывал лимонадом!

В этой связи, помню, что в товарищеском матче «Арсенала» против «Кеттеринга» (состоявшемся по обязательствам сторон в результате моего трансфера), я играл в составе «Арсенала» и все время бил не туда, куда следует. Наверное, я был слишком нацелен на демонстрацию того, что «парень с периферии» уже вырос в настоящего мастера. Возможно, вас заинтересует составы игравших тогда команд:

КЕТТЕРИНГ: Имри, Аллисон, Джемисон, Дункан, Барр, Колльер, Шарльсворт, Старсмор, Симпсон, Даншир и Каирнс (позже Имри, Барри и Симпсон перешли в «Кристалл Палас», Старсмор – в «Ковентри», а Колльер, конечно же, был играющим тренером клуба).

АРСЕНАЛ: Моуди, Мэки, Хапгуд, Молли, Коуп, Хэйнс, Ашкрофт, Бучан, Мэйкок, Дайпер, Арнольд.

Игра закончилась вничью 0 – 0, хотя Петер Симпсон был близок к тому, чтобы забить победный гол в последние секунды встречи.

Позже я играл еще в одном товарищеском матче против «Кеттеринга». Или, я бы сказал, в полу-товарищеском. У меня до сих пор хранится статья из местной кеттерингской газеты, в которой подробно рассказывается о ходе встречи. По-моему, статья заслуживает вашего внимания:

«В следующий раз, когда я пойду смотреть футбол на стадионе «Рокингэм Роуд» в Кеттеринге, буду настаивать на том, чтобы со мной пошел Шерлок Холмс, «Большая Четверка» из Скотланд-Ярда и кто-нибудь из руководства Британского Общества Волшебства и Магии. И хотя я вовсе не собираюсь причинять лишнюю тревогу и беспокойство преданным поклонникам «Rories» (ник команды из Кеттеринга), тем не менее, считаю своим долгом предупредить их накануне закрытия захватывающего сезона, что на зеленом газоне, покрывающем игровое пространство, совершенно секретно для непосвященных существуют области опаснейших зыбучих песков, которые засасывают оказавшихся там футболистов, после чего попавшиеся в ловушку игроки начисто исчезают до конца матча из поля зрения сторонних наблюдателей.

«Кеттеринг» развлекал «Арсенал» в товарищеском матче и, за исключением пары голов, случившихся в первом тайме, всё шло нормативно (хотя, как я полагаю, у игрока скромного роста по фамилии Мичел были определенные проблемы с нижней частью формы – данная часть уж слишком плотно облегла его голени). Трагедия разыгралась после свистка арбитра, возвестившего

перерыв. Двое дюжих парней из «Арсенала» - Дэвид Джек и «Счастливчик» Хэпгуд - практически растаяли в воздухе! Возможно, их заглотили зыбучие пески – ни хохолка, ни волосинки, - от них не осталось и следа! Болельщики замерли в изумлении, когда «Арсенал» вышел во втором тайме... вышел без Дэвида Джека, без «Счастливчика», поймавшего птицу удачи – Хапгуда.

Вместо них появились двое, вышедших на замену из какого-то таинственного склада новобранцев «Арсенала», разместившегося перед главной трибуной. Зрители недоумевали. Зрители перешептывались и нервно переглядывались. Что случилось с Джеком? Куда делся Хэпгуд?

Случись в матче еще один перерыв, я бы ничуть не удивился, если бы на поле за «Арсенал» вышла новая линия нападения, тройка хавов, взятая в аренду с шотландской Лиги, два защитника из «Вест Бромвича» и голкипер из «Ньюкасла Юнайтед»!

Я уже решил, что в ближайшей полицейской хронике будет объявлено о 500-фунтовом вознаграждении тому, кто узнает что-нибудь о судьбе этих двух парней, как вдруг мощный голос объявил всему миру, что Джек и его приятель просто сели на скамейку запасных, чтобы дать возможность двум другим футболистам «Арсенала» поработать с мячом на поле!»

Весьма саркастично, но забавно. На самом деле нам с Дэвидом надо было играть на следующий день в важном матче на первенство Лиги в Бернли. Поэтому Герберт сказал нам отыграть в Кеттеринге только первый тайм, а потом, не дожидаясь концовки игры, направляться на вокзал и садиться на поезд в сторону Севера.

Часть вторая

В поисках «дамы»

Итак, одним субботним утром в октябре 1927 года (точнее, 27-ого числа) я упаковал свою дорожную сумку и уехал из Кеттеринга, чтобы сыграть свою первую игру за «Арсенал» - на Хайбери против «Челси». Пожалуй, это было очень давно - тогда я был стройным парнем с копной волос, в плотно облегающих брюках и остроносых ботинках. И очень хладнокровный – ведь я был человеком, умудренным жизненным опытом, не так ли? Я даже не тратил время на мечты о славе, которая меня ожидала в Лондоне, поскольку знал, что там она практически уже в моих руках. Впрочем, уверенность моя сильно ослабла, причем еще до того, как поезд въехал на вокзал Сент-Панкрас.

Единственным пассажиром в моем вагоне был крупный мужчина со всеми необходимыми следами боксерской карьеры на лице. Мы сидели, как это принято у английских путешественников, друг напротив друга, не говоря при этом ни слова. Но за несколько секунд до отправления поезда в вагон вошла компания из шести человек. Это были веселые и дружелюбные ребята, и мы болтали всю дорогу, как старые друзья. На одной из последних остановок в вагон вошел небольшой скромный мужчина, доставший вскоре колоду карт, которую, по его словам, он приобрел во время одного из своих путешествий в Россию. Он немного рассказал об этой стране, а затем предложил сыграть в карты, чтобы скоротать оставшееся до приезда время. Почему бы нет? – и будучи преисполненным благодушия от того, что меня принимали за опытного в этих делах человека, я согласился поставить небольшую сумму денег на то, что я угадаю, какая из трех карт, лежащих на коленях владельца колоды, является дамой червей. Пассажир с разбитым лицом тоже рискнул сыграть, так что совсем скоро мы потеряли ощущение времени и пространства, пока, наконец, поезд не остановился на Сент-Панкрас. Затем семеро сидящих со мной в вагоне вышли на перрон, и только тогда я обнаружил, что лишился всех своих денег, включая 100 шиллингов, выданных «Арсеналом» в качест-

ве гонорара при подписании контракта. С тех пор я уже никогда больше не играл в эту сказочную романтическую игру «найди свою даму».

Я действительно попал в тяжелое положение: впервые в Лондоне - и без копейки в кармане! - при этом я был обязан провести свой первый матч за «Арсенал» буквально через пару часов. Пока я размышлял над обрушившимся несчастьем и тотальным невезением при угадывании нужной карты, я вдруг почувствовал, как кто-то похлопал меня по плечу.

Обернувшись, я увидел небольшого коренастого парня с веселыми глазами – правда, в этот момент мне было совсем не до веселья – который, перед тем, как я успел заговорить, спросил: «Твоя фамилия Хэпгуд?». Я кивнул. «В первый раз угадал. Я МакЭван, на Хайбери меня называют «Коротышка». Рад встретиться с тобой.» Был ли я рад встретиться с ним? Да я мог бы заплакать, закричать от счастья прямо у него на плече. Я быстро рассказал всю свою печальную историю, и Коротышка смеялся от души – громко и долго. Потом он сказал – и достаточно добродушно: «Все в порядке, сынок. Теперь ты с «Арсеналом», а это значит, что о тебе позаботятся.» Коротышка был хорошим парнем и никому не рассказал о моем плачевном дебюте в «серьезных» азартных играх.

Но вы-то должны знать, что мой путь начинался именно так. Много позже я спросил Коротышку – как это он так быстро меня распознал на вокзале. «Легко!» - ответил он. – «Старик Босс сказал, как ты будешь выглядеть.» Должно быть, он описал мои остроносые ботинки и узкие брюки.

Мы с Коротышкой всегда дружили – он был моим первым приятелем из моих многочисленных друзей на Хайбери, и я ужасно переживал, когда узнал о его смерти – это случилось в мае 1942 года. Коротышка был одним из тренеров «Арсенала» (именно он убрал второе слово «Вулвич» из названия клуба в том году, когда они переехали из Пламстеда) с 1914 года, и к 1927 году, когда я присоединился к команде, его имя был уже нарицательным для клуба. Вершиной его личной футбольной карьеры, я полагаю, было участие в са-

мом сенсационном финале Кубка всех времен. Он играл в защите «Бари», которая разгромила «Дерби Каунти» на «Кристалл Паласе» в 1903 году.

Говорят, мистер Чепмен сказал однажды, что часто в перерыве тяжелых матчей футболистам достаточно было посмотреть на радостное и добродушное лицо Коротышки, чтобы воспрянуть духом и выйти на поле совсем в другом настроении. Правда, иногда даже и его добродушие не срабатывало. Мы были в раздевалки на «Уэмбли», стараясь заполнить невыносимо длительные минуты перед тем, как мелодия «Останься со мной» выведет нас на финал Кубка. Рядом по коридору наш соперник – «Ньюкасл Юнайтед» - видимо, чувствовал себя также плохо, как и мы.

Но Коротышка (а лет к тому времени ему было уже немало) пытался изо всех сил поднять наш боевой дух, проигрывая на портативном граммофоне, который выделил нам Герберт Чепмен, мелодию «Счастливые дни снова настали». Пластинку он упрямо и целенаправленно ставил снова и снова, пока наконец один из наиболее нервных игроков не взорвался: «Да уберите вы эту пластинку, пока я не выкинул ее из раздевалки!» На этом концерт, посвященный поднятию боевого духа, был окончен. Бедный Коротышка – он ведь просто хотел нам помочь!

Я задерживаюсь на эпизодах, связанных с этим человеком, потому, что он во многом помог мне, особенно в этот первый день в Лондоне, когда я прибыл на Хайбери. Я часто вспоминал этот день – например, когда мы, выиграв у «Сандерленда» 2 сентября 1939 года, шли в раздевалку. Аэростат, висевший над Гиллеспи Роуд, отбрасывал тень на всё, что происходило в округе, создавая у нас ясное ощущение, что война неизбежна и совсем уже скоро, судя по всему, дойдет и до нас. Подсознательно я, должно быть, знал, что этот день будет поворотным пунктом в моей жизни, что это был последний большой матч, который я провел на Хайбери. Парни в раздевалке и в душе вели себя на редкость тихо. Мы вышли, даже толком не обсудив нашу замечательную победу. Даже Тед Дрэйк, который всегда любил пошутить, а уж забив четыре мяча, просто-таки обязан был выказывать искрометное остроумие, на этот раз практически ничего не сказал.

В понедельник утром, когда война шла уже двадцать четыре часа, я пришел на стадион. Рабочие были уже там, всюду ревели отбойные молотки – строились первые бомбоубежища. Хайбери обретал свою боевую раскраску...

Из всех людей, которые помогали мне на Хайбери, моим ближайшим другом все-таки был Том Уиттакер. Именно он, вскоре после того, как я вошел в основной состав на Хайбери, и моя голова, перерастая тело, становилась ужасающе квадратной от разного рода проблем, пошел вместе со мной в кабинет Герберта Чепмена. И именно он, Том, вместе со старым Боссом, спорили со мной – долго и терпеливо – когда я объявил, что сыт по горло футболом и хочу вернуться на молочную ферму в Бристоль.

Мы с Томом часто вспоминали эти дни. И, оглядываясь назад, я вижу, как его спокойная рассудительность и наставничество сыграли свою роль во многих аналогичных «горячих» ситуациях. После жарких споров с Томом я закончил играть в футбол в сезоне 1943/1944, в сезоне который принес мне международную награду, но стоил при этом места в большом футболе. Возможно, это было потому, что впервые я не прислушался к его советам.

Сейчас уже бесполезно думать – правильно я поступил или нет, это всё равно, что укорять себя в неудачной игре в карточные «наперстки» в поезде «Кеттеринг – Лондон». Посередине сезона я здорово порвал себе мышцу левого бедра, но продолжал выходить на поле. Поскольку не было никакой возможности ни для лечения, ни для регулярных тренировок, ситуация с ногой становилась всё хуже и хуже. В конце концов, я смог освободиться от своих гражданских обязанностей, чтобы встретиться с Томом, к тому времени капитаном авиации (а позже – майором авиации) Уиттакером, который занимал ответственный пост в регулярных ВВС. Он сказал мне, что необходимо сделать перерыв от футбола недель на шесть, но я горячо спорил с ним, доказывая, что хочу играть, так что вопреки своей воле он заново перевязал мою ногу и сказал, что я свободен делать то, что считаю нужным. И я продолжил играть и вскоре потерял былую форму, а вместе с ней и место в сборной Англии, в сборной королевских ВВС и в «Арсенале». Что ж, это жизнь. Вы принимаете решения из лучших побуждений, а в итоге получается наихудшее из возможного. Тем не менее, это позволило мне позже понять – в каком на самом деле я долгу перед Томом Уиттакером.

После того, как умер наш Старый Босс, Тому пришлось приложить немало сил, чтобы поддерживать стабильность в «Арсенале». У нового тренера, мистера Джорджа Аллисона, была сложнейшая работа, из тех, что существовали на земле: он должен был заменить такого человека как Чепмен. Но Том знал методы, которые сделали нас великой командой, и благодаря ему, мы держались на плаву в последующие за смертью Босса недели. К мистеру Аллисону Том всегда относился точно также, как и к Старому Боссу, и лично я думаю, что команде более, чем повезло – иметь в своих рядах в один и тот же временной интервал двух таких людей, как Чепмен и Уиттакер.

Герберт Чепмен был великий проектировщик, любивший просиживать до утра с Томом Уиттакером и, возможно, с парой журналистов, споря о тактике, теориях, точках зрения. Его первыми мыслями всегда были мысли о футболистах, его слоганом были слова «если ребята хорошо обустроены, тогда и я имею право ощутить комфорт». Он не сделал ни одной «грязной» сделки с игроками, он не выносил грубую и нечестную игру и ненавидел симулянтов и лентяев, - таков был человек, сделавший «Арсенал».

Герберт в начале своей спортивной карьеры был профессиональным футболистом, любил эту игру и понимал ее не хуже кого бы то ни было. Он никогда не забывал своих первых шагов в футболе, и несмотря на то, что его главным интересом было обеспечить публику большим и классным футболом, он всегда внимательно и чутко относился к игрокам, которые выбрали себе данную профессию.

Его смерть в 1934 году стала невосполнимой утратой. На мой взгляд, эта утрата так и не была адекватно восполнена, заменить по сути его было невозможно. Я буду долго помнить этот день. Мы должны были играть с «Шеффилдом» на Хайбери. Я брлся в своем доме на Финчли, когда в дверь ворвалась Алиса Мосс, жена нашего голкипера. Алиса была в ужасном состоянии. Находясь в магазине, она увидела объявление «умер Герберт Чепмен». Половина моего лица была намылена, и я был настолько обескуражен случившимся, что в течение минут пятнадцати напрочь забыл об этом. Потом, придя в себя, я закончил бриться и поспешил на стадион, чтобы узнать свежие и

достоверные новости. Кулисы Хайбери сильно напоминали в тот день морг, и уж точно мы так и не смогли сосредоточиться на игре.

Долго еще мы не могли отойти после этого трагического дня. Умер Герберт Чепмен – человек, который так много сделал, и который так много еще должен был сделать. Другого такого уже не будет никогда.

Как я уже сказал, после смерти мистера Чепмена Том Уиттакер постарался как-то заполнить образовавшуюся брешь в клубе. Том был великолепным парнем и настоящим джентльменом. Он заботился о нас, как будто мы были стадом непослушных овец. Даже Алекс Джеймс успокаивался в его присутствии.

Вспоминая те дни, я понимаю, что был трудным типом для Тома. Я редко тренировался с остальными парнями, предпочитая работать в одиночку. Дело не в том, что я не ладил с остальными игроками или думал, что знаю больше, чем Том способен дать мне как футболисту, просто мне казалось, что я знал, что здорово смогу себя накачать, тренируясь самостоятельно. Часто я тренировался на пустом стадионе. Если на Хайбери существует призрак, то, вполне вероятно, что он похож на меня.

Том вообще предоставлял мне право идти своим путем. Приятным для меня путем. И, конечно же, я был счастлив, что он доверял мне. А тренировался я постоянно. Один из моих излюбленных трюков был такой: поднять мяч над ограждением в начале какого-нибудь ряда на трибуне, бросить его в верхние ряды и перехватывать мяч, когда он летит вниз, отскакивая в непредсказуемом направлении от перил и деревянных свай. Удивительно – насколько полезным может быть подобное упражнение, но только, если уж решите поэкспериментировать – берегите голеностопы.

Том всегда говорил, что я самый жесткий игрок из всех, каких он когда-либо видел. Когда я впервые попал на Хайбери, я весил порядка шестидесяти килограмм. Пожалуй, на тот момент я был самым легким защитником, зарегистри-

стрированным в лиге. Менее, чем через месяц, я сыграл свою первую большую игру за «Арсенал» - против «Бирмингема» на стадионе «Сент Эндрюс» 19 ноября 1927 года. Матч закончился 1-1. На следующей неделе меня выставили в большом лондонском дерби со «Шпорами», но к моему величайшему разочарованию матч был отменен из-за тумана. После этого я перестал на некоторое время попадать в основной состав, так как Хорак Коуп, чье место я занимал, оправился после травмы.

В то время я доставлял немало беспокойств клубу, теряя сознание после ударов головой, особенно на вязком грунте.

Чем только не объясняли этот странный феномен, я даже слышал, что у меня отсутствует кость в верхней части черепной коробки. Как бы там ни было, Том Уиттакер все-таки нашел разгадку. «Ты слишком легкий», - сказал он как-то мне, - «нам надо укрепить твое тело.» Тогда еще я был вегетарианцем, и старый Том решил, что мне следует есть мясо. Моим первым мясным блюдом была тарелка тонко нарезанной ветчины. Я благополучно съел ее и перешел на следующий уровень мясоеда. В конце концов я трескал бифштексы толщиной с «Желтые страницы» да еще и добавку брал. До сих пор я ем мясо, когда оно есть под рукой, но при этом я не пью и не курю.

Футбол – это контактная игра, где всегда будут столкновения и жесткие стыки. Три раза у меня было сотрясение мозга, столько же раз был сломан мой романский нос и каждый из голеностопов напрочь выходил из строя. Но самая суровая травма, которую я получил в своей жизни, никак не была связана с футболом. Случилось это так.

В младенчестве у моего сына Антония был катар верхних дыхательных путей, и по ночам в спальне всегда горело масло в чаше, чтобы нейтрализовать воздушные пары. Это помогало ребенку дышать во время сна. Однажды ночью он неожиданно закричал, и я, спрыгнув с кровати, пролил горящее масло себе на живот и на ноги. Могу вас заверить – что это больно. Я обжегся ужасно, и, по-моему, доктор вообще сомневался – смогу ли я когда-либо снова играть в футбол.

Но через некоторое время постельный режим стал сильно утомлять меня, и я обратился за помощью к Тому. Том согласился помочь, и меня перевезли на Хайбери, где я лежал на специальной доске, а Том дежурил около меня, в то время как ребята шумели и бегали вокруг. Он раз в час смазывал ожоги и просто позволял мне там лежать. Том даже мыл и брил меня. Должно быть всё это – не самое приятное занятие, существующее в этой жизни, но он ничего не говорил по этому поводу. Да никогда и не сказал бы, конечно. Через шесть недель я смог уже ходить и чувствовал себя гораздо лучше, причем до такой степени, что объявил Тому, что собираюсь вновь выйти на поле. Поначалу он категорически отказался, но через некоторое время я снова обратился к нему. Тогда Том придумал кожаный жгут, которым я перевязал свое тело, – таким образом, с этим жгутом и несколькими килограммами овечьей шерсти под футболкой, я смог занять свое место в команде. Никто, кроме Тома, не сделал бы всё это для меня.

В другой раз он спас меня от ампутации ноги. Направляясь играть в Сандерленд, я сообщил Тому, что у меня болит колено, по которому хорошо ударили на прошлой неделе. Когда мы приехали в отель Йорка, где мы остановились переночевать, Том осмотрел его, и к нашему ужасу, обнаружил, что оно начало гноиться, а от колена к бедру простиралась кровавая дорожка.

Том прекрасно справляется со срочной медицинской помощью. Он тут же стал делать горячую припарку. Перед тем, как продолжить, он сделал чернильную отметку своей авторучкой на моем бедре и сказал: «Эдди, если полоса крови перейдет этот рубеж, дело примет серьезный оборот». Он трудился над моей ногой до четырех часов утра, меняя припарки... и в тот же день я уже был на поле, играя с «Сандерлендом» с перевязанной ногой.

Кстати, далеко не всем известно то, что именно Том вернул Фреда Перри в большой теннис. Английский теннисный чемпион вернулся из Австралии с травмой, которую никто не мог распознать. Том услышал об этом и попросил Фреда прийти на Хайбери на осмотр. Через несколько дней Перри уже тренировался на газоне Хайбери с парнями из «Арсенала»! Я понимал, что работа была нервная, поскольку известно, что Перри был легковозбудимым. И

конечно Том тренировал нашу команду, участвовавшую в Кубках Дэвиса, начиная с 1936 года, пока война не прервала теннисные состязания.

А что же мистер Аллисон? Когда он заступил на Хайбери в мае 1934 года в должности ассистента тренера, он уже был известен публике по своим радиокомментариям. Как я уже говорил, он в корне отличался от Старого Босса. Как профессиональный журналист, он всегда хорошо понимал людей, разбирался в различных публичных ситуациях. Не обладая знанием футбола, какое было у Чепмена, он был проницательным и быстро схватывающим человеком. И потом, видимо, он был самым удачливым тренером всех времен и народов. Когда мистер Аллисон вступил в должность, «Арсенал» был среди лучших команд лиги, и Аллисону удалось сохранить эту позицию. Аллисон не был таким удачливым футбольным предпринимателем на трансферном рынке, каким всегда был Старый Босс, но, тем не менее, он оставил свой след в истории футбола, заплатив наибольшие на тот момент трансферные комиссионные в сделке по приобретению Брина Джонса из «Вулверхэмптона».

Мистер Аллисон представляет собой полного джентльмена с командным внешним видом и глубоким «радиоголосом». Добродушный, красноречивый рассказчик с прекрасным чувством юмора, он был популярен повсюду в футбольном мире. Молодые журналисты всегда крутились вокруг него, охаживая его заботой, поскольку они были уверены, что несколько минут пребывания в его компании будет достаточно для того, чтобы подслушать какой-нибудь интересный рассказ, который затем на завтра окажется в их газетной статье.

С мистером Аллисоном у меня были взлеты и падения, самый плохой период выпал на конец моей карьеры в «Арсенале» во время войны. Я был крайне обижен, когда он перед началом сезона 1943/1944 на удивление легко согласился отдать меня в аренду Лутону. Я бы предпочел сыграть еще один сезон с канонирами. Многие обвиняют Аллисона за спад в игре команды в том сезоне, но было бы уместно вспомнить, что в мирное время, вырастая вместе на футбольном поле, мы составляли несокрушимую силу. Но война есть война -

с постоянными обязательными дежурствами и прочими сложностями. И военный футбол – это совсем другое дело.

Получая толстые чеки – в качестве положенной доли от продажи билетов на матчи лиги и официального Кубка, многие клубы должны быть благодарны Аллисону за его умение работать со СМИ, за продвижение футбольных ценностей в стране.

Конечно, мистер Аллисон - первый, кто должен рассказывать о себе, но, полагаю, что он не будет сильно против, если я перейду к изложению двух других событий непосредственно с ним связанных.

Сразу же, после того, как он был назначен тренером клуба, он начал разбираться с ситуацией в команде и стал отдавать распоряжения по многим вопросам. Он был весьма краток и подытожил установку на игру в следующем матче таким образом: «Вы играете завтра с «Шеффилдом». У них самый опасный человек на поле – Чарли Напьер. Ты, Крэйстон (Джек Крэйстон, наш правый атакующий полузащитник) будешь опекать Напьера – подожди, не перебивай. Дай мне закончить и после этого выскажешь свое мнение (а в этот момент Крэйстон действительно пытался перебить нового тренера). Итак, не оставляй его открытым, не давай ему возможности обработать мяч. А теперь, Крэйстон, скажи нам – что у тебя наболело?»

«Ничего особенного, мистер Аллисон», - мягко ответил футболист, - «Напьер действительно играет за «Шеффилд», но дело в том, что мы-то завтра играем с «Блэкпулом»!» Мистер Аллисон, нагруженный огромным количеством проблем, бессознательно перепутал ближайшие матчи.

И вторая история, которая, думаю, любит вспоминать мистер Аллисон, также касается «Шеффилда».

Он сидел в директорской ложе на стадионе «Шеффилда» в Хиллсборо, наблюдая, как мы играем в шестом раунде Кубка. При счете 1-1 за пятнадцать минут до конца матча обстановка на поле стала достаточно тревожной. Он внимательно следил за каждым движением игроков на поле, и поскольку иг-

ра все время перемещалась от одних ворот к другим, нервно грыз свои пальцы. Внезапно густой йоркширский голос вежливо позвал его – «Мистер Аллисон!». Даже несмотря на всю напряженность момента, Джордж не мог удержаться, чтобы не продемонстрировать чувство собственного достоинства, так ему присущее. «Да, в чем дело?» - удивился он, поворачиваясь к вопрошавшему. «Перестаньте же кусать свои бедные пальцы», - последовал ответ, сопровождаемый мощным взрывом хохота. Должен сказать, что одним из тех, кто присоединился к неожиданному приступу веселья, был сам мистер Аллисон.

Джо Шоу, ассистент обоих тренеров – Герберта Чепмена и Джорджа Аллисона, совсем не похож на Тома Уиттакера. Внимательный, отзывчивый, всегда готовый выслушать того или иного футболиста с его проблемами, он играл свою важную роль за кулисами Хайбери в течение многих лет. От него я получил много хороших советов, особенно в те дни, когда я был приткым и импульсивным молодым игроком, из тех, которые хотят сразу и всё. Сейчас Джо работает в «Челси».

Один случай я запомнил навсегда. После того, как умер Старый Босс – а, надо сказать, что его уход очень сильно затронул Джо, пожалуй, даже сильнее, чем нас, - он послал всем футболистам, связанным с периодом правления Чепмена, памятную траурную посылку, состоящую из фотографии и трогательных возвышенных стихов. Эта посылка занимает почетное место в моем доме в Кеттеринге. Позже я включил ее репродукцию в данной книге. Возможно, это вас заинтересует: стихи траурного послания были написаны Томасом Моултом.

Часть третья

Мы отдавали нацистский салют

Когда в Европу нагрянула война, я понял, что время моих гастролей закончилось. За исключением, конечно, того, что я был включен в состав другой команды, чтобы сыграть совсем в другую игру – кровопролитную и беспощадную, единственную игру, в которую умели играть нацисты. По мере того, как война набирала обороты, и мировые столицы становились известными в качестве поля сражения для сухопутных войск или мишенями для различных военно-воздушных сил, я с сожалением отмечал, что эти самые города, которые я знал, которыми восхищался в мирное время, уже таковыми никогда не будут. Великолепные места, где я успел побывать, с которыми меня связывали яркие эмоциональные воспоминания, взорваны и разрушены до основания.

Я побывал в большинстве стран, которые, в конце концов, оказались завязаны в мировом конфликте... Я играл за сборную Англии перед 110,000 кричащих «зиг хайль!» немцев на берлинском олимпийском стадионе – в тот день мы хорошо надругались над нацистской гордостью на самом роскошном стадионе в мире. Я играл перед Муссолини в Риме и был живым свидетелем самой ужасной - на моем веку – работы арбитра в Милане. Я был в Швейцарии, Румынии, Венгрии, Чехо-Словакии, Голландии, Австрии, Бельгии, Финляндии, Франции, Норвегии, Дании, Швеции и Югославии.

Конечно, впечатлений – на всю оставшуюся жизнь. И романтических и курьезных, и экстравагантных. Я ел чеснок до тех пор, пока не почувствовал, что больше уже никогда к нему не притронусь. Я видел маслосборники Плоешти (еще до того, как туда пришли американские освободители), гондолы Венеции, прекрасную Вену и все великие города Европы. Я умудрился попасть в кораблекрушение, ехал в поезде, когда он столкнулся с другим железнодо-

рожным составом, был в нескольких дюймах от авиакатастрофы... но самый неприятный момент моей жизни, момент, который я не хотел бы повторить ни за что на свете, был все-таки в Берлине: мы приветствовали Гитлера, отдав ему нацистский салют - «зиг хайль!».

Что ж - вот история об этом приветствии, которая прошла по страницам всей мировой прессы, став главной новостью тех дней.

Это было в 1936 году. В том году Англия участвовала в берлинских олимпийских играх, проводимых на баснословном стадионе, построенном с единственной целью – поразить весь мир мощью нацистской державы. Были потрачены миллионы марок, причем не только на строительство объектов но и на пропаганду и продвижение игр.

Мистер Стэнли Роуз, секретарь Футбольной Ассоциации, поехал в качестве руководителя английской любительской команды, участвовавшей в футбольном турнире. Поначалу вопрос о приветствии Гитлеру, которое было необходимо во время торжественного парада, доставлял всем ощутимое беспокойство. После того, как большинство стран согласились на олимпийский салют (который делается правой рукой в сторону, а не вперед и вверх, как это делали нацисты), английские атлеты договорились, что будут только салютовать по принципу «глаза вправо». Мистер Роуз сказал мне впоследствии, что после выброшенных в сторону рук других атлетов на параде Гитлер и толпа его окружения просто не заметили поворот головы английской делегации. Но этого было достаточно, чтобы зрители освистали наших парней, и среди них Бернарда Джоя. Казалось, что все этим здорово обижены.

Когда настала наша очередь двумя годами позже пройти через то же самое испытание, Мистер Врефорд Браун, руководитель английской команды, и Мистер Роуз обратились за указаниями к сэру Невилу Хендерсону, британскому послу в Германии, когда наша делегация прибыла в Берлин. Мистер Роуз напомнил сэру Невилу о своем предыдущем опыте и предложил, в качестве учтвого жеста, или, что было более важно – чтобы не портить настроение зрительской аудитории, приветствовать хозяев перед началом матча по

правилу современной Германии. Сэр Невил с огромным облегчением согласился, обрадовавшись, что чиновники Футбольной Ассоциации готовы помочь ему в этом весьма щепетильном и непростом деле, которое могло бы обернуться в поистине трудноразрешимую ситуацию. С его точки зрения, в данном конкретном случае это было самое мудрое решение.

Мистер Врефорд Браун и мистер Роуз возвратились из посольства, позвали меня (я был капитаном команды) и объяснили, что игроки должны были сделать. Я ответил: «Мы граждане Британской Империи, и я не понимаю – почему мы должны отдавать нацистский салют. Они должны понять, что мы и так стоим по стойке «смирно» во время исполнения национального гимна. Мы ведь никогда не делали чего-то особенного сверх этого, просто стояли «руки по швам», когда исполнялся другой гимн. Как бы там ни было, мы сделаем все возможное, чтобы выиграть у немцев – честно и справедливо.» После этого я пошел к остальным футболистам, чтобы рассказать им – что нас ждет в перспективе. Конечно, никому из игроков идея нацистского приветствия не пришлась по вкусу.

Когда мы собрались все вместе за несколько часов до игры, мистер Врефорд Браун проинформировал ребят, о чем я уже им сообщил. Он также добавил, что поскольку на данный момент в современной политике существуют определенные скрытые подводные течения, о которых мы ничего не знаем, да и не должны знать – ведь это не наша головная боль, не забота спортсменов, а дела политиков, - было решено, что приветствие местным германским салютом – будет наиболее мудрым решением. Затем, в более приватной обстановке, он сказал нам, что всё это ему точно также противно, как и нам, но, в конце концов, поступить сейчас по-другому было бы не правильно.

Что ж, делать было нечего, и настроение, понятно, в связи с этим было совсем нерадостным. Конечно, приветствуя Гитлера, я чувствовал себя подурачки, но дипломатия мистера Роуза сработала, поскольку мы вышли на поле заряженными на победу, на то, чтобы побить немцев. И после того, как наше приветствие было встречено аудиторией с огромным энтузиазмом, мы принялись за дело. Единственная забавная вещь по поводу этого была в том,

что мы приветствовали только один раз, тогда как члены немецкой команды четырежды вскидывали руки – в каждую из сторон стадиона.

Продолжение последовало за обеденным столом вечером после игры – банкет давала Ассоциация Рейха по физической культуре, когда все были в приподнятом настроении, а сэр Невил Хендерсон прошептал мистеру Роузу: «Вы и ваши футболисты показали, что, в конце концов, вы - отличные посланники!» И так оно и было.

Возвращаясь назад - на несколько недель перед матчем, я вспоминаю то волнение, которое, казалось, охватило весь английский футбольный мир. Все, кто имел какое-либо отношение к предстоящей поездкой в Германию, да и многие другие, чувствовали, что это был не просто обыкновенный футбольный матч, а нечто более глубокое.

Это был вызов, который бросила Германия, и на который Англия была обязана должным образом ответить, да и не просто ответить, а именно победить. Я не могу объяснить – как я чувствовал себя в то время, но несмотря на то, что мы являемся профессиональными футболистами, у нас те же самые чувства – как и у других людей.

Мы читали газеты и слушали радио, и я полагаю, что у большинства из нас на тот момент были схожие мысли в отношении Германии. Что, как бы это сказать помягче и спортивным языком, - Германия играла в двойную игру, а точнее – просто: готовилась к мировому господству. Мы помнили счастливых смеющихся парней из Австрии, которые в свое время провели с нами великолепные игры на «Стэмфорд Бридж» и в Вене. Что же случилось с их страной, и как следствие с ними самими после этого?

Итак, несмотря на смешанные чувства, мы с нетерпением ожидали объявления состава игроков, которым предстояло принять участие в этом матче – с нетерпением и, как я уже сказал, со всё более возрастающим волнением.

Наконец, игроки были определены, и пресс-атташе объявил состав команды: Вудли («Челси»), Спростон («Лидс Юнайтед»), Хэпгуд («Арсенал»), Уиллингэм и Янг («Хаддерсфилд»), Уэлш («Чарльтон»), Мэтьюз («Сток Сити»), Робинсон («Уэнзди»), Брум («Вилла»), Гоулден («Вест Хэм»), Бастин («Арсе-

нал»), Куллис («Вулвз»), Бэйтман («Брентфорд») и Клифтон («Честерфилд»). Неплохая собралась команда, ей вполне было по силам в то время выиграть у любого соперника. И все-таки по поводу данного матча еще оставались вопросы. Было чувство, что противостоять вам будет некая темная лошадка.

Я был рад оказаться в сборной, и рад вдвойне, поскольку меня опять избрали капитаном команды, а ведь, судя по всему, нам предстояло сыграть в одном из самых значительных и напряженных матчей моей карьеры.

Но какими бы ни были наши тревожные и смешанные чувства, все-таки все вместе мы составляли веселую и дружную компанию, которая стартовала от станции «Улица Ливерпуля» вечером в среду, предшествовавшую матчу, чтобы отправиться в голландский Харвик и далее – на Берлин. В компании был Стэн Куллис, любящий и умеющий говорить (и достаточно глубоко) на самые разнообразные темы – я не помню, освоил ли он на тот момент эсперанто, Кен Уиллингэм, неугомонный юморист, Дон Уэлш, с его заразительным смехом, ну и – все остальные.

Приятная поездка, причем большинство из нас не было подвержено морской болезни, так что путешествие началось вполне нормативно. А далее, после пересечения границы Бельгии и Германии, многие из нас впервые в жизни увидели немца в его собственной стране – это был таможенный офицер в зеленой униформе.

Естественно при первой же возможности, все мы пошли осматривать Берлин, но, думаю, что большинство из нас, были несколько разочарованы, так как не было ни уличных боев, ни грузовиков со штурмовиками, снующих в разных направлениях. В общем, после познавательной прогулки никто из нас не пострадал, и следующим утром мы отправились к Олимпийскому стадиону с Томом Уиттакером в качестве массажиста.

Приехав из страны, в которой большинство клубов похваляются своими огромными стадионами, а также – поиграв на крупнейшем футбольном стадионе мира, «Хампден Парк», мы, тем не менее, были просто поражены этим замечательным сооружением.

Потрясающий, гигантский и блестящий на утреннем солнце - стадиона смотрелся поистине великолепно, - казалось, что он был декорацией какого-то роскошного голливудского фильма. Укладка газона была также хороша, как и на Уэмбли, возможно даже лучше, но вокруг газона было гораздо больше места, чем на нашем стадионе, где мы проводим финалы Кубков. Видимо, это что-то должно было означать.

Единственная наша жалоба бы на то, что немецкие власти (интересно, думали мы – было ли это сделано умышленно) выделили нам раздевалку на самой верхней части огромной основной трибуны. Нам потребовалось почти полчаса, чтобы добраться до нашего временного пристанища, и с этого места футбольный газон смотрелся как осадок мятного ликера в гигантской чаше.

На следующий день на официальном совместном собрании, мы впервые достаточно близко увидели немецких футболистов, с которыми мы должны были встретиться на поле. Некоторых из них, впрочем, мы уже знали, но, как мне казалось, даже в этой неформальной обстановке, наши парни все время оценивали тех, с кем завтра им предстояло сразиться. Стэнли Мэтьюз признался потом, что Мюниенберг, у которого был такой же, как у меня, номер, и который тут же стал вызывать у Стэна опасения, выглядел теперь старше, чем три года назад, когда они виделись с ним в Тоттенхеме.

Это и была могущественная немецкая команда, которую отбирали с особой тщательностью, как будто в дальнейшем их собирались использовать для персональной охраны Гитлера. За прошедшие месяцы руководители нацистского футбола проводили судебные разбирательства, выискивали повсюду футбольный ресурсы Рейха, постоянно тасовали игроков, пытались найти оптимальный состав, ездили даже в высокогорную Австрию для того, чтобы подойти к игре в идеальной спортивной форме. В общем, всё это делалось для того, чтобы обыграть нас в этом матче.

Затем, все участники встречи со стороны Германии – официальные лица, игроки, фотографы и остальные – исчезли: их повезли в секретное место в Шварцвальде на специальную двухнедельную тренировку в идеальных условиях – чтобы добиться единообразия и идеальной слаженности в мыслях и движениях.

Я думал об этом в тот момент, когда смотрел на группу высокомерных, загорелых гигантов, которые выглядели абсолютно уверенными, исполняя то, что Гитлер считал возможным, когда он год спустя предпринял свой поход против всего мира и, в том числе, против Англии, которую он хотел стереть с лица земли...

Как бы там ни было, мы знали, с кем нам завтра предстоит встретиться, и могу сказать, что вернулись в гостиницу серьезными и сосредоточенными. Но оглядывая свою команду, я также почувствовал уверенность. Я говорил себе, что в команде вполне достаточно футбольных мозгов, чтобы преодолеть сопротивление одиннадцати немцев, и потом, в конце концов, мы играли за Англию, что тоже должно что-то означать. С таким позитивным настроем я и отправился спать, и заснул сном праведника, ну или, во всяком случае, уж - полуправедника...

Весь Берлин бурлил по случаю футбольного матча, и в субботу, практически впервые после приезда, мы почувствовали себя в своей тарелке. До этого времени, на нас не сильно обращали внимание, но теперь в день матча у выхода из отеля собралась толпа, которая даже поприветствовала нас. Мы проехали через квартал «небоскребов» и направились на стадион. Ситуация в городе несколько напоминала восторженную атмосферу вокруг знаменитой лодочной регаты между Оксфордом и Кембриджем.

Конечно, надо было услышать триумфальную поддержку 110.000-ной аудитории, собравшейся на стадионе, когда на поле выбежали игроки сборной Германии. Ужасный гроыхающий рев приветствия прокатился по трибунам, затем рев «Зиг хайль» и далее «Хайль Гитлер». Изображения нацистской свастики были повсюду, и лишь в одном-единственном месте среди давящего черно-красного колорита гордо развевался национальный флаг Великобритании.

Гитлера на матче не было, но в ложе Фюрера сидели Гесс, его заместитель, Риббентроп, Геринг и министр спорта Рейха фон Чаммер унд Остен. Вместе с ними сидел и сэр Невил Хендерсон.

Геринг, которому только что было присвоено звание фельдмаршала, выглядел шикарно в кремовой униформе, разукрашенной значительным количеством золотых нашивок.

На нем было столько медалей, сколько, быть может, у меня - вызовов в сборную на международные матчи, а перед ним на выступе лежала пара огромных полевых биноклей – самых больших, из тех, что я видел в своей жизни.

Он постоянно смотрел в них, наблюдая за игрой. Но, похоже, новоиспеченный фельдмаршал не слишком сильно разбирался в данном виде спорта. Потом мне рассказали, что он периодически смотрел на наши ворота, в то время, как мы забивали мяч на противоположной стороне поля, и сэру Невилу приходилось наклоняться к фельдмаршалу, чтобы уведомить его о том, что он смотрит не совсем туда, куда следует.

День был на редкость знойным, но газон был в превосходном состоянии, и когда я бежал к центру поля, чтобы встретиться там для проведения жребия со своим старым оппонентом, капитаном немецкой команды, Щепаном, я сказал себе: «Эдди, если ты не сможешь сыграть как следует здесь и сейчас, ты больше уже нигде не будешь играть.»

Эту игру описывали более искусные, чем ваш покорный слуга, люди, но я твердо знал, что мы должны победить, когда через пятнадцать минут после начала матча Клифф Бастин, мой единственный коллега из «Арсенала» в сборной, красивым ударом распечатал ворота хозяев.

Вскоре Германия сравняла счет, но это нас не остановило, и к перерыву мы вели уже 4-2. Джеки Робинсон реализовал штрафной, а затем голы забили Брум из «Виллы» и Стэнли Мэтьюз.

После перерыва Робинсон провел свой второй мяч в этой встрече, а Лен Голден окончательно разрушил интригу матча, забив с лету левой ногой мет-

ров с 27 – это был один из самых мощных и красивых голевых ударов, которые я когда-либо наблюдал – увидев мяч в сетке, я буквально запрыгал от восторга. Мы выиграли 6-3, и это была одна из самых великих побед сборной Англии по футболу за все времена ее существования. И конечно, самая убедительная и приятная.

Я был горд и счастлив, когда в тот вечер после матча мы поднимались по ступеням – четыре лестничных пролета – в нашу раздевалку. Интересно, что в тот вечер по окончании игры сказали мрачные и разочарованные представители партийного руководства нацистов своим футболистам? Наверное, они переписали имена всех участников поражения и, когда представилась возможность, отыгрались на них – отправив всех на русский фронт, когда Германия атаковала Советы...

Вот так мы выступили в тот великий день, и я никогда не забуду ни эту игру, ни ту удивительную английскую команду: Вик Вудли, Берт Спростон, я, Кен Уиллингэм, Альф Янг, Дон Уэлш, Стэнли Мэтьюз, Джейки Робинсон, Фрэнки Брум, Лен Гоулден и Клифф Бастин. Интересный факт о паре, игравшей на нашем левом фланге: единственный раз до этого вечера они играли вместе... в свои школьные годы, в товарищеском международном матче.

Я часто думал во время войны – что случилось в дальнейшем с теми немецкими игроками, с которыми мы встретились тогда на футбольном поле. Лишь однажды осенью 1943 года я наткнулся на информацию об одном из них, в маленьком параграфе сводок Рейтера, которые выбирались нашим информационным агентством из публикаций Германского информбюро. В данной сводке говорилось, что Альбин Китцингер, который играл левого полузащитника и который также принимал участие в сборной Европы, игравшей с нами на Хайбери, был тяжело ранен после мощного дневного налета наших бомбардировщиков на Швайнфурт.

Часть четвертая

Муссолини – прямое попадание

Но перейдем к другим событиям.

Например – к тому историческому удару мячом, который чуть не убил Муссолини.

Я играл в первый раз за сборную Англии, и было это в Риме, в знойный, душный майский день 1933 года.

Я ничего не знал об этом инциденте, пока мой друг не рассказал мне о том, что произошло, уже после матча (в противном случае, если б я увидел это во время самой игры, думаю, что сильно забеспокоился бы).

Очевидно, прерывая передачу во время одной из мощных атак на наши ворота, я сильно послал мяч в сторону от ворот, и он полетел на трибуну. Муссо, сидевший строго в профиль к футбольному полю со слегка задранными подбородком на манер всех диктаторов, начиная с Нерона, не сумел вовремя заметить летящий в него спортивный снаряд, в результате чего мяч точно попал в его новую, великолепно сидящую на нем униформу. Это произошло сразу после того, как правитель закончил ланч.

Мой друг, которому стоило больших усилий наблюдать эту сцену с серьезным выражением лица, рассказывал, что, как только Муссо восстановил сбившееся от удара дыхание, он выглядел так, будто собирался тут же уничтожить того нахала, который осмелился оскорбить его достоинство.

Думаю, что его все-таки уговорили вести себя надлежащим образом, поскольку ничего по поводу этого удара из официальных источников я не слышал. И впоследствии часто жалел, что попал в него всего лишь футбольным мячом, а не каким-нибудь другим, значительно более смертоносным предметом...

Совершенно случайно во время этой поездки я оказался еще ближе к Муссолини.

Во время одной из наших экскурсий по великому городу, всю нашу компанию доставили в роскошный дворец правителя Palazzia Venezia, и, после беглого осмотра, нам сказали, что мы удостоились особой чести – нам позволено сфотографироваться с одним из величайших людей современной эпохи.

Мы прошли в великолепный банкетный зал и, наконец, в помещение вошел сам великий, по-прежнему четко державший свой подбородок на весьма неудобной высоте, но зато в полном соответствии с историческими традициями.

Одет он был достаточно просто – черная куртка и штаны с рядами иголок. Я кстати был чрезвычайно рад тому, что оказался на несколько дюймов выше Муссолини! Всё тем же мрачным и жестким выражением лица, он сфотографировался с нами и затем подписал нам получившиеся фотографии.

Во время этих итальянских туров всегда что-нибудь да происходит. Возможно, это были наиболее утомительные поездки, ведь вы должны быть предельно сконцентрированы и внимательны. Но как бы там ни было, мы всегда находили повод для веселья.

В этом римском матче для наших ребят, игравших на поле, была еще одна забавная ситуация.

Бороться в тот день приходилось не только с футболистами соперника, но и со зрителями, составлявшими на протяжении всей игры еще одного дополнительного игрока итальянской команды.

Матч игрался на безумных скоростях на фоне ослепительного солнца. Быстрые, мобильные итальянские форварды показывали нам всё, на что они были способны, и в итоге повели в счете, благодаря мастерству их левого крайнего Досси.

И тут началось поистине какое-то сумасшествие.

Неистовые итальянцы взяли приступом барьер, отделяющий зрителей, и кратчайшим путем направились к сияющему и поначалу прыгавшему от сча-

стью отличившемуся игроку, который к тому моменту был уже окружен коллегами по команде.

В итоге - все, кто мог, хватали Досси, обнимали, целовали, хлопали по плечам, а когда какой-то энтузиаст из зрителей передал окружившей нападающего толпе букет цветов,- сплели венок и увенчали им голову футболиста, торжественно сопроводив его в таком виде до центра поля, в то время как основная часть болельщиков, находившихся позади барьера, активно выражала свое признание спортивному подвигу левого крайнего итальянцев.

Угловым зрением я увидел, что Гарри Гиббс, который защищал в тот день наши ворота, приостановил выполнение своей печальной обязанности по доставанию мяча из сетки и с вытаращенными глазами наблюдал происходящий спектакль. Досси был одним из тех, кого в свое время привезли из Южной Америки, и даже если бы он ничего уже не сделал на поле в тот день, свои деньги он мог уже считать отработанными.

Но самым ярким впечатлением от Рима осталась для меня встреча с Его Пресвященством папой Римским – Пием XI. Группа Футбольной Ассоциации Англии была приглашена на экскурсию в Ватикан и в то время, как мы исследовали знаменитейшее место, о котором мы столько были слышаны, представитель итальянских официальных кругов сообщил нам, что папа Римский в данный момент принимал паломников, и нам позволено стать свидетелями данной церемонии.

Наша группа восприняла это приглашения с огромным, я бы даже сказал шумным, энтузиазмом, который рос по мере того, как мы проходили в огромный зал, куда пришли паломники со всей Италии, да и фактически - со всего мира. Паломники ждали сакрального для себя – возможно, самого главного - момента во всей своей жизни.

И затем, сопровождаемый помощниками и официальными лицами католической церкви, появился сам папа. Паломники опустились на колени, и Пий XI двигался между ними, шепча благословение, в то время, как они – один за другим, целовали его кольцо. Он выглядел по-настоящему великим человеком, а его морщинистое лицо было спокойным и добрым.

Часть пятая

Сражение при Хайбери

Травма, которую получил Том Купер, второй капитан английской сборной, в составе которой мне довелось выходить на поле (капитаном первой команды, в которой я играл, был Рой Гудал), предоставила мне возможность впервые надеть капитанскую повязку национальной команды в матче против Италии, 14 ноября 1934 года.

В течение прошлого лета Том в качестве капитана выводил нас – в рамках моего второго выездного (с Британских островов) турне сборной – на матчи с Венгрией и Чехо-Словакией. Обе встречи мы проиграли. После игры в Будапеште, где мы смогли забить всего лишь один гол, зато умудрились пропустить два, я слышал, как Том говорил арбитру Уэлли Левингтону: «Они проходили сквозь нас как сквозь солому!..» И это после того, как мы набегались до полусмерти! Франк Мосс позже жаловался в раздевалке: «Я был уверен, что они отменяют игру – я 90 процентов матча копошился в грязевом месиве!»

Когда был определен состав английской команды на матч с итальянцами (в Италии эта встреча афишировалась как самое важное сражение в мире со времен Великой Войны), удивлению многих не было предела: в команде оказалось пятеро игроков «Арсенала»: Мосс, Коппин, Боуден, Бастин и я.

За несколько дней до матча Том Купер получил травму, и стало понятно, что сыграть он не сможет. Вместо него в команду был вызван Джордж Мэйл, таким образом удельный вес хайберовцев достиг уже шести футболистов! Тем временем некоторые газеты активно начали разводить спекуляции по поводу того – кому в отсутствие Купера достанется капитанская повязка, и я был, конечно же, рад, что мое имя фигурировало в перечне возможных кандидатов.

Но футбольных болельщиков ожидал еще один шок до того, как команда вышла на газон. В понедельник Фреда Тилсона, центрфорварда, настоятельно попросили оставить расположение команды, а после того, как заменивший его Джордж Хант получил травму и отказался выступать... в команду вызвали Теда Дрэйка – таким образом, это был величайший (с нашей, конечно же, точки зрения) рекорд международных матчей сборной Англии: СЕМЬ футболистов «Арсенала» были включены в состав команды!

И затем, за несколько часов до начала встречи, мне сказали, что капитаном команды впервые в жизни буду я. Конечно я был счастлив – и особенно от того, что это случилось на моем родном поле. Состав команды был такой: Мосс, Мэйл, Хэпгуд, Вриттон («Эвертон»), Баркер («Дерби Каунти»), Коппин, Мэтьюз («Сток Сити»), Боуден, Дрэйк, Бастин и Брук («Манчестер Сити»). Другими «представителями» «Арсенала» были Том Уиттакер, возглавлявший работу с командой, и Джордж Аллисон, который вел репортаж на трибуне.

Я жутко волновался, когда выводил команду на хорошо знакомое поле, и после того, как были сыграны национальный гимны двух стран, представил игрокам двух почетных гостей матча – покойного принца Артура Коннаутского и сеньора Гранди, посла Италии в Великобритании. Затем я побежал к центру поля, чтобы бросить жребий с Монти, итальянским капитаном, еще не зная, что эта встреча будет самой грязной игрой из всех тех, что мне довелось сыграть на футбольном поле.

Мы помчались в атаку, и через пятнадцать минут практически встреча была выиграна. Уже через тридцать секунд мы должны были бы забить, но одиннадцатиметровый удар в исполнении Эрика Брука оказался по силам итальянскому голкиперу, Сересоли, кстати – весьма хорошему вратарю. Но Эрик исправил свой промах: через девять минут он забил головой великолепный гол с подачи Мэтьюза, а еще через две минуты вколотил мяч в сетку со штрафного удара, пробитого примерно с линии штрафной площадки.

Наши ребята показывали великолепный футбол, тогда как итальянцы, к тому времени, уже начали терять контроль над возникавшими эмоциями.

Не успели трибуны, заполненные пятьюдесятью тысячами зрителей отойти от празднования второго забитого мяча, как я попал в переделку.

Мяч был на нашей стороне поля, итальянцы вбрасывали аут, и их правый крайний далеко вкинул мяч в игру. Мяч перелетел через меня, я высоко подпрыгнул, пытаюсь достать его головой, и в это время правый полузащитник итальянцев, не обращая особого внимания на траекторию полета мяча, прыгнул передо мной и аккуратно и точно направил свой локоть в мое лицо.

Очнулся я в раздевалке. Раздавался затихающий шум трибун – это зрители заканчивали праздновать уже третий забитый гол в ворота итальянцев (мяч забил Дрэйк), а старик Том активно работал над моим окровавленным лицом. Я спросил его – разбит ли у меня нос, на что он, накладывая на обе части лица войлочный бандаж и гипсовую смесь, ответил, что так оно и есть. Как только Том оказал мне медицинскую помощь, я вскочил и бросился из раздевалки на поле.

Сражение на поле продолжалось, и уже в каждой команде были потери – газон покинул Монти со сломанным пальцем и переломом кости ступни. Итальянцы озверели до предела и пинали наотмашь всё, что попадало в поле их зрения. Моя травма, очевидно, легла в основу прогрессирующей потасовки между командами, хотя наши парни и старались сдерживать себя.

А ведь как тяжело вести себя как джентльмен, когда рядом ваш оппонент, напоминая активного члена мафии, бьет шипами но вашими ногам, либо пинает вас сзади, прыгая с вами в воздухе!..

Но, повторяю, мы держались в рамках дозволенного. Из нашей команды выделялся Уилф Коппин - он был явно в ударе в тот вечер. Впервые в своей карьере (или жизни) итальянцы получили урок честной физической борьбы плечо в плечо, а знаменитый подкат двумя ногами Уилфа заставлял их серьезно задуматься над тем что происходит.

Итальянцы играли гораздо лучше во втором тайме, и, если бы не титанические усилия нашей обороны, вполне могли сыграть вничью, или даже выиграть встречу. Меацца забил два красивых мяча в середине второго тайма с интервалом в две минуты, и только кошачья ловкость и сообразительность Мосса не дали ему сделать хет-трик и сравнять счет.

И мы держались, несмотря на то, что итальянцы с каждой минутой играли во всё более дикий и грязный футбол, а зрители ревели – всё более яростно. Один из журналистов испытал такое отвращение при виде грубостей, если не жестокостей, на поле, что озаглавил свой отчет «От нашего военного корреспондента с передовой».

Раздевалка сборной Англии после матча напоминала пункт эвакуации тяжелораненых и больных. Эрик Брук (которому уже во время матча была сделана жесткая перевязка локтевого сустава) и я – были отправлены в Северный Королевский Госпиталь для срочного лечения, тогда как Дрэйк, которого несколько раз сильно ударили, в том числе, один раз в лицо, Бастин и Боуден стали пациентами оперативной хирургической палаты Тома Уиттакера. Кстати, Клифф, Коппинг и Тед (это была его первая международная встреча) играли как настоящие герои.

В тот вечер на банкете сборная Англии представляла собой печальное зрелище. С моим загипсованным носом, ужасным привкусом во рту и сумасшедшей головной болью, раскалывающей череп, я в торжественной обстановке получал от сеньора Гранди памятные медали.

Проходя через банкетный зал, я наткнулся на столик, за которым сидел мой итальянский супостат, атаковавший меня локтем с тыла. Он нагло смотрел мне в глаза и... смеялся. Хорошо, что у меня уравновешенный характер – в противном случае, сражение при Хайбери продолжилось бы уже на банкете... Впрочем, возможно, он просто не заслуживал особого внимания. Тогда я подумал, что не хочу пересекаться в своей жизни с итальянцами. Но пять лет спустя мне уже вновь пришлось играть с ними, на этот раз - в Милане. В том матче травму получил Джордж Мэйл.

Через несколько месяцев после матча стало известно, что одной из возможных причин такой отчаянной, жестокой и грязной игры итальянцев была специальная жесткая установка от Муссолини. Каждому футболисту было обещано в случае победы 150 фунтов, автомобиль «Альфа-Ромео», и, что самое важное для них в то время – освобождение от ежегодной армейской службы.

Ничего из вышеперечисленного они так и не заработали, и даже два забитых ими во втором тайме мяча оказались недостаточным вкладом в ожидаемую победу.

Повторяю – это была самая грязная игра, в которой мне когда-либо пришлось принять участие на футбольном поле. Сам же я никогда не практиковал такой футбол, и никогда не хотел делать на поле ничего подобного, - в конце концов, это ничего не дает вам, кроме травм и сокращения игровой практики.

Другая игра, о которой возможно также лучше было бы не вспоминать, проходила с «Халл Сити» в полуфинале Кубка в тот год, когда «Арсенал», выйдя в финал, разбил «Хаддерсфилд».

После ничьи 2-2 в Лидсе, мы встретились с «Халлом» в следующую среду на «Вилла Парке». Дэвид Джек пропустил гол в первые двенадцать минут, и с того момента игра пошла всё хуже и хуже. Некоторые футболисты «Халла» всё время пытались играть без мяча, преследуя наших ребят по всему полю, и мы почувствовали истинное облегчение, когда прозвучал финальный свисток, означавший, что нас ждет финальный матч на «Уэмбли».

Мы, в «Арсенале», всегда знаем, что нам предстоит напряженный матч (напряженный, но не грязный!), когда мы встречаемся с «Виллой» или «Хаддерсфилдом».

Думаю, что из всех команд, с которыми мы ежегодно встречались, они были самые упорные, победить их было трудней всего. Конечно, бывали времена, когда мы с легкостью разносили эти команды, особенно примечателен был матч на «Вилла Парк», когда Тед Дрэйк установил рекорд Первого Дивизиона, забив все семь мячей в ворота «Виллы». Кстати, в этом матче Тед нанес в

общей сложности девять ударов по воротам, причем в одном случае он расстреливал вратаря в упор, но тогда Мортон блестяще спас свою команду!

Именно на «Вилла Парк» мне впервые сломали нос. Та игра – если не рассматривать эпизод с травмой – была одной из самых восхитительных, в которых мне довелось принимать участие.

Хозяева забили быстрый гол, мы сравняли счет, они вышли вперед, мы опять отыгрались, «Вилла» повела 3-2, но мы вновь сделали счет ничейным. Всё это происходило в первые полчаса игры. Билли Уолкер притормозил, и Джо Халм бросился наперерез. Подкат в ноги, и Билли зарабатывает штрафной удар, сам же и пробивает, навешивая на нашу штрафную. Я прыгаю, пытаюсь отбить мяч, но в то же самое время, Херби Робертс локтем с размаху попадает мне в лицо. Я приземляюсь, пытаюсь принять вертикальное положение, затем теряю сознание и прихожу в себя только в раздевалке, где Том, как всегда, колдует над моими ранами.

«Что, нос сломан?» - я требую у Тома ответа. Пытаюсь смягчить ситуацию, Том отвечает: «Ну, я так уж не думаю...».

«Если нос сломан, то этот матч мне уже не доиграть». На это Том спокойно говорит : «Ты бы лучше посмотрел на себя в зеркало.»

Я, шатаюсь, иду к зеркалу, и вижу, что мой нос размазан по лицу, как масло по бутерброду. Как ни странно, я не чувствовал тогда особо резкой боли. Я сказал: «Ну что ж, если это и есть перелом носовой полости, то я вполне могу играть на поле.» Том наложил подкладки и эластичный бинт, и я ринулся на газон, чтобы продолжить этот сумасшедший матч. Футболка моя (мы всегда меняли свой цвет в играх с «Виллой») при этом была вся в крови.

На тот момент «Вилла» вела 5-3, и до конца встречи оставалось минут двадцать. «Арсенал» пошел на решительный штурм ворот соперника, и Дэвид Джек забил один из своих неповторимых голов – 4-5. Потом буквально на последней секунде он упустил еще один реальный шанс поразить цель, и, таким образом, мы проиграли. Но все равно эта игра была из тех, что навсегда остались в моей памяти.

Мы всегда говорим, что никогда не сможем выиграть у «Шеффилда Юнайтед» на его поле. При этом они часто выигрывают у нас на Хайбери. В конце концов, мы развеяли это предубеждение. Нам нужно было во что бы то ни стало выиграть на «Брамал Лэйн», чтобы сохранить чемпионский титул. Что мы и сделали со счетом 3-1, и я не думаю, что после этого кто-нибудь из наших игроков опасался играть на их поле.

Один из поединков с «Шеффилдом» привнес в мою жизнь тайну, которую я сохранил вплоть до этого дня.

Это была моя вторая игра за «Арсенал», и Гарри Джонсон одновременно со мной рванулись за мячом, причем я бежал лицом к своим воротам. Я попытался выбить мяч ударом ножницами, но он буквально въехал меня, и в результате мяч от моей ноги ракетой влетел в сетку ворот «Арсенала». Автором забитого мяча «назначили» Джонсона, но я далеко не был уверен, что мяч коснулся и его ноги в этом моменте.

«Вест Бромвичу» иногда удается перекрывать нам кислород на поле. Они – одни из немногих, кто постоянно поручает крайним полузащитникам, вместо защитников, следить за соответствующими вингерами. Поэтому нам всегда приходится разрабатывать специальный план, когда они проделывают против нас этот фокус.

Упоминание «Альбиона» высвечивает в моей памяти времена, когда мы стремительным рывком выбегали с «Хоторнса», пытаясь успеть на скорый поезд, идущий в Лондон. Нас настолько поджимало время, что сразу же после финального свистка мы, не приняв душ, даже не переодевшись, мчались к ожидающему нас и готовому к спурту шарабану, чтобы поскорей добраться до станции. Через несколько минут пассажиры скорого поезда с удивлением могли наблюдать одиннадцать уставших игроков «Арсенала», бредущих по вагонным коридорам вагонов в грязной футбольной экипировке с полотенцами в руках – в поисках умывальников, чтобы как можно скорее смыть с себя грязь газона «Хоторнс»!

Аналогичный эпизод возник после матча с «Эвертоном». Та же история: мы рванули сразу же после окончания встречи к станции и, укутанные в длинные

белые банные полотенца поверх нашей футбольной формы, стояли, дрожа от холода на перроне вокзала, ожидая, когда прибудет поезд, который как назло опоздал тогда на пятнадцать минут!..

Часть шестая

Моё последнее турне.

В последний раз я выезжал за границу Британии в турне со сборной страны в мае 1939 года, всего лишь за несколько месяцев до начала войны. И вновь я был избран капитаном команды, которой предстоял визит в Италию, Югославию и Румынию. Что ж, поскольку эта поездка и в самом деле оказалась последней, думаю, что вы простите меня, если я остановлюсь на нем более подробно.

Хотя в то время мы и не знали об этом, но данное турне было, пожалуй, еще и поважнее – с политической точки зрения – чем поездка в Германию годом раньше.

Позже я узнал, что незадолго до того, как мы покинули Британские острова, в Министерстве Иностранных Дел были разногласия по поводу нашей поездки – рассматривалось предложение об отмене матчей в связи с крайне нестабильной ситуацией на континенте.

Встречаясь с итальянцами, заводящимися с пол-оборота (в армии которых, по их собственным подсчетам, было около восьми миллионов солдат, поддерживающих Гитлера, как родного отца), можно было легко заполнить – к великому несчастью, конечно – очередной международный конфликт, которые в то время стали возникать как грибы после дождя.

Тем не менее, после долгих дискуссий с чиновниками из Футбольной Ассоциации на Ланкастер Гэйт и в Уайтхолл все детали были улажены, и нам было разрешено совершить запланированное международное турне в полном объеме.

После длинного и тяжелого сезона нас, признаюсь, мало заботили политические аспекты поездки. Мы предвкушали хорошие каникулы в солнечной Италии с определенным, конечно же, элементом футбола. И, собравшись во вторник 9 мая на Викторианском вокзале, мы сели в двухчасовой Доверский Экспресс. Мы – это 16 футболистов, конечно же Том Уиттакер, Мистер Б.А.Глэнвилл, Т.Торн, Х. Гринвуд и С.Ф.Роуз из Футбольной Ассоциации, а также несколько президентов клубов и представителей прессы.

Как я уже говорил, больше всего нас интересовала обстановка, пейзажи. Предстоящие же футбольные матчи воспринимались нами как некий фон, на котором мы можем пополнить свой эмоциональный багаж путешественников.

Впрочем, оглядываясь сейчас назад, с точки зрения нынешней ситуации и того, чем я занимаюсь в данный момент, - вполне могу себе представить возрастающее волнение чиновников Футбольной Ассоциации по мере того, как каждый оборот колес Восточного Экспресса приближал нас к Италии, а перед ней – к Балканам.

Но всё шло на редкость хорошо. Всю дорогу от границы до Милана итальянцы дарили нам цветы.

Как только мы прибыли в Стрезу для таможенного досмотра, вагоны внезапно превратились в убранные цветами жилища: красивые итальянки бросали нам корзинки с цветами, более того – даже вешали цветочные гирлянды нам на шею. Тем не менее, постепенно, по мере того, как местные жители – легкие, как на симпатию, так и на обожание - старались выказать нам истинно итальянское гостеприимство, атмосфера становилась всё более истеричной.

Среди цветочных подарков были букеты гвоздик с табличками «Добро пожаловать в Стрезу!», и один из нас пошутил: «Девушкам надо было написать – «сыграйте за Стрезу, парни, и вы не пожалеете!»

Так оно и продолжалось по мере нашего продвижения к Милану.

Там, где останавливался поезд, ситуация повторялась, и в конце концов, мы стали чувствовать себя участниками каких-то грандиозных гангстерских похорон, ну, или, что еще лучше, кинозвездами мирового масштаба.

Если в Стресе нас восторженно приветствовали, то в Милане практически завалили цветами и приветствиями. Тысячи восторженных парней и девушек обступали нас, перекрывая движения, с просьбой об автографах, так что нам пришлось потратить немало времени, чтобы добраться до отеля, где царил всё тот же сумасшедший ажиотаж.

К этому моменту толпа поклонников усилилась за счет определенного количества чирлидеров из штата Муссолини, которые активно – чтобы показать себя народу – руководили аудиторией, скандировавшей разнообразные приветствия в адрес английской команды.

Особого желания стоять на лобном месте, практически на передовой, ни у кого из нас не было, поэтому, зарегистрировавшись, мы сразу же направились наверх в свои номера.

Мы с Джорджем Мэйлом были товарищами по комнате в этом турне, и у нас был великолепный номер, да еще и с балконом.

Наличие балкона вкупе с ревом толпы, доносившимся с улицы, сподвигнуло меня на следующие действия: я открыл оконную дверь, вышел на балкон и, объясняя пораженному товарищу «Им нужен объект для здравиц, они хотят кричать свои «Viva!»...», я резко вскинул (и тут же опустил) руку – что должно было отдаленно напоминать их фашистское приветствие.

Через мгновение я понял, что лучше было бы не выходить на балкон: ответный рев толпы практически втокнул меня обратно в комнату и стал вдвое мощнее после того, как я скрылся из виду. По-видимому, им понравилась моя пародия на Муссолини, поскольку ни камней, ни других смертоносных предметов нам в номер после этого не залетало.

В следующие два дня, оставшиеся перед матчем, у нас были небольшие экскурсии, включая поездку на озеро Комо, где мы увидели футбольный стадион, пристроенный к самому озеру. Что уж говорить – это были великолепные

поездки, и я наслаждался красотой пейзажей и местной архитектуры. Наверное, всего этого я никогда бы не увидел, если бы не начал играть в футбол (интересно, прочитают ли эти строчки мои дорогие друзья из бристольского магистрата).

Как обычно, прошел полагающийся визит к кенотафу, где я, как капитан команды, возложил венок к могиле неизвестного солдата, состоялось также и неизбежное посещение штаб-квартиры местной фашистской партии.

Наши надежды на то, что нас ждут солнечные выходные, не оправдались, поскольку в пятницу утром зарядил холодный проливной дождь. Но, несмотря на то, что столь мощные осадки перекрыли кислород проведению запланированных экскурсий, это пошло на пользу предстоящему футбольному матчу, ведь вряд ли кто-либо из игроков хотел бы бегать по сухому и жесткому, цементному, газону.

Мы были приятно удивлены следующим утром, когда в отель прибыла солидная когорта болельщиков сборной Англии, которые тут же потребовали встретиться с нами. Они приехали с Мальты, проделав путь точно так же, как и болельщики «Арсенала» посещают Шеффилд или другие места, где играет их команда.

Осознавая – сколько километров пришлось проделать этим людям, мы практически точно так же обрадовались, увидев их, как и они были счастливы, получив возможность воочию увидеть звездных игроков Английской Лиги.

Многие из этой группы были натуральными мальтийцами и, оглядываясь назад, в прошлое, я думаю, что мы сумели доставить им хотя бы небольшое удовольствие, учитывая, что совсем уже скоро армия хозяев поля - итальянцев - попытается раздавить их небольшой прекрасный остров.

Когда мы отправились на новый стадион, заполненный до отказа, а общая вместимость его составляла 70 тысяч зрителей, всё еще лил неугомонный дождь. Впрочем, мы давно уже привыкли к тому, что в субботу днем поливает дождь, так что по большому счету нас это не сильно беспокоило.

А вот что было в новинку, так это то, что вместо одиноких полицейских, стоящих в Англии по углам футбольного поля с основной целью – посмешишь аудиторию, поддевая мяч, улетевший в аут, - здесь практически вдоль всей боковой линии с внутренней стороны высокой проволочной сетки, выставленной, чтобы защитить игроков от бутылок или других подарков, которыми зрители могли наградить участников поединков, выстроилась плотная цепь карабинеров.

На своих карабинах итальянские полицейские установили штыки, и у каждого на голове был зубчатый шлем, приобретенный в Германии по окончании первой мировой войны.

Доктор Бауэнс, немец, был главным арбитром матча, и одно из его решений, когда Италия во втором тайме вышла вперед по ходу матча, на веки веков останется классикой некомпетентности. Я помню этот момент, как будто мы играли вчера, и думаю, что все, кто оказался свидетелем данного эпизода, вряд ли когда-нибудь забудут этот перл.

Андреоло, итальянский центральный полузащитник, послал мяч в центр штрафной, где спиной к нашим воротам стояли центрфорвард Пиола и Джордж Мэйл.

Они одновременно бросились за мячом, но явно больше шансов опередить соперника было у Джорджа, поскольку он все-таки был ближе к мячу.

Тем не менее, Пиола поскользнулся, и, падая, дотянулся до мяча рукой, послал его в сетку.

Ничего хорошего в его поведении, конечно же, не было, учитывая, что в довершении всего, он успел при падении еще и весьма ощутимо задеть кулаком лицо Мэйла. Каково же было наше удивлению, когда мы увидели, что судья показывает на центр!

Конечно, мы начали яростно протестовать против такого решения, и Бауэнсу даже пришлось бежать к боковому арбитру для консультаций. Впрочем, видимо все судьи в этот день отличались изрядной близорукостью, поскольку гол не был отменен.

Будучи на поле, мы не знали, что в королевской ложе мистер Роуз вынужден был (видимо, по законам королевской этики) отказаться от предложения Итальянского наследного принца – немедленно пойти на поле и объяснить доктору Бауэнсу, что гол был забит вне всяких правил.

На следующий день на первой странице ведущей миланской газеты мы увидели снимок: наследный принц демонстрирует мистеру Роузу, как Пиола кулаком затолкал мяч в ворота.

Как бы там ни было, всё закончилось для нас более-менее удачно. В последние пять минут Стэнли Мэттьюз сделал свой излюбленный рывок по флангу и Уилли Холл сравнял счет, после того, как защитник блокировал удар Лена Гулдена.

Еще одно незабываемое воспоминание о докторе Бауэнсе – это монетка огромных размеров, которую он использовал для жребия перед началом матча.

Я, в качестве капитана английской сборной и Меацца, левый полусредний и капитан итальянцев, вывели к центру поля целую вереницу официальных лиц и фотокорреспондентов во главе с сеньором Гранди.

Дул сильный ветер, дождь настойчиво продолжал орошать футбольный газон, и я надеялся на то, что выиграю жребий и выберу половину поля, чтобы играть по ветру в первом тайме.

Бауэнс показал мне громадную монетку, чтобы я выбрал – орел или решка. Арбитр еще только подбросил монетку, а Гранди уже показывал, на какой стороне должны начинать игру итальянцы. Естественно, я тут же обратил внимание, что жребий есть жребий, ведь монетка упала указанной мною стороной. В общем, после всей этой мороки, я выбрал ворота, и мы начали играть по ветру.

Впрочем, все разочарования и раздражения от этого дня остались в прошлом и были забыты на прекрасном вечернем банкете, прошедшем под знаком доброжелательности. Все выступавшие были настроены добродушно и желали друг другу удачи. Джордж Мэйл со своим разноцветным глазом был объ-

ектом шуток, но будучи сам мягким и остроумным человеком, - терпеливо, с улыбкой, сносил колкости.

На банкете присутствовали британский посол и итальянский генерал.

В своей речи генерал много говорил о том, насколько глубоки и нерушимы дружеские узы, связывающие Италию и Англию, итальянский и английский народы...

Менее, чем через год, итальянские войска войдут в капитулировавшую Францию, и объявят войну осажденной Англии. Но это уже политика, и если эта книга и говорит об обманных движениях – то только тех, что происходят на футбольном поле, а не за его пределами.

На следующий день мы отправились в Венецию и далее в Юго-Славию.

Часть седьмая

Гирлянды и чеснок.

Несмотря на то, что мы прибыли в Белград с восходом солнца, нас встречали сотни футбольных болельщиков – настоящих энтузиастов этой всеми любимой игры.

Было много цветов, но кроме цветочного запаха, поверх его, был другой – чесночный. Он распространялся здесь просто-таки волнами, и охватил нас со всех сторон, как только мы ступили на платформу станции.

Конечно, чеснок – полезная для здоровья вещь, но ранее утро – не лучшее время для профилактики простудных заболеваний подобным способом. Впрочем, славяне были настолько радостны и доброжелательны – практически как дети – что нам ничего не оставалось, кроме как поддаться их счастливому настроению. По крайней мере, это вполне могло быть хорошим предзнаменованием в этой нестабильной и небезопасной земле.

Представители местной власти произносили речи, смысл которых (в подавляющем большинстве) мы просто не понимали, в то время, как толпа постоянно кружила вокруг нас. В утренних газетах также были исключительно доброжелательные очерки и приветствия в наш адрес. Прилагаю перевод одной из таких статей (отдельное спасибо мистеру А.К.Дэвису, президенту «Вест Хэма», который был членом нашей делегации во время этой поездки, а после возвращения на родину подарил каждому из нас небольшой буклет – дневник состоявшегося турне):

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ

«Иллюстрированный спорт» сердечно приветствует футбольную сборную Англии в Белграде. Трудно передать словами – насколько все мы рады вашему приезду.

Мы годами ждали этого момента – когда избранные представители «Родины футбола» померяются силами в принципиальном матче с нашими футболистами – с лучшими одиннадцатью из них, хотя мы отдаем себе отчет, что игра эта товарищеская, и вряд ли она много значит для наших гостей, англичан.

Как истинные спортсмены мы гораздо меньше думаем о результате самой предстоящей встречи, чем о том, что нам предстоит сразиться на поле с наиболее грозным и опасным соперником, который существует на сегодняшний день в футбольном мире. И о том, что мы должны постараться показать всё, на что мы сегодня способны, и подтвердить силу нашего молодого развивающегося югославского футбола. Мы уверены, что наши гости, как настоящие спортсмены, также поведут себя на поле бескомпромиссно и покажут истинное мастерство.

Мы желаем нашим гостям приятного пребывания в Белграде и напряженного, интересного матча, который должен стать образцом футбола для тех десятков тысяч зрителей, которые придут посмотреть, возможно, самую важную и особенную игру в их жизни.»

Что ж, это было неплохим началом, но главная работа состояла в данный момент в том, чтобы добраться до отеля, где можно помыться и позавтракать. Большинство из наших ребят пробились к такси, но я был отделен толпой от основной группы нашей делегации, и в конечном итоге вынужден был добираться до отеля пешком. Спрашивать – куда идти и где находится отель, было совершенно необязательно: толпа в буквальном смысле несла меня в требуемом направлении.

Мне чертовски хотелось как можно скорее оказаться в гостинице. Горячая ванна – было единственным средством, которое может избавить меня от чесночного запаха, которым я пропитался насквозь. По прибытию в отель я практически подрался с одним иностранным журналистом, размещавшимся в той же гостинице. Мой номер был единственным на этаже съютом с ванной, и журналист, судя по всему, также изнывавший от чесночной атаки, явно по-

ложил на него свой алчный глаз. Но я был непреклонен, правда, пообещав ему попользоваться ванной после меня.

У нас было два свободных дня перед игрой, и мы сразу стали исследовать город.

В среду нас вывезли в Опленач, находящийся в двадцати пяти милях от Белграда, где в честь короля Александра, убитого в Марселе, была недавно возведена церковь. Церковь оказалась действительно красивой, и, не знаю почему, я все время думал об одной газетной фотографии, которую я видел несколько лет назад. На фотографии был изображен король Петр II в юности. Царь покидал тихую небольшую школу в Англии, чтобы вернуться на родную землю и править вместо своего трагически убитого отца, чьи останки можно было увидеть в этой церкви. Почитатели короля Александра перевезли его одежду с пулевыми отверстиями, оказавшимися смертельными, и положили ее в гробницу.

После Опленача нас повезли в поездку по близлежащим виноградным районам с заездом на винодельческую фабрику. Это было интересно, тем более что каждый из нас в качестве сувенира получил бутылку вина! С приятными мыслями, наполнявшими нас после получения ценных сувениров, мы распрощались с хозяевами фабрики и отправились в Аранджеловац, где нас вновь ожидала «жидкость», правда другого рода... термальным минеральным источником. Правда, желающих увезти бутылку данной жидкости что-то среди нас уже не наблюдалось...

А вечером – еще один банкет, на котором мистер Глэнвилл выказал очередной яркий пример послеобеденного красноречия. Я тоже произнес речь, но совсем другую: это было... радиointервью. Радиожурналист подошел к моему столику с проводным микрофоном и попросил меня сказать пару слов югославскому народу по поводу предстоящего матча. Боюсь, что сказанное мной было несколько высокомерно:

«Добрый вечер. Надеюсь, что вы найдете время, чтобы посмотреть нашу игру. Мы привезли очень сильных игроков, так что сейчас у нас на редкость хорошая команда. Уверен, что вы получите удовольствие от футбола!»

Югославские болельщики действительно получили удовольствие, поскольку их национальная команда обыграла нас 2-1!

Я почти забыл, что в этот день у нас было еще одно прелюбопытное происшествие с достаточно плачевными последствиями для меня и двух других членов нашей делегации.

Надо сказать, что я, будучи большим любителем чая, как и многие англичане, путешествующие по Европе, периодически кричал (ведь это был крик души): «сделайте чай такой, какой я люблю пить у себя дома!».

Только один раз за всё время моих многочисленных странствий по Европе я получил весьма достойный напиток – и было это как раз... в Белграде.

По протоколу, как это часто бывает во время подобных поездок, нас пригласил на дневной прием к себе домой Британский Министр, сэр Роналд Кэмпбелл.

Мы уселись в красиво меблированной гостиной после того, как нас поприветствовали Министр и его жена, и нам вынесли чай с пирожными. После первой чашки я не удержался от комментария, что это лучший напиток, который я пил с начала нашего турне.

Леди Кэмпбелл случайно услышала мои слова, и, когда мы собрались уходить, сказала мне: «Мне очень приятно, что вам понравился чай. Вот небольшой подарок для вас.» Это был пакет лионского чая весом в целый фунт, какое изобилие! Мы (я подумал) спасены! И тут же сообщил об этом двум другим почитателям чая – Тому Уиттакеру и Кену Уиллингаму. Мы немедленно попросили таксиста как можно быстрее довезти нас до отеля.

По приезду в отель мы тут же подозвали метрдотеля и, передав ему драгоценнейший пакет, попросили его заварить чай по-настоящему, а не просто

макнуть пару раз листья в чайник и выкинуть их – как, мы подозревали, делалось здесь во время нашего пребывания.

Метрдотель поспешил выполнять наше задание, а мы с нетерпением ждали его возвращения. В конце концов, он появился с подносом, на котором стоял маленький белый заварочный чайник, причем он нес этот поднос так, как будто на нем находилась бриллиантовая императорская корона. Я, как хозяин, был выбран в качестве ответственного за церемонию наполнения чашек, в то время как Том и Кен нетерпеливо облизывали сухие губы, жаждущие вкусить настоящий чай.

О дальнейшем я лучше умолчу. Чай напоминал густой сироп. Метрдотель высыпал весь пакет в этот маленький заварной чайник...

Перейдем к матчу.

Мы выставили на поле тот же состав, что и в матче с итальянцами, хотя после той встречи казалось, что замены неизбежны, поскольку многим из нас пришлось залечивать раны.

Главная головная боль для Тома Уиттакера был Стэнли Мэттьюз, который выбил свою тазовую кость после столкновения с Равой, левым защитником итальянцев. Впрочем, после предматчевой тренировки Стэнли объявил, что он здоров и находится в хорошей форме, так что начали мы тем же боевым составом.

Игра стала складываться неудачно с самого начала.

Стэн сказал мне, что нога у него заболела уже буквально через пять минут после начала. Пытаясь сделать свой фирменный рывок в обход Дюбача, югославского левого защитника, он почувствовал в ноге какую-то деформацию, и в оставшуюся часть матча напоминал скорее пассажира, чем матроса. И Стэн не был единственным в команде: также в начале матча я заработал себе разрыв связок голеностопного сустава. Таким образом, на поле с нашей стороны по сути оставалось девять футболистов (включая вратаря).

Ничего хорошего всё это не предвещало, и хотя я редко жалуясь на судьбы по ходу того или иного матча, должен сказать, что судья из Франции, Капдевилл, который незадолго до этого обслуживал финал Кубка Мира, не сделал ни малейшей остановки, чтобы нам была оказана помощь.

Так или иначе, мы проиграли этот матч.

Когда югославы забили через пятнадцать минут после начала матча, казалось, что сотрясается весь Белград, что все жители разом, по команде, сошли с ума. Шум продолжался несколько минут уже после того, как мяч был поставлен на центр и произвел значительное тонизирующее действие на югославов, которые продолжили игру с еще большим остервенением. Но до перерыва мы сумели отбиться, а через четыре минуты после начала второго тайма, сравняли счет.

Фрэнки Брум и Том Лаутон быстро разыграли великолепную комбинацию в центре поля, Брум вышел на позицию центрфорварда и забил гол. Эх, нам бы непредвзятого арбитра, - но все остановки во втором тайме предоставлялись на оказание помощи югославам, и в итоге они вырвали победу, забив победный гол. Длинный пас в разрез отрезал Куллиса, и левый вингер, Перлич, перекинул мяч через беспомощного в данной ситуации Вудли. Игра была сделана.

Мы играли хорошо, но недостаточно хорошо, чтобы не проиграть. Тем не менее, энтузиазм, который выказали югославы для своей победы, был настолько велик, что мы почти (заметьте, я сказал «почти») были рады, что они победили!

Часть восьмая

ПОСЛАННИКИ.

Когда мы следующим вечером покидали Белград, отправляясь в четырнадцатичасовое путешествие на корабле по Дунаю, большинство парней чувствовали себя измотанными, а что касается меня, то я знал, что на этом мой футбол в этой поездке закончился.

Большинство членов нашей делегации встали на следующий день в четыре часа утра, чтобы увидеть знаменитый порог на Дунае, Железные Ворота. Вид конечно был симпатичным, но все мы были разочарованы: Голубой Дунай оказался своего рода поэтическим соглашением, используемым авторами опер и композиторами вальсов. На самом деле он был абсолютно коричневым. Впрочем, пейзажи по обеим сторонам реки были поистине замечательными, так что поездка запомнилась нам надолго и никого не утомила.

Когда мы подъехали к Турну-Северин, казалось, что вся Румыния вышла на берег, чтобы поприветствовать нас, и у всех в руках были флаги или цветы. Было много государственных флагов Великобритании, вероятно сделанных в домашних условиях. Вдобавок на берегу выстроились два оркестра – один из бравых бойскаутов, другой – из наряженных военных. Оба оркестра исполняли «God Save the King», причем один играл несколько быстрее другого, второй же – пытался догнать и перегнать конкурента, ускоряя темп. Когда темп произведения достигал, наконец, галопа, музыканты останавливались и начинали исполнять заново. Мы покинули это неповторимое зрелище, когда, исполнители, казалось, уже стали пытаться выдуть своих конкурентов в Дунай.

Затем всё пошло как и в предыдущих странах. Наши перемещения по стране превращались в грандиозные местные праздники. Всё было так, как мы и представляли это по картинкам и книгам. Был даже и веселый цыганский оркестр – он играл во время нашего ланча.

Еще одно море цветов - в Крахове и, наконец, мы прибыли в столицу, Бухарест. Тысячи людей осаждали железнодорожный вокзал, три или четыре раза исполнялся национальный гимн, и после традиционных нескончаемых приветственных выступлений мы буквально прорывались с боями к автобусу, который ожидал нас, чтобы отвезти к отелю.

Этот отель – я забыл его название – находился в новом районе и оказался на редкость симпатичным – пожалуй, это был лучший отель, в котором мне когда-либо довелось побывать. У меня был целый свит, весь в цветах к моему приезду, так что я вполне мог почувствовать себя монархом, прибывшим с официальным визитом. Там была даже горничная, которая каждый день гладила мои брюки!

В этой связи, хотел бы затронуть чисто личный аспект. Я взял заглавие этой книги из следующей статьи, которая появилась на английском языке на первой странице одной из ведущих бухарестских газет. Вот что было в этой статье:

«Федерации Футбола Румынии выпала большая честь – принимать у себя в качестве гостей Британскую Национальную команду в связи с матчем, который заглавными буквами будет прописан в истории румынского футбола. Эта игра, несомненно, станет наиболее выдающимся спортивным событием текущего года.

Посланники из страны – Родины игры в футбол – прибыли сегодня в столицу нашего государства, что само по себе уже является символом настоящей дружбы между нашими странами, у которых общие идеалы. А у идеалов, как известно, нет границ – ни настоящих, ни исторических.

Мы считаем, что визит наших английских гостей будет отличной возможностью продемонстрировать нашим игрокам, также как и нашим зрителям, конкретное воплощение спортивных идеалов, которых мы пытаемся достичь.

Сейчас, когда Британская Национальная команда достигла румынской земли, мы вместе с тысячами спортсменов и болельщиков можем сказать ей наше сердечное «Добро пожаловать!».

Они назвали нас «Посланниками». Полагаю, что в определенной степени мы ими и были.

Очевидно, что в связи с тем, что в команде были игроки, залечивавшие раны после прошедших сражений, в этом, финальном, матче нашего турне в составе должны были произойти определенные ротации. Но это не останавливало нас от просмотра местных достопримечательностей. Конечно, европейцы лезли из кожи вон, чтобы развлечь нас во время нашего пребывания на их земле, и Бухарест в этом плане не был исключением.

В понедельник после нашего прибытия в столицу Румынии вся наша делегация собралась рано утром для поездки на нефтяные месторождения. Первым пунктом нашей поездки было месторождение, принадлежащее Датской Королевской Нефтяной Компании «Shell» в долине Праховы, и как ни странно, оно было точь-в-точь, как нефтяные промыслы, которые мы недавно видели в киножурнале.

Выглядели нефтяные месторождения весьма впечатляюще. Мили за милями буровых вышек и скважин. Надо сказать, Румыния очень гордилась этими промыслами. Как я уже говорил в другой части книги, нефтяные промыслы стали выглядеть еще более внушительно, когда за дело взялись страны-освободители.

Но самая восхитительная часть поездки была после ланча: нас повезли в замок Пелаша, летнюю резиденцию короля Карола и мадам Лупеску. Это был прекрасный дворец, а пейзаж вокруг – словно взят из музыкальной комедии о Руритании (*вымышленной страны из романов Э.Хоупа*). Впечатления были просто-таки волшебными, непередаваемые словами – то, что называется, - на долгую память.

На следующий день у нас было много забавных мероприятий. После того, как «официальные» церемонии были завершены, мы отправились в цирк. Представьте – мы радовались и смеялись, как дети. А уж для наших главных юмористов – Кена Уиллингама, молодого Лесли Смита и педантичного Джо Меркера – поле деятельности образовалось просто-таки безмерное!..

В день матча мы с утра занялись шопингом, и хохмой дня стало частное разрешение одному из наших игроков посетить магазин дамского нижнего белья, чтобы посмотреть на то, на что обычно мужчинам смотреть не полагается... Это напомнило мне уморительные минуты нашей поездки в Будапешт, когда Кен Уиллингам получил аналогичное разрешение. Он пошел в изысканно меблированный дамский магазин, где работали невероятно разукрашенные продавцы, и потребовал показать ему лучшие образцы, имеющиеся в магазине, в то время как мы подглядывали через витринное стекло и хохотали до изнеможения. Перед тем, как в итоге отказаться от покупок, Кен театрально просмотрел практически каждый пункт ассортимента в магазине. Затем, распрощавшись, он вышел на улицу, где получил уже от нас заслуженные овации и аплодисменты.

В составе команды были четыре замены: вместо Уиллингама, Мэтьюза, Уилли Холла и меня на поле вышли Моррис («Вулвз»), Коппинг, новый левый вингер, Дон Уэлш, и Лесли Смит («Брентфорд»), впервые выступающий за сборную Англии. Мы, как секретные ученые, работающие над военными разработками, сидели отдельно от всех на трибуне, в то время, как парни на футбольном поле боролись изо всех сил, чтобы наконец-то добыть единственную победу в нынешнем турне.

Сборная Англии продемонстрировала великолепный футбол, особенно ярко сыграли Стэн Куллис и Лен Гоулден. Именно Гоулден забил первый мяч через пять минут после начала матча, и тогда я понял, что мы обязательно в этот раз добьемся победы. Кстати, данный гол навел меня на следующие размышления.

Я никогда не был сторонник нумерации футболистов, и в данном случае еще больше убедился в своей неприязни к номерам, точнее, я просто считаю, что номера не являются верными и серьезными помощниками судьям и журналистам. Лен забил справа (что для него нехарактерно), и на следующий день бухарестские газеты сообщили, что счет открыл правый крайний Брум.

Наши парни играли с потрясающей самоотдачей и мастерством, и румынские зрители отдавали нам должное. Франки Брум получил травму во втором тайме, но остался на поле, и именно он отдал голевой пас Дон Уэлшу, который и поставил точку в этом матче.

Так и закончилось мое последнее турне: я сидел на трибуне и смотрел игру как зритель. И все-таки, я конечно же доволен поездкой. Но как бы там ни было, мы были рады отправиться домой. Над Европой уже собирались грозные тучи предстоящей войны и, буквально через несколько месяцев некоторые из наших друзей-футболистов стали нашими врагами, но затем вновь - нашими союзниками!

Часть девятая

МОЙ САМЫЙ ВЕЛИКИЙ МАТЧ.

Мой самый великий матч?

Без колебаний я называю последний международный матч между Англией и Шотландией перед войной на «Хэмпден Парке» 15 апреля 1939 года.

Англия не могла победить на «Хэмпдене» уже в течение 12 лет, и мне уже казалось, что у ребят начинал проявляться комплекс неполноценности, как только они приезжали в Глазго.

Хочу напомнить, что одной только атмосферы на стадионе достаточно, чтобы вывести из себя человека с железобетонными нервами.

Во время проведения большого футбольного матча Глазго превращается в одно сплошное безумие. Шотландцы утоляют голод, жажду и свое воображение именно футболом, и естественно приезжающая команда находится во власти этой атмосферы.

Национальные команды Англии, которые здесь проигрывали, потенциально были сильны, но тем не менее ни разу, начиная с 1927 года, когда доблестный Джек Хилл и его парни смогли выиграть в фантастичном по результативности матче, шотландцы не проиграли у себя на родном стадионе.

Такова была предыстория матча, и передо мной, как капитаном сборной, стояла задача во что бы то ни стало разрушить неприятную традицию, сделать всё, что в наших силах, чтобы на этот раз вернуться домой с победой.

Когда мы с командой ехали в поезде, я использовал всё своё красноречие, чтобы убедить футболистов, что среди шотландцев нет суперменов, что одиннадцать английских игроков уж, по крайней мере, никак не хуже любых одиннадцати шотландцев, в общем – старался произвести позитивное терапевтическое воздействие на своих парней.

В отеле я продолжил свои зажигательные речи и говорил, не смолкая, вплоть до раздевалки стадиона, пока, наконец, не убедился в том, что команда морально настроена на победу, а комплекс неполноценности успешно изжит, хотя бы на ближайшие два часа.

В тот день у нас была хорошая команда. Вудли в воротах, Моррис из «Вулверхэмптона» и я – в защите, Уиллингем, Стэн Куллис и Меркер – полузащитники, Мэтьюз, Уилли Холл, молодой Том Лаутон, большой как дом и уверенный в себе, Лен Гоулден и Пэт Бисли, мой бывший коллега из «Арсенала», который едва не лишился медали за выигранный кубок в 1936 году и который незадолго до этого матча был продан в «Хаддерсфилд» - играли в атаке.

Шотландская сборная напоминала эдакую ООН для клубов: Даусон из «Рейнджерс», Карабин («Тёд Ланарк»), Каммингс («Вилла»), Шанкли («Престон»), Бакстер («Миддлсбро»), Маккан («Вест Бромвич»), Макспедайн («Патрик Тистл»), Уолкер («Хартс»), Дугал («Престон»), Вентерс («Рейнджерс») и Джеки Милн («Миддлсбро»), еще один бывший сотоварищ по Хайбери.

Мы выходили на поле вслед за шотландцами, практически оглохнув по пути от безумного приветственного рева, охватившего стадион.

Думаю, что на белом свете, ну по крайней мере в пределах нашей планеты, нигде не раздается такой рев, как на «Хэмпдене».

Он перекачивается волнами по самому крупному стадиону в мире, оглушает и ошеломляет вас, заставляет вас судорожно ловить воздух, чтобы не задохнуться.

Конечно это великое место для игры в футбол, но, как бы зрители не ценили все тонкости этой зародившейся в Британии игры, все-таки именно футболисты в синей форме одним своим видом доводят толпу до безумия.

Мы выиграли в тот день.

Выиграли, потому, что я знал, что мы должны это сделать, потому, что наша команда была лучше, и для победы нам не понадобилось сногшибательное везение. В матче для нас были взлеты и падения с самого начала игры. Так, шотландцы достаточно рано открыли счет: Дугал, блестящий форвард из «Престона», завел до предела и без того ревущую аудиторию. Но за двадцать минут до конца молодой Пэт Бистли прекрасным ударом сравнивает счет, как ни пыталась шотландская оборона накрыть всех наших игроков.

Таким счет и оставался практически до самого финального свистка. И я уже стал отчаиваться, что наши результативные действия смогут прервать этот непрекращающийся оптимистичный гул стадиона.

Напряжение на футбольном поле передалось и зрителям, можно сказать, что довело их практически до полубморочного состояния, а один из журналистов, находящийся на главной трибуне назавтра сказал мне, что сконцентрироваться на репортаже, упорядочить свои мысли было просто невозможно в подобной в высшей степени наэлектризованной атмосфере. Каждое движение сопровождалось мощным подбадриванием трибун, а уж если шотландцы пытались изобразить нечто вроде атакующих действий, то от рева болельщиков натуральным образом закладывало уши. Время шло, оставалось три минуты до конца встречи.

В этот момент Лен Гоулден отдал длинный пас вдоль правой боковой линии. Там оказался Стэн Мэтьюз, подобранный мяч. Великолепное обманное движение, и защитный редут, состоявший из Макнаба, оставлен позади. Остальные английские форварды ринулись в штрафную, естественно к ним пытались прилипнуть и шотландские защитники, чувствуя серьезную угрозу. А Мэтьюз подбирался всё ближе и ближе к воротам. На пути его нарисовался Каммингс, но Стэнли ушел вправо в сторону углового флажка.

Каммингс в отчаянии попытался сделать подкат, но Мэтьюз, перескакивая через выставленную ногу сумел подать мяч в центр штрафной. Наш человек-гора, Том Лаутон находился уже там, и мяч, посланный его головой, вонзился в верхний угол ворот над совершавшим, казалось, нечеловеческий прыжок Даусоном. Так наконец-то мы победили Шотландию.

Да, это было серьезным разочарованием, даже трагедией для болельщиков сборной Шотландии, но к чести их будет сказано – они восприняли поражение стоически, и наградили нас ошеломительными аплодисментами, когда мы – уставшие, выдохшиеся, грязные, спотыкающиеся – уходили с поля.

Это был тяжелый, напряженный матч, но я пребывал в эйфории от победы и, словно не замечая усталости, бежал вокруг стадиона, похлопывая и подталкивая наших парней. Джо Меркер, который практически уже не мог двигаться, сказал, что завидует моей энергии.

Но все мы были бесконечно счастливы.

А сцена в нашей раздевалке напоминала ночь после снятия осады Мэйфкинга. Одиннадцать взрослых парней, большинство из них смертельно уставших, сыгравших не одну игру на международном уровне, а некоторые уже имевших с полдюжины, если не больше, различных кубков, болтали без умолку и смеялись как дети. А самым счастливым был я. Так что, полагаю, это была самая великая игра, навсегда оставшаяся у меня в памяти. В этот день я гордился тем, что был англичанином.

Именно в матче с шотландцами я единственный раз в сорока трех международных матчах привез пенальти в наши ворота. Кстати, это был первый пенальти, назначенный на «Уэмбли». Я не оправдываюсь, но на самом деле, это было – то, что называется, чистой случайностью. Но как бы там ни было, это стоило нам первого места в международном турнире этого года, и наоборот – сделало Шотландию первым обладателем серебряного Кубка короля Георга V.

Чтобы оказаться на этом матче мы должны вернуться на три года назад от победного дня на «Хэмпдене».

Мы выигрывали опять-таки у шотландцев 1-0 за десять минут до конца встречи и уже примеряли медали победителей турнира, как вдруг молодой Джон Крам, игравший свой первый международный матч, погнался за мячом у самой линии штрафной.

Я посчитал, что он в офсайде и замахал арбитру, но при этом продолжал преследовать его. Я видел, что Крам пытается из неудобного положения левой

ногой ударить по воротам. Он и ударил – за мгновение до того, как моя выброшенная вперед нога дотронулась до его голени.

Чисто технически, пенальти был, но я по-прежнему думаю, что это было скорее результатом случайного стечения обстоятельств.

Как бы там ни было, пенальти был назначен, причем конкретно из-за меня, так что чувствовал я себя в тот момент отвратительно.

Всегда, когда из-за тебя судья показывает на точку, ты чувствуешь, что подвел команду, а уж если это происходит на «Уэмбли», возникает ощущение, что ты совершил настоящее преступление.

Тем более, что Томми Уолкер пробил точно – от чего мне стало еще хуже. Но мои сотоварищи всячески старались подбодрить меня, и я немного успокоился, когда, читая на следующий день газеты, понял, что никто в прессе меня не обвиняет. Но вот против чего я возражал – так это против анонимных оскорбительных писем, которые я получал в течение нескольких дней после матча. Большинство этих писем содержали фразы типа «Грязный Хэпгуд» или «Так «Арсеналу» и надо!». Кстати, судьей на линии в том матче был Джимми Джуел, который два года спустя даст здесь знаменитый пенальти, о котором будет много разговоров...

Да, это был не мой день на «Уэмбли», но свою долю триумфа на этом великом поле я все-таки получил. Не могу сказать сходу – сколько матчей я провел там, но точно это было четыре финала (один матч проходил во время войны с «Престоном», когда мы сыграли вничью 1-1, но проиграли переигровку в Блэкберне), два из которых закончились победой моей команды. Пожалуй, финал 1936 года против «Шеффилд Юнайтед» (всего лишь через десять дней после моего несчастного случая с пенальти) наиболее ярко выделяется на фоне остальных, оставшихся в моей памяти. И не из-за самой игры.

В четверг перед игрой я находился в Брайтоне с остальными футболистами, когда внезапно пришла телеграмма: «Приезжай немедленно. Мама серьезно больна». Как только я скал об этом мистеру Аллисону, он отправил меня домой. Это было, как вы догадываетесь, далеко не радужное путешествие, но я проделал его в рекордно короткий срок. Моя мать была тяжело больна, и я просидел всю ночь у ее кровати. Наутро она почувствовала себя лучше и на-

стояла на том, чтобы я уезжал и присоединился к команде. Она говорила, что именно в этом состоит моя обязанность, и что она будет переживать, если я останусь дома. Я упирался, но она убедила меня уехать, и в пятницу вечером я был уже в Брайтоне. Все-таки наши мамы – замечательные. Особенно моя. Я безумно рад, что она поправилась и живет до сих пор.

Но ее болезнь не выходила у меня из головы все утро в день матча.

Я старался встряхнуться, отделаться от депрессии, говоря себе, что если я впаду в уныние, то ничего хорошего из этого для моей команды не выйдет. Но мы играли плохо в тот день.

И только благодаря тому, что фортуна улыбнулась нам, мы стали обладателями кубка.

Матч войдет в историю как финал Теда Дрэйка. Будучи тяжело травмированным в матче с Уэльсом в Вулверхэмптоне три месяца назад (когда, кстати, в сборной играли шесть футболистов «Арсенала»), Тед оправился, и мы рассчитывали на него на «Уэмбли». И не ошиблись. Играя с самой большой – вероятно – в мире повязкой на левом колене, Тед забил свой гол за шестнадцать минут до финального свистка.

После матча в раздевалке он рассказал нам, что получив пас от Клиффа Бастина, он понял, что «или сейчас, или никогда». И когда он наносил удар, он уже был уверен, что забьет. Впрочем, в той встрече в наших рядах происходила паника как до гола, так и после.

На первой минуте Алек Уилсон, наш голкипер, обычно самый невозмутимый из всей команды, выронил мяч на ногу Барклаю, инсайду «Шеффилд Юнайтед». Барклай тут же попытался обводным ударом направить мяч в сетку, но Алек рысью кинулся за мячом и сделал чудесный сэйв.

Не забив голов к перерыву, мы ввели в действие план, который мы всегда отработывали в дождливый день.

План был очень прост, но должен был быть воплощен с мгновенной быстротой. Тед Дрэйк ввел мяч после перерыва, отдав короткий пас Джеймсу. Бодуен повел за собой защитников на правый фланг обороны, в то время как Джек Крэйстон, наш правый полузащитник, который находился в централь-

ном круге, ринулся через центральную зону к воротам соперника сквозь оставшиеся оборонительные редуты. Алекс придержал мяч на пару шагов, после чего прокинул его на ход набегающего Крэйстона.

Джек прокинул себе мяч в район одиннадцатиметровой отметки и ударил по воротам. Казалось, что гол неминуем, причем это был бы самый красивый гол, забитый когда-либо на «Уэмбли». Но Смит, вратарь «Шеффилда», сделал лучший сэйв своей жизни, и нам пришлось ждать еще 28 минут, прежде, чем мы поняли, что Кубок достанется нам.

Прежде мы пытались несколько раз реализовать этот план, и в последнем случае – это был матч против «Вулверхэмптона» на «Мулинэ», и Крэйстон был действительно близок к цели: он попал в штангу.

Другие клубы стали копировать наше изобретение - с переменным успехом. Один из самых ярких примеров воплощения нашего плана, о которых я читал, случился в декабре 1938 года на «Вилла Парк» в матче «Виллы» с «Чарльтоном». Тогда Иверсон, левый полусредний «Виллы», ринулся к воротам через центр и вколотил великолепный гол. Свидетели, которые засекали время по секундомеру, говорят, что путь от первого касания мяча в центре поля до того момента, когда мяч оказался в сетке, был проделан за девять с половиной секунд.

Кстати, в третьем раунде Кубка – в том сезоне, когда мы обыграли в финале «Шеффилд Юнайтед» - мы играли в Бристоле с «Бристоль Роверс». Впервые после матча с «Таунтоном» я снова играл в своем родном городе, и с того дня прошло целых девять лет!

Тот матч был одним из самых напряженных в этой кубковой серии. Мы проигрывали один мяч, атмосфера на трибунах была чрезвычайно наэлектризованной, но что-то у нас, в «Арсенале», не клеилось в первом тайме.

В перерыве Том провел с нами хорошую воспитательную беседу, перевел Бобби Дэвидсона на левый фланг, Клиффа Бастина – на место правого ин-

сайда, и сказал, что мы должны выйти на поле и играть как команда «Арсенал».

Что мы и сделали, забив подряд пять мячей в ворота соперника.

Часть десятая

ГОЛ, ЗАБИТЫЙ ИЗ-ЗА ЛИЦЕВОЙ ЛИНИИ.

Удача не бывает бесконечной, даже в отношении «Арсенала», даже несмотря на то, что в нас верит огромное количество людей. Удача отвернулась от нас в моем втором финале в 1932 году, в матче против «Ньюкасл Юнайтед». Я по-прежнему считаю, что их первый гол был засчитан неправильно, но, как бы я не считал, изменить ситуацию - не в моих силах. Вы помните ситуацию с забитым мячом? Вот как это было.

Бойд, правый вингер «Ньюкасла», рванулся к центру, чтобы принять длинную передачу от Сэмми Уивера, но я был первым на мяче и послал его обратно к центру поля по направлению к Джеку Лэмберту, нашему центральному нападающему. В это время Ричардсон выбежал на фланг, а Бойд отбил мяч, за которым тут же погнался Дэвисон.

Это была длинная передача, и я видел, что если бы он догнал мяч, положение могло стать рискованным. Ричардсон, бегущий на всех парах, первым дотянулся до мяча и ударил в сторону ворот. Но к этому времени мы уже апеллировали к арбитру, считая, что мяч ушел за лицевую линию.

В то же самое время Аллен, воспользовавшись тем, что никто даже не смотрел на мяч, пнул его в сетку ворот... И хотя мы активно протестовали (матч судил мистер У. П. Харпер из Стоурбриджа), судья показал на центр, засчитав этот курьезный гол. Аллен вошел во вкус и забил еще один гол, тогда как мы смогли ответить только одним результативным ударом – сделал это Боб Джон.

Но это и есть игровая фортуна. Либо она улыбается в одну сторону, либо в другую, и в том году фортуна явно отвернулась от нас, так как нам пришлось

делать перегруппировку в составе команды из за того, что в последний момент серьезную травму получил Алекс Джеймс.

Но для меня самым волнующим был мой первый финал Кубка в 1930 году. К тому времени я играл в основном составе «Арсенала» чуть больше года. Мы выиграли у мощного «Хаддерсфилда» в этот день, это была великая победа, и великий момент для нашего Старого Босса, который в свое время сделал из «Хаддерсфилда» замечательную команду, затем пришел к нам, чтобы сделать из нас еще более великий клуб. Это было начало нашего восхождения. В следующие восемь лет мы выиграли Лигу пять раз, один раз заняли второе место и один раз третье, один раз стали обладателями и один раз финалистами розыгрыша Кубка.

В прессе было много критики по поводу нашего первого гола. Одна часть комментаторов склонялась к тому что Алекс Джеймс нарушил правила, забивая гол. Другие считали, что всё было в пределах правил. Все представители нашей команды считали (и я так считаю до сих пор), что всё было правильно. И в разговоре с Томом Кру, который судил эту встречу, я еще раз убедился в том, что нарушения не было.

На Алексее сфолили недалеко от линии штрафной, и как только мяч перестал крутиться на земле, он исполнил штрафной удар, отдав пас Клиффу Бастину, при этом сам Алекс отбежал и занял хорошую позицию для удара.

Получив пас обратно, Алекс вонзил мяч в сетку ворот «Хаддерсфилда» - это был столь важный для нас первый гол! Том Кру сказал мне, что Джеймс молча посмотрел на него, спрашивая таким образом разрешение на пробитие штрафного удара, и в ответ он дал отмашку. Дальнейший розыгрыш был безупречным, лучшим из тех, что я видел в больших серьезных матчах, он и принес нам Кубок.

По-моему, всё произошло по-честному, без какого-либо нарушения правил. Ведь если бы Алекс простоял несколько секунд в ожидании свистка, оборона «Хаддерсфилда» успела бы занять свои позиции, и никакой выгоды от пробития штрафного удара мы бы тогда уже не получили. Джек Ламберт забил

второй гол во втором тайме, причем в голевой комбинации также непосредственное участие принял Алекс.

Во втором тайме произошел инцидент, который делает подобного рода матчи еще более драматичными.

Конечно, проведение финала Кубка всегда сопровождается изрядным шумом, но поверх этого шума, мы услышали гулкой рокот, а затем и увидели, как в небе над нашими головами появился немецкий дирижабль «Граф Цеппелин», напоминающий своим неторопливым полетом на фоне яркого солнечного света - огромную ленивую форель.

Дирижабль проплыл над стадионом, салютуя королю Георгу V.

Игроки быстро взглянули на небо и продолжили игру: судья не останавливал игру, и мяч не покидал поля.

Лично у меня появление дирижабля во время футбольного матча вызвало раздражение, поскольку раздражение вызывает всё, что отвлекает футболистов от непосредственного процесса игры, и я желал воздухоплателям поскорее скрыться с глаз долой.

Впрочем, для зрителей это наверняка было незабываемым зрелищем.

В понедельник после матча нас ожидало такое же значительное мероприятие как и игра на «Уэмбли». Мэр Излингтона (Олдерман В.И.Манчестер) пригласил нас на прием в магистрат, после чего мы должны были идти на Хайбери, чтобы сыграть перенесенный матч с «Сандерлендом».

Мы отправились на автобусе от стадиона к мэру, демонстрируя выигранный Кубок, причем некоторые из нас залезли на крышу автобуса и сидели там, свесив ноги.

Нас окружила атмосфера настоящего футбольного энтузиазма – я никогда раньше не встречался у нас с подобным явлением вне стадиона. Двадцать тысяч болельщиков выстроились вдоль улиц Излингтона, и из окон автобуса мы видели, что даже среди женщин и девушек, стоящих на улице, происходили

локальные потасовки за право занять выигрышное положение. Движение было перекрыто, прибыли дополнительные силы полиции.

Были даже раненые, а одну женщину увезли в Королевский Социальный Госпиталь.

В магистрате нас принял мэр и его Совет.

Когда мы стояли на ступенях, казалось, что толпа просто проглотит нас. Я не видел ничего, кроме бушующего бело-красного океана – из флагов, шарфов и беретов. От криков, скандирований, аплодисментов и звуков разнообразных колоколов можно было оглохнуть.

В тиши приемной магистрата мы наконец-то перевели дыхание, и услышали выступление мэра – он гордился нами, назвал нас гордостью всего северного Лондона, напомнил, что после девятилетнего перерыва мы вернули Кубок в Лондон (в последний раз в 1921 году Кубок завоевывали «Шпоры»). Затем Кубок наполнили шампанским, и все присутствующие выпили за наш большой успех.

Поскольку времени до начала матча оставалось всё меньше и меньше, мы вышли через черный ход, чтобы избежать на этот раз встречи с толпой болельщиков. Приехав на поле, мы увидели, что Кубок выставлен на обозрение. Игроки «Сандерленда» торжественно выстроились и поздравили нас. Правда, после этого они выиграли у нас 1-0.

Капитаном во время финальной игры с «Хаддерсфилдом» был Том Паркер – и конечно же, он был горд и счастлив, получая Кубок из рук Короля, - не так уж часто это случается – по крайней мере, в прошлом финале три года назад наша команда уступила «Кардифф Сити».

Паркер был великолепным центральным защитником, и он здорово помогал мне в моих первых профессиональных шагах на футбольном поле. Но, кроме того, он сделал еще и нечто бесконечно более важное.

Он спас жизнь моего сына, Антона. Я уже говорил, что Антон сильно болел, когда был ребенком, но однажды ему по-настоящему стало плохо, и я понял, что его нужно во что бы то ни стало как можно быстрее доставить в больницу.

Мы с женой были в ужасном состоянии, но все-таки одели Тома, и я посчитал, что лучше всего будет доставить его в Больницу на улице Осмонд, где ему могут оказать необходимую и срочную помощь. Я понес Тома, и мы стали ловить такси. Но как назло – вокруг ничего не было! Будучи не в состоянии разрешить данную ситуацию, мы постепенно впадали в бешенство, как вдруг нас окликнул водитель проезжавшей машины.

Это был Том Паркер. Как только мы объяснили ему – в чем дело, он сказал: «Запрыгивайте в автомобиль. Я быстро довезу вас.» И он сдержал свое слово – на максимально возможной скорости он погнал машину на улицу Осмонд... Потом уже врач сказал нам, что если бы мы приехали хотя бы на пять минут позже, мы потеряли бы сына.

Несмотря на то, что я играл в двух командах, выигрывавших Кубок, мне никогда не приходилось получать его из рук члена королевской семьи. Как никогда я был близок к этому в 1936 году, когда мы переиграли «Шеффилд Юнайтед», но утром в день матча я передал другому капитанскую повязку.

Алекс Джеймс был избран капитаном «Арсенала» в начале сезона, но получив на ранней стадии серьезную травму, он сыграл только в одном из первых туров, и обрел должную форму только к самому финалу.

В его отсутствие капитаном был я.

Я уже говорил о том, что мне пришлось срочно ехать к моей матери за два дня до игры, и полагаю, что в предматчевом волнении и суматохе мистер Аллисон забыл сообщить нам, что, поскольку коротышка Алекс здоров, он снова будет капитаном. Так что о случившейся перестановке я узнал из утренних субботних газет, обратив внимание на заявку состава «Арсенала» на финальный матч: «... Джеймс (капитан команды)...» .

Часть одиннадцатая

Я ВСТРЕЧАЛСЯ С КОРОЛЕМ.

Наверное, в день, когда я установил рекорд участия в матчах, сыгранных за сборную Англии, и был представлен Его Величеству королем Георгу VI на «Уэмбли», наверное, я был самым счастливым человеком на свете.

Помню, что накануне того дня получил офицерское звание в королевских Военно-Воздушных Силах. Ну а когда пришла пора выйти на поле...

Мы как обычно выстроились перед королевской ложей. Напротив нас были наши соперники – команда Уэльса. Король сначала обошел футболистов Уэльса, после чего направился в сторону нашей команды, в то место, где стоял я во главе английских игроков.

Обычно, когда нас обходят выдающиеся люди, они просто пожимают руки, продвигаясь от капитана к последнему игроку. Но в этот раз мистер Брук Хирст, председатель Футбольной Ассоциации, специально представил меня Его Величеству.

Король сделал паузу и спросил: «Сколько раз вы уже сыграли за Англию?» Я ответил: «Сорок три раза, сэр». Тогда король спросил: «Сколько вам лет?» «Тридцать четыре, сэр».

Король дружелюбно улыбнулся и сказал: «Те же самые цифры, только перевернутые». Как ни странно, до этого момента я и не замечал этого совпадения. Кстати, в тот день было еще одно совпадение и еще один рекорд с моей стороны: в тридцать четвертый раз я вышел на поле в качестве капитана сборной Англии!

Вообще говоря – появление кого-либо из членов королевской семьи в ложе оказывает значительное влияние на игру. Все, возможно – незаметно для себя, - стараются играть лучше. Хотя бы немного, но лучше – хотите верить,

хотите нет. И, как ни странно, в таких матчах гораздо меньше остановок из-за нарушений правил.

В тот день я сразу же взялся за дело – не так уж часто человеку выпадает честь говорить с королем перед лицом 75 тысяч очевидцев.

Кстати, Его Величество оказал мне большую честь, подписав фотографию, снятую в тот день, на которой он разговаривает со мной. За эту фотографию я обязан лорду Уиграму и мистеру Стэнли Роузу. Благодаря их усердию и хлопотам у меня есть этот грандиозный сувенир, который я храню как особую драгоценность. Могу вас уверить, что это самый драгоценный памятный подарок за всю мою футбольную карьеру.

Другой выдающийся памятный матч на «Уэмбли» (если мне не изменяет память, это была благотворительная встреча) прошел 17 января 1942 года между Англией и Шотландией под знаком «Помощь России». Когда мы вышли на поле, то увидели, что сугробы снега, который шел всю неделю, были по большей части убраны, и торф вдоль боковых линий был вычищен. Правда, при этом основная часть газона выглядела как ковер из овечьей шерсти. А первое, что бросилось в глаза – это ровные, широкие и чистые голубые боковые линии, выделяющиеся на фоне неубранных сгустков снега, которые покрыли бархатный торф.

Мы выстроились перед королевской ложей для обычной предматчевой инспекции. Были слухи, что матч может посетить миссис Черчилль, но в связи с военной цензурой ничего конкретного по этому поводу опубликовано не было.

И вот действительно появилась она - миссис Черчилль, и мы поняли, что впервые нас будет инспектировать женщина – крайне редкий случай на больших футбольных матчах. Но главная сенсация была впереди. После того, как миссис Черчилль прошла вдоль строя английских и шотландских игроков, она повернулась лицом к арене, как будто ожидая национальный гимн. На самом же деле перед ней поставили микрофон, и она произнесла речь, по-

благодарив всех за участие, за то, что с помощью пришедших на матч удалось собрать значительную сумму в фонд помощи России.

Было очевидно, что миссис Черчилль была чем-то очень взволнована.

И наконец - со спонтанной драматической интонацией, так часто используемой ее мужем в важных выступлениях, она открыла свой секрет: «Но есть и еще одна вещь, которую, как мне кажется, вам важно будет узнать. Мой муж, мистер Черчилль приземлился сегодня утром в Плимуте после 3000-мильного перелета с Бермуд, и сегодня я отправлюсь в Паддингтон, чтобы поздравить его с возвращением на Родину.»

Ее последние слова утонули в одобрительном реве аудитории, который не прекращался, пока не заиграл национальный гимн Британии. Мистер Черчилль возвратился целым и невредимым после подписания Атлантической хартии, и овации, устроенные в его честь на «Уэмбли», означали, что люди полностью поддерживают миссию премьер-министра в этой великой и опасной поездке.

Естественно, в такой возбужденной и наэлектризованной обстановке что-то должно было произойти. Так оно и случилось: Джимми Хаган послал мяч в сетку шотландских ворот уже на пятидесятой секунде матча.

Эта игра памятна мне и по другому поводу. Я получил повреждение в столкновении за несколько минут до перерыва и уже не мог добраться без посторонней помощи до раздевалки. Раздевалка на «Уэмбли» находится далеко - когда вы плохо себя чувствуете, кажется, что надо пройти четыре мили от футбольного поля прежде, чем вы наконец-то доберетесь до нее. Тем не менее, ко второму тайму я смог восстановиться, и мы уверенно победили 3-0 в этом матче!.

Часть двенадцатая

Я ПОТЕРЯЛ «КУБКИ» И МЕДАЛИ.

С течением времени в силу разных обстоятельств я потерял многие сувениры. Всех своих медалей – а было их ровно тридцать – я лишился во время съемок фильма «Тайна арсенальского стадиона» в местечке Денэм, где я помогал, чем мог, кинопроцессу. Тем временем, грабители пробрались в мой дом, когда там никого не было, и унесли всю коллекцию медалей и несколько футболок.

Впрочем, некоторые атрибуты своей экипировки я успел раздарить.

Между прочим, английские футболки (если с них снять фирменную марку), весьма пригодны для игры в крикет. Впрочем, одна футболка действительно попала в хорошие руки. Перед матчем Уэльс – Англия в Кардиффе в 1936 году я договорился с Уилли Эвансом, левым вингером Уэльса и «Тоттенхэма», обменяться после матча в раздевалка футболками.

Но Уилли получил тяжелую травму во время игры, и его в срочном порядке увезли в кардиффский королевский госпиталь. Так что вечером, перед лондонским поездом, я поехал в госпиталь, чтобы навестить его, но Уилли был слишком слаб, и меня не пустили к нему в палату. Короче, я оставил свою футболку сборной Англии и уехал в Лондон.

Но вернемся к краже: естественно я очень расстроился в связи с потерей своих наград. Но не меньше расстроился и мой сын, Антон, ведь он привык играть с ними, и нередко мы с женой находили ту или иную медаль в саду – под листьями, под кустами, под деревьями.

Я люблю домашнюю семейную жизнь. Мне всегда «приятно возвращаться под крышу дома своего» после зарубежных турне. Конечно, тогда мне при-

ходится долго и подробно рассказывать о каждой игре своей жене, Маргарите, которая является настоящим футбольным болельщиком.

И, конечно же, она побывала на многих матчах. Мне нравится, когда она сидит на трибуне и наблюдает за моей игрой. Вообще – когда ваша жена интересуется вашей работой, это здорово, это придает вам дополнительную энергию.

Кстати, я даже учил ее играть в футбол. Мы часто выходили в сад нашего дома на севере Лондона, брали мяч, и я тренировал ее, выявляя ее футбольные способности. Нам нравились эти занятия, к тому же рядом не было магистрата, готового в любой момент оштрафовать вас на полкроны в случае, если вы разобьете окно!

Моя жена – великолепный человек, и как и все гордые отцы, я считаю своих детей лучшими, из тех, что родились на этот свет.

У нас таких лучших трое: Эдрис Антон, старший, Маргарет Энн и Элизабет Линетт. Мы с Маргарет остро ощущали разлуку, когда я поступил на службу в Военно-Воздушные Силы.

А когда я еще при этом стал играть в футбол, времени на встречи практически уже не оставалось.

Могу сказать, что в связи с создавшимся положением в стране и мире за первые два года службы в ВВС мы встречались в общей сложности всего четырнадцать дней. Однажды после особого представительского матча я поехал обратно в Нортхэмптон, чтобы провести с ней пару часов, и обнаружил, что последний автобус в Кеттеринг (куда была эвакуирована моя жена) уже ушел.

Делать нечего - я прошел пешком расстояние в четырнадцать миль со здоровенной спортивной сумкой на плече, да еще и прихрамывая – вследствие травмы, полученной в прошедшем матче. Так что не правы будут те, кто считает, что военная служба профессионального футболиста была чистой халевой.

Кстати, в связи с рождением моего сына, Антона, я остался без своего первого английского международного трофея во время весьма привлекательного европейского турне национальной сборной.

Я был приглашен Футбольной Ассоциацией в команду Англии, чтобы сыграть с Австрией и Германией в 1930 году. Тогда оба матча – в Берлине и Вене закончились вничью, но накануне этого миссис Хэпгуд объявила мне, что наш первый сын хочет появиться на свет.

Через три года я снова получил шанс сыграть за сборную Англии во время очередного континентального турне. На этот раз я согласился и сыграл против Италии и Швейцарии. И хотя прошлую поездку в Вену я пропустил «по семейным обстоятельствам», наконец-то я все-таки сумел побывать в столице Австрии – и случилось это в 1936 году, до прихода нацистов. К сожалению, в том матче мы проиграли 2-1.

Надо сказать, что это была моя самая неудачная европейская поездка. Не потому, что мне не понравилась Австрия, а потому, что, являясь человеком, замкнутым на футболе, я считаю поездку успешной только тогда, когда мы возвращаемся с победой. В этом турне состоялась моя первая встреча с другим футбольным фанатиком, по имени Хуго Майзль - человеком, который четко и ярко обозначил Австрию на футбольной карте мира.

Герр Майзль был безумно влюблен в свое дело, все свои замыслы он упрямо пытался доводить до логического завершения, и готов был на всё ради своей любимой команды.

И уж точно это был очень энергичный человек.

Ранним утром в день матча он уже был в нашем отеле с предложением показать достопримечательности прекрасной Вены. Конечно, мы были рады посмотреть на прекрасный город и послушать его комментарии!

Но в итоге эта экскурсия оказалась самой длительной пешеходной прогулкой за всю мою жизнь. Мы исходили десятки километров нескончаемых венских улиц, и мои колени стали уже подкашиваться, когда герр Майзль остановил

нас, сказав, что он просто-таки обязан показать нам дом, где родился Йоганн Штраус.

Тем более, что, по словам нашего экскурсовода, это находилось здесь, буквально за углом.

«За углом» означало, что мы должны были пройти еще, по меньшей мере, две мили...

И тут мы забастовали. В противном случае, мы, возможно, до сих пор бродили бы по прекрасным улицам Вены. Признаюсь, что впоследствии я подумал, что эта утомившая нас экскурсия могла быть хорошо спланированной уловкой... впрочем, я немедленно выкинул из головы эту недостойную мысль.

Как бы там ни было, австрияки начали матч в невероятном темпе, откровенно перебежали нас и забили два гола в первые пятнадцать минут. Затем мы отквитали один мяч, обрели свою игру и перехватили инициативу. Теперь уже казалось, что мы можем не только спасти игру, но и победить.

Но в последнее пятнадцать минут Майзль (называемый всеми Председатель Континента) лег на сетку позади австрийских ворот и просто-таки умолял вратаря и защитников тянуть время и при первой же возможности выбивать мяч подальше от своих ворот. «Мы должны победить», - повторял он свою молитву.

И надо сказать, что, видимо почувствовав это, австрийские полузащитники, и прежде всего те, кто работал на флангах, заработали серию штрафных ударов, в связи с чем у их защитников появилось время перестраиваться и переводить дух. Никогда не забуду тот безумный восторг, с которым этот энергичный маленький австрийский гений встретил в итоге финальный свисток...

Друга черта характера этого человека проявилась после окончания матча. Харольд Хоббис, вингер из «Чарльтона», случайно получивший удар ногой в живот во время матча, чувствовал себя откровенно плохо в тот вечер на банкете. Хуго Майзль узнал о его травме и совершенно спонтанно пригласил Харольда провести следующие две недели у него в гостях в австрийском Ти-

роле. Но у нас в этом турне оставался еще один несыгранный матч, так что Харольд поехал с нами.

Надо сказать, что британская пресса крайне негативно осветила нашу поездку – ведь мы проиграли еще один матч на брюссельском стадионе «Диавль Руж».

Английские журналисты посчитали, что причина неудачного выступления сборной была в том, что в ней собралось слишком много игроков «Арсенала».

Шестеро гунеров – Бастин, Бауден, Коппинг, Крэйстон, Мэйл и я – играли против Австрии.

А поскольку «Арсенал» провел крайне напряженный сезон (если помните, мы выиграли Кубок и заняли высокое место в чемпионате) – то, стало быть, это и отразилось на игре сборной и на итоговом результате.

Руди Хайден, великий австрийский голкипер, которые едва не стал игроком «Арсенала», оставил свою родную страну незадолго до нашего турне, но я все же играл против него в матче «Арсенал» - «Расинг Клуб де Пари». Пожалуй, из всех европейских вратарей, большинство из которых напоминало актеров мюзик-холла, склонных к позированию, он был самым лучшим и не таким показным и падким на эффекты.

Отказ британского министерства труда подписать контракт Хайдена с «Арсеналом» в 1930 году был по сути ударом по Герберту Чепмену, который потратил уйму сил на то, чтобы перетащить его на Хайбери.

Сумма трансфера между «Арсеналом» и хайденским клубом составляла 2,600 фунтов, при этом австрийцу должна была быть гарантирована работа и зарплата, аналогичная игрокам основного состава - восемь фунтов в неделю и бонус за победу или ничью.

Хайден был таким же энергичным и упрямым, как и Чепмен, и, базируясь в Остенде, он совершил три поездки в Дувр, где каждый раз его останавливали на таможне.

Министерство Труда отказало выдать Хайдену разрешение на право заниматься профессиональной футбольной деятельностью на полях Британии,

поскольку подписание им контракта означало бы повышение безработицы среди натуральных английских игроков.

Может, оно конечно и к лучшему...

В нашей стране вполне достаточно хороших футболистов, чтобы импортировать других игроков из-за рубежа, так что это противостояние английскому министерству Чепмен проиграл.

Европейские страны всегда устраивают слишком много шума вокруг своих голкиперов, видимо, потому, что, как я уже сказал, у них есть больше возможностей пускать пыль в глаза.

Вполне вероятно, Замора – прыгающее чудо из Мадрида, был наиболее разрекламированным из всех. Я не принимал участие в игре против Испании в 1931 году на Хайбери, когда на воротах стоял именно он, но наблюдал с трибуны, как он семь раз вынимал мяч из своей сетки.

Гарри Гиббс, мой частый сотоварищ по более поздним играм за сборную, который в том матче защищал английские ворота, однажды сказал, что он был разочарован Заморой, поскольку ожидал, что сможет чему-то поучиться у «величайшего голкипера планеты», как его активно тогда называли.

Гарри сказал мне, что судя по тому, что он продемонстрировал в той игре, вряд ли бы его взяли в какую-либо команду Первого Дивизиона.

С моей точки зрения, Гарри Гиббс был лучшим вратарем, из тех, кого я видел на футбольном поле, хотя Франк Мосс ненамного отстоит от него. Играть, зная, что позади тебя в воротах стоит Гиббс, было легко, спокойно и приятно. Ты всегда знаешь – чего ожидать.

Я слышал, что Сэм Харди, которого считали лучшим кипером всех времен и народов, имел обыкновение говорить своим защитникам, чтобы они не мешали ему в штрафной, поскольку тогда у него образуется должное пространство для маневра.

Но в случае с Гарри всё было по-другому. Обычно он проводил незаметную линию по центру на расстоянии шести ярдов от линии ворот – это была граница его «поля деятельности», на этой дистанции он был ответственным за

высокие навесы и угловые. Он был первоклассным голкипером и отличным парнем.

Было очень жаль, что травмы заставили Франка Мосса уйти из футбола. Думаю, что из всех голкиперов, игравших за время моей карьеры на Хайбери, он был лучшим... и Герберт Чепмен любил говорить, что я тоже был весьма неплох в воротах!

Старый Босс настаивал на том, что если вратарю наносили травму, то место в воротах должен был занять именно я.

Многие говорили, что «когда сборная Англии собирается в зарубежное турне, она всегда берет двух голкиперов – основного вратаря и ... Хэпгуда.» Так или иначе, несколько раз я действительно замещал травмированного вратаря.

В памяти всплывает 1935 год, «Гудисон Парк», «Эвертон». Мосс получает серьезную травму в этом важнейшем матче чемпионата Лиги. Тогда мы еще не знали, что эта травма приведет к тому, что он закончит футбольную карьеру.

Мы с Томом Уиттакером довели его до боковой линии и сняли с него футболку. Я быстро побежал, чтобы занять место в воротах.

В принципе, я делал всё правильно, и другие девять игроков «Арсенала» старались держать мяч подальше от наших ворот. Вдруг на поле выбегает Франк, надевший свободную футболку «Арсенала» с перевязанным плечом. Франк настоял на том, что он должен продолжить игру.

Команда произвела перестановку, поставив его в качестве левого крайнего нападающего. Вскоре Франк получил еще одну травму, но, энтузиазм и энергия его были настолько велики, что он не только остался на поле, но и как полагается истинному герою в юношеских рассказах – перед тем, как навеки покинуть поле боя, он забил гол, сравняв счет в матче!

И мы, воодушевившись его подвигом, выиграли этот чемпионат.

Я всегда говорил, что, если бы Франк был более везучим, он наверняка бы стал, по крайней мере, равным Гарри Гиббсу. Но у него был, как это называ-

ется в профессиональной медицине, привычный вывих плеча, и хотя хирург из Ньюкасла сделал блестящую операцию, трансплантировав связки с одной части руки на больное место, Франк вынужден был уйти из футбола, после того, как в Блэкберне произошел еще один инцидент.

Именно в этом матче я единственный раз в своей футбольной карьере был удален с поля.

Вообще-то я не играл в том матче и сидел на скамейке за перилами у самой боковой линии с мистером Аллисоном.

Когда во время перехвата мяча Франк получил очередную тяжелую травму, я выбежал на поле, чтобы сказать Лесли Комптону что он должен встать на ворота, после чего я стал инструктировать других игроков о необходимых перестановках.

Закончить свой инструктаж я не успел: ко мне подбежал арбитр и приказал покинуть поле, что, конечно же, было совершенно правильно с его стороны. Впрочем, дела на поле после этого пошли нормально, и мы выиграли 1-0.

Кстати, однажды меня выбрали в качестве вратаря и в сборной Англии, но в последний момент я был вынужден уступить место в воротах.

Мы играли со сборной Швеции в Стокгольме в 1937 году во время скандинавского турне. Я был в составе делегации, но не был выбран в основной состав на игру против Норвегии в Осло.

В этом матче Вик Вудли, наш голкипер, получил травму, и все посчитали, что он не залечит ее к следующему матчу. Таким образом, я был избран вратарем сборной и конечно же хотел попробовать свои силы на этой позиции – да еще и на уровне сборной!

Но Вудли поправился, и я опять смотрел нашу игру с трибуны. А сыграл я только в последней встрече этого турне на, пожалуй, наихудшем футбольном поле в мире: встреча проходила в Гельсингфорсе (Финляндия) на газоне, изрытом ямами и рытвинами, и мы были безмерно рады, когда игра закончилась.

Тот газон, конечно же, был антиподом роскошному стадиону, на котором нам пришлось сыграть год спустя в Берлине. На том матче в Гельсингфорсе собралось менее 15 тысяч зрителей, и даже на трибуне со стоячими местами оказалось всего-то человек 500. Среди зрителей мне запомнились президент, премьер-министр и председатель футбольной ассоциации Финляндии, шикарно выглядевших в дорогих цилиндрах. Но главный приз за модную и элегантную одежду я бы все-таки отдал арбитру матча, который сверкал на солнце в шелковой форме и шелковых гетрах. Ту встречу мы выиграли 8-0. Таким образом, за три матча скандинавского турне мы забили восемнадцать голов и ни одного не пропустили. Норвегию мы победили 6-0, Швецию - 4-0.

В предыдущих абзацах я рассуждал о вратарях, и о том, как я сам стоял на воротах. Теперь же позвольте мне закончить эту главу своими атакующими подвигами (если их конечно можно так назвать).

Итак, будучи защитником, я все-таки забивал мячи в ворота соперника. Правда, по большому счету за всю свою футбольную карьеру я припоминаю только три забитых мяча в профессиональных турнирах. Первым забитым мячом был гол в Ливерпуле в матче Первого Дивизиона, когда мне довелось пробить одиннадцатиметровый. Первый удар вратарь соперника, Рили, сумел отразить, отбив мяч вверх перед собой, но я был первым на отскоке и уже неотразимо головой вонзил его в сетку. Второй мяч я забил в Саутенде в военное время, играя за «Арсенал», когда, пробежав с мячом практически через всё поле, я точно ударил по воротам. Пресса назвала это так: «великолепный гол после марафонского пробега с мячом!». Последний мяч я забил, выступая уже за «Челси», в первом матча сезона 1944-1945 против «Фулхэма».

Я был близок к тому, чтобы забить и четвертый мяч, но в памяти остался лишь рассказ Тома Уиттакера.

Это был матч с «Эвертоном», и за полчаса до финального свистка я получил небольшое повреждение в столкновении и вышел за пределы поля для оперативного медицинского вмешательства.

Оправившись, я выбежал обратно на газон, заканчивая матч уже в качестве левого крайнего нападающего.

Честно сказать – я практически не помню, что происходило в эти полчаса, тогда как Том Уиттакер внимательно следил за происходящим и сообщил мне, что в одном моменте я пробежал вдоль бровки, как заправский левый вингер, завершив свой рывок хлестким ударом, что заставило вратаря «Эвертона» прыгнуть, растянувшись в полный рост.

Только так он смог вытащить этот мяч и спасти свою команду!

Часть тринадцатая

ФИЛЬМЫ И СВОЕОБРАЗНЫЙ ТЕННИС ГОЛОВОЙ.

Однажды мне сказали, что я прирожденная кинозвезда. Того, кто это сказал, звали Джеси Ротаванда, родом она была из Польши.

Джеси имела обыкновение появляться внезапно из ниоткуда и умудрялась прилипнуть к «Арсеналу», когда команда выезжала в турне. Она была связана с кинобизнесом в качестве вербовщика агентов, и после нашей беседы с ней в Голландии я соблазнился встречей с представителями «Метро-Голден-Майер» по возвращению в Лондон.

Неожиданно они выказали крайнюю заинтересованность во мне, но в конечном счете посоветовали оставить всё как есть и продолжать играть в футбол, что, собственно, я и так собирался делать. В любом случае, это был полезный опыт общения.

Но я хочу рассказать вам о том периоде, когда мы практически преобразовали идеи тренировочного процесса Герберта Чепмена в своеобразный театральный акт.

Одно из своих гениальных нововведений он назвал «теннис головой». Игра происходила на теннисном корте с жестким покрытием по три человека с каждой стороны сетки.

Нечто подобное играется на песках европейских курортов. Мяч перебрасывается через сетку либо ногой, либо головой, причем каждый игрок имеет право только на один удар. Ребята «Арсенала» настолько воодушевлялись игрой в «теннис головой» во время тренировочных занятий, что Тому Уиттакеру требовалось немало усилий, чтобы увести нас с корта. Это очень хорошее упражнение, причем не только для футбола, но и для тенниса, да и вообще - для любой игры с мячом.

Шесть наших игроков – Тед Дрэйк, Джордж Мэйл, Лесли и Деннис Комптон, Клифф Бастин и я – стали просто экспертами в этой забавной игре, и Билли Блит, ветеран «Арсенала», считал, что из данной новинки, учитывая еще и то, что наши имена у всех на слуху, может получиться успешная театральная постановка.

Поэтому, однажды утром, мы пошли в лондонский театр «Палладиум» и устроили показательное выступление на сцене для сэра Освальда Столла и Джорджа Блэка. Эдди Поула комментировала игру. Надо сказать, что шоу прошло настолько успешно, что Джордж Блэк сделал нам предварительное предложение: 100 фунтов в неделю на всех.

Вдобавок, мы договорились о том, что проведем турне по лагерям отдыха Батлина, перед тем, как вынести шоу на сцену. Но видимо небеса были против нашей карьеры в шоу-бизнесе, поскольку выступления в лагерях не состоялись, а тут еще и начался новый футбольный сезон, в связи с чем идея шоу постепенно сошла на нет. Потом началась война, окончательно похоронившая идею подобных выступлений и конкуренцию со звездами, оккупировавшими сцену «Палладиума» - Максом Миллером и Томми Трайндером. Впрочем, никогда не знаешь – чем бы всё закончилось, если бы началось... Говорят, что комедийный актер живет только в течение тех суток, когда он способен сыграть Гамлета.

Как бы там ни было, можно сказать, что мы являлись вполне талантливой и конкурентной группой на Хайбери, по крайней мере, со спортивной точки зрения. Мы могли оперативно организовать футбольную, теннисную (причем, как в большой, так и в настольный теннис), крикетную команду, команду по игре в гольф, снукер и бильярд, причем наши составы могли спокойно соревноваться с любой другой аналогичной командой.

В один период у нас на Хайбери было четыре профессиональных крикетиста – Джо Халм, Денис и Лесли Комптон и Тед Дрэйк. К тому же и другие наши

футболисты совсем неплохо играли в крикет – так что мы всегда хорошо выступали в Кубке газеты «Вечерние новости» по крикету для футболистов.

Все мы играли в гольф. Франк Хилл, Джо Халм и Дэйви Джек были лучшими за время моего пребывания на Хайбери, хотя в последние годы Алекс Джеймс и Тед Дрэйк также могли дать другим фору. Джо Халм был королем бильярда, кроме того мы периодически проводили напряженные захватывающие соревнования по снукеру.

В длительных поездках и паузах между тренировками мы конечно же играли в карты, но не могу сказать, что в этой игровой дисциплине я добился больших успехов – по-видимому, всё дело в том злополучном эпизоде в поезде по пути в Лондон в самом начале моей футбольной карьеры.

Но, с другой стороны, карты никогда сильно не волновали меня и не сводили с ума, как это произошло с нашим товарищем, который во время одной из наших многочисленных поездок на поезде, когда удача и везение напрочь отвернулись от него, психанул и, резко открыв окно в вагоне, вдруг выкинул колоду карт, которая оказалась единственной в команде.

Часть четырнадцатая

ГРАНД (ДОЛДЕР) ОТЕЛЬ.

Этот отель в Цюрихе, «Гранд Долдер», надолго остался в моей памяти – как одно из самых уютных и красивых мест, которые я когда-либо видел. Сначала, когда английская делегация наконец-то доехала до Цюриха после пятнадцатичасового путешествия из Берлина, мы не заметили ничего особенно выдающегося, так как в тот момент нам хотелось только одного – свалиться в постель и поскорей уснуть.

Но на следующее утро, осмотревшись, мы поняли - в какое замечательное место мы попали. «Гранд Долдер» находится на высоте в 1,900 футов над уровнем моря и с трех сторон окружен красивейшими садами. Внизу вокруг озера разместилось поле для гольфа, открытый бассейн, ледовая арена, теннисный корт и шикарный пляж. Так что со всех точек зрения место было просто удивительное, и я пообещал себе, что когда-нибудь я сюда обязательно вернусь.

В памяти возникает смешной эпизод, который мы часто вспоминаем с Клиффом Бастином. Каждый раз, когда мы с Клиффом приходили в ресторан и сидели за наш столик, остальные игроки сборной вскакивали, как по команде, кланялись и пропевали: «Доброе утро, Арсенал!». Мы так и не выяснили – прикалывались ли они, или это была дань уважения команде, которая в том сезоне в очередной раз выиграла чемпионат Лиги.

В день матча нас повезли утром в зоологический сад в Цюрихберг, чтобы показать некоторые редкие виды птиц, живущих в неволе, например, белых павлинов. После того, как швейцарцы выиграли у нас 2-1, один из наиболее суеверных футболистов в нашей команде предположил, что эти странные диковинные птицы напустили на нас порчу!

Конечно, может футбольная ассоциация Швейцарии и вошла в сговор с белыми павлинами, но я все-таки обратил бы внимание на то, что происходило на футбольном поле. Весь день лил проливной дождь, и когда мы прибыли на поле, мы обнаружили, что на том же самом газоне идет матч «для разогрева» публики. Понятно, что поле таким образом стремительно достигало состояния патоки или клея. Затем нам дали мяч для гномов (миниатюрный континентальный размер) и отправили сражаться за честь своей страны.

Весь матч состоял из грубостей, жестких подкатов и стыков, не говоря уж о грязевых ваннах, которые мы получили на десять лет вперед...

Схожее поле было в Праге, где мы сражались с Чехо-Словакией в 1934 году. Но в этом была и наша вина.

Нас пригласили осмотреть поле перед матчем – оно оказалось большим и очень сухим, сплошь покрытым пылью. Официальные чешские представители спросили нас – не слишком ли сухое покрытие, и не хотим ли мы, чтобы газон увлажнили. Мы сказали, что небольшое увлажнение никак не помешает, и покинули стадион. К несчастью, кто-то неправильно понял наш ответ, поскольку, похоже, товарищи вылили на газон из шлангов практически все запасы пражской муниципальной воды. Так что, выйдя в день матча из раздевалки, мы поняли, что играть придется на откровенном болоте, состоящем из грязи и пыли.

Я уже упомянул о суеверии, связанном с белыми павлинами в Цюрихе. Вообще говоря, лично я не слишком доверяю подобным верованиям и пророчествам, но жизнь дала и мне повод для размышлений, когда на следующий год мы проиграли югославам в Белграде. В том матче я получил очень серьезную травму.

За два дня до игры, когда мы возвращались из поездки в Венецию, наш путь пересек, едущий по воде, похоронный кортеж. Катафалк и прочие похорон-

ные атрибуты разместились на гондолах. Поэтому поводу я сказал полушутя: «Плохая это примета – увидеть похороны перед матчем...». Впрочем, подобную процессию можно увидеть, конечно, только в таком уникальном городе, как Венеция.

Мы совершили несколько поездок на венецианских гондолах. Я прекрасно помню наш первый выезд на гондолах, когда вместе с другими нашими футболистами мы плыли в лунном свете в разукрашенной гондоле. В одном доме с закрытыми ставнями играла мандолина – что создавало уж совсем романтическое настроение, которое, впрочем, было моментально испорчено, как только я разглядел в задней части гондолы грубую увесистую доску с обозначенными тарифами за проезд. Вся романтика исчезла в момент. В конце поездки мы стали упрашивать нашего гондольера нарушить скоростной лимит и показать, на что способен данный вид водного транспорта в плане быстроты перемещения. Но гондольер стоически молчал, делая вид, что не понимает, о чем мы его просим.

А надо сказать, что во время заграничных турне у нас было свободное время, мы всегда искали приключений, повода развлечься. В Риме мы наняли два открытых конных экипажа и заплатили кучерам, чтобы они уступили нам место, заняв места на скамейке для пассажиров, тогда как двое наших футболистов забрались на их место и погнали лошадей, разгоняя скакунов до невероятной скорости. Мы мчались с невероятным грохотом по римским улицам – видимо, это были самые грандиозные скачки после подвига Поля Ревира во время войны за независимость США. Когда лошади окончательно выдохлись, а кучеры, сидящие внутри экипажа, практически обезумели от страха, мы остановили наши колесницы и заблаговременно скрылись с места происшествия, прежде, чем до него добрались местные карабинеры. При этом мы с Клиффом Бастином находились в экипаже, который пришел к «финишу» вторым, отстав всего-то на голову.

Другое место, которое я посетил с огромным удовольствием, увидев его в первозданном состоянии, - это румынское Плоешти с огромным количеством бурильных вышек и скважин, практически заполнявших всё обозримое глазом пространство. Вид был просто поразительный, и хотя мое сознание так

никогда и не настроилось на военный лад, я вдруг подумал, что это место будет первоочередной целью и мишенью в случае начала боевых действий.

Тем не менее, главное воспоминание от Плоешти – юмористическое. Как капитан команды, я был делегирован для возложения венка в местном военном мемориале. Меня несколько передернуло, когда я увидел, что венок напоминает скорее целый отдел цветочного магазина, но, что еще хуже, до места возложения придется пройти в гору расстояние порядка двух миль. Поэтому я попросил Стэна Куллиса помочь мне, и мы стартовали хорошим шагом, а позади нас шел оркестр. Было жарко - жарко и душно. Видимо, на полпути мы явно замедлили шаг – настолько, что нас догнал и перегнал уверенным галопом оркестр, который – что меня абсолютно поразило – бодро вышагивал и играл всю дорогу. К моменту, когда мы наконец достигли цели, оркестр уже давно ждал нас, бодро и уверенно исполняя очередной марш...

Часть пятнадцатая

«Аферист»... «футболист».

Однажды «Арсенал» «потерял» Алекса Джеймса, когда мы путешествовали по Германии и Швеции. Это случилось после того, как железнодорожный паром, на пути из Копенгагена в Гамбург, был переведен на запасный путь. Мы вдруг обнаружили: нет нашего коротышки Алекса. Но пусть сам Алекс расскажет свою историю. Конечно, надо было видеть и слышать, как он сам в первый раз поведал о происшедшем.

«Я вздремнул на пароме», - говорил Алекс, - «А когда проснулся, обнаружил, что я один в Германии. Что было делать? Я стал бегать кругами, крича «Арсенал, Арсенал!», но, конечно же, никто не понял, что я имею в виду (Это и не удивительно, учитывая ужасный акцент Алекса...), люди с вытаращенными глазами смотрели на меня. После некоторой паузы, я взял себя в руки и вскоре обнаружил английскую банкноту в один фунт в кармане своих фланелевых брюк. Я нашел парикмахерскую и показал, что мне нужно побриться и постричься. Потом я пошел в ресторан и заказал ужин. Я ужасно хотел есть от волнения. Ну и только после этого я вернулся на пристань паромной переправы, чтобы ждать дальнейших событий, которые, как мне казалось, должны были непременно произойти.

«Прошло немало времени – возможно, несколько часов, и из местного офиса вышел главный по пристани. Он обратился ко мне по-немецки и позвал меня в свой офис. Я вошел, в то время, как он говорил по телефону. Я слышал, как несколько раз он употребил в разговоре слово, которое я принял за «аферист», отчего мне стало совсем уж не по себе. Впрочем, видимо, это все-таки было слово «футболист». Тот, кто был на другом конце провода, скорей всего, выдавал главному по пристани какие-то инструкции, поскольку, закончив телефонный разговор, человек в офисе написал на карточке слова «Алекс Джеймс, Арсенал», пристегнул карточку к моей куртке и сопроводил меня к

поезду. И представьте мое облегчение, когда поезд подъехал к станции, где меня ожидали футболисты «Арсенала!»»

Говоря о пропавшем Алексе, не могу не вспомнить о поездке, в которой «Арсенал» чуть было не потерял уже меня. Мы отправлялись в Париж на игру с «Расинг Клуб» и попали в густой туман. Команда летела несколькими самолетами, и я с группой игроков находился в первом из них. Помню, что рядом со мной сидел Бобби Дэвидсон. Когда мы взлетали был уже поздний вечер, и, пролетая над Ла-Маншем, мы конечно же ничего не знали о сгустившемся тумане. Но, подлетая к Ле Бурже, мы (по крайней мере, я) поняли, что что-то тут не так и стали слегка нервничать. Стюард выглядел крайне обеспокоенным, и чувствовалось, что самолет летел не совсем обычно. Один из нас спросил у стюарда – как долго еще мы будем летать, и не пора ли уже приземляться, на что тот ответил в стиле комика Томми Хэндли: «Мы уже давно спускаемся, сэр».

В то время, как стюард произносил эти слова, самолет действительно начал снижаться. Затем он накренился, и стал плавно пикировать, отчего пассажирам стало ощутимо легче.

Мы уже приникли было к иллюминаторам, как вдруг взревели моторы, нос самолета резко, сильным рывком, поднялся, и мы увидели крышу ангара, мелькнувшую внизу позади крыла. Пилот, который видел не больше нашего и перемещался исключительно благодаря лучам прожекторов с земли, пошел на снижение слишком быстро и еле увернулся от столкновения со зданием ангара. Произошедший толчок сбил всех пассажиров в одну кучу, но мало-помалу мы пришли в себя и расселись по местам, после чего пилот сделал еще один круг над посадочной площадкой и на этот раз, к нашему всеобщему облегчению, приземлился вне центральных затуманенных полос Ле Бурже. Это был конечно же первоклассный пилот. Только его самообладание и хладнокровие позволили «Арсеналу» сыграть в этой поездке в полном составе. Иначе четырех игроков можно было бы и не досчитаться.

Если фортуна улыбнулась нам в полете, то во время матча с «Расинг Клуб», она явно взяла отпуск за свой счет. У нас было столько травм и происшествий в тот день, что, по-моему, далеко не все из нас знают – как в итоге закон-

чился матч. Об окончательном счете, многие узнали уже из утренних газет. В первом тайме Алф Кирчен потянул мышцу и Эрни Коллет стал играть на его позиции. Во втором тайме с поля ушел Льюис, а Тед Дрэйк стал играть правого крайнего. Потом был травмирован Уилф Коппинг, и Коллетт закончил матч, играя левого полусреднего! В игре, которая изобиловала травмами, самый необычный инцидент случился с французом, центральным полузащитником Джорданом, который за десять минут до конца матча совершил полное сальто и вывел сам себя из строя, ударившись головой о собственное тело.

Воздушное приключение в самолете – одно из многих, которые случались со мной в многочисленных поездках. Хорошо помню скандинавское турне 1937 года, о котором я уже писал ранее. Взяв свой курс из Стокгольма в Гельсингфорс, наш корабль застрял на двенадцать часов в опасных водах Финского архипелага, где полно подземных рифов и прочих опасностей. Нам пришлось бросить якорь, и простоять там всю ночь. При этом никто из нас не знал - что может случиться с нашим 700-тонным кораблем, который видимо был слишком легкой пушинкой для всерьез разбушевавшейся стихии. Одно-го соприкосновения с рифами или скалами было бы достаточно для того, чтобы футбол для всех из нас закончился навсегда. Но в семь часов утра раздавшийся как и положено гонг на завтрак, сообщил всем лежащим в постелях пассажирам, что этой ночью все остались живы, хотя корабль до того момента так и не тронулся с места.

В поездках с «Арсеналом» я два раза попадал в аварию на железной дороге. Возвращаясь из Шеффилда с очередного кубкового раунда, поезд слишком быстро вошел в крутой вираж, и в этот момент мы (ну, по крайней мере, лично я-то точно) подумали, что состав перевернется. Как раз в этот момент мы обедали, и все до одного пролили суп, преимущественно друг на друга. Тед Дрэйк жаловался на то, что был атакован снарядами из стеблей сельдерея, но единственный, кто на самом деле пострадал от этого инцидента, был мистер Аллисон, который сильно ушибся, стукнувшись головой о стол.

Еще раз фортуна улыбнулась нам в поездке в Вулверхэмптон на первый матч сезона 1939-1940: наш поезд переехал через кусок изогнутых рельсов около

Ковентри и несколько секунд вагон подпрыгивал как джип со спущенными колесами. Когда мы приехали в Вулверхэмптон, проводник сказал, что мы родились в рубашках, и нам просто посчастливилось остаться в живых. Что ж, конечно же, мы согласились с ним!

Часть шестнадцатая

ХЭПГУД – В КОРОЛЕВСКИХ ВВС.

Не успели мы сыграть четыре игры нового трагичного сезона 1939/1940, как началась война, которая исковеркала всё вокруг и прерывала естественный ход событий. Как и многие, причастные к футболу, я был сбит с толку происходящими событиями и несколько месяцев пытался понять – что же будет с футболом и с футболистами. В это время я работал в качестве часового-охранника и исполнял свои обязанности практически все сутки напролет. Естественно, я видел и других игроков «Арсенала», поскольку наш пункт оповещения находился на главной трибуне стадиона Хайбери. Я хорошо помню, как я шел через футбольное поле при ярком лунном свете рано утром сразу же, после того, как была объявлена война и как при этом в первый раз завывали сирены. Никогда раньше (и никогда после этого) я не пересекал поле так быстро...

В свободное время мы договаривались о товарищеских матчах, и наш тренер, Том Уиттакер, который в свое время играл за «Арсенал» после прохождения службы в первой мировой войне, забил пять мячей в одном матче.

Потом я вступил в Военно-Воздушные Силы, и у меня началась абсолютно новая жизнь. Вместо Эдди Хэпгуда, капитана «Арсенала» и сборной Англии, на жизненное поле вышел Хэпгуд Э.А., призванный на военную службу.

Когда я шел в первый раз в военкомат, у меня видимо были точно такие же ощущения, как и у тысячи других в аналогичном положении. Я был крайне встревожен и огорчен изменениями, произошедшими в моей жизни, и пытался восставать, когда ко мне относились, как к части стада, как к овце, которую надо направлять, или вообще - как к пустому месту. Позже я смеялся над

этими ощущениями, но, повторяю, поначалу действительно чувствовал себя несчастным.

Я написал рапорт в Кардингтон в первый день моей службы в ВВС. Битва Германии с Британией неумолимо приближалась, но я еще не чувствовал себя как один из избранных, которые должны защитить свою страну. С семнадцатью другими новобранцами я был приписан к лагерю молодого бойца и получил инструкции от сухого скучного капрала, для которого восемнадцать призывников были просто еще одной группой гражданского населения, которую надо было привести к армейскому порядку, перековать в рядовые ВВС.

Во время переключки капрал добрался и до моей фамилии. «Хэпгуд Э.А.!» - пролаял он, - «имеете ли отношение к игроку «Арсенала»?» «Он и есть», - ответил я, несколько смущенно. «Вот и хорошо», - как мне показалось, он улыбнулся, - «Вы играли за классную команду, поэтому придется дать вам не менее классное задание: отполировать полы, чтобы они заблестели как зеркало, и я смог четко увидеть в нем свое отражение.» С этими словами он поддал ногой в мою сторону банку мастики. Чисто инстинктивно я «обработал передачу» и ... отпасовал обратно левой щечкой – на точность!.. Что ж, это было не слишком удачное начало новой службы, но я выдержал первый натиск, как выдерживал его и на футбольном поле. Позже выяснилось, что Капрал был фанатом «Тоттенхэма», но, в конце концов, он оказался неплохим парнем.

На следующий день я стал осматриваться на своем новом месте и после прогулке по лагерю ВВС лег на траву – а тогда ярко, как будто и не было войны, светило солнце. Я лег и стал наблюдать за миром, думая – как течет время... В поле моего зрения на некотором расстоянии попал хромающий человек, который еле тащил свою больную ногу и выглядел крайне несчастным. Наконец я услышал громкий голос и неповторимый и знакомый гаэльский диалект: «Черт возьми - Эдди Хэпгуд, первое человеческое лицо, которое я вижу за целую неделю!»

Это был Билли Шэнкли, защитник «Престопа» и мой старый приятель по международным матчам. У Билли были проблемы с пальцем ноги, он был всегда всем недоволен, но при этом страстно любил говорить о футболе. Так что в этом плане мы нашли друг друга, и тут же принялись вспоминать и обсуждать – а ведь было, что вспомнить! - пока наконец к нам не подошел Сержант, прервавший беседу раскатистым криком «В одну шеренгу стройся!»

Никогда не забуду мое пребывание в Кардингтоне. Через три недели меня поместили в лазарет королевских ВВС с многочисленными гнойными воспалениями на обеих руках, так что очередные два с половиной месяца я провел на лазаретной койке, проходя многочисленные медицинские процедуры.

Во время лечения я прочитал, что меня выбрали в состав команды королевских ВВС на матч, который должен состояться уже на следующей неделе. Конечно же, я не мог принять в нем участие, и конечно это было более, чем неприятно! Но в дальнейшем за команду своих войск я играл достаточно часто.

После окончания лечения я переехал в Косфорд для прохождения курса в качестве инструктора парашютных войск, во время которого я должен был сделать марш-бросок на милю при полном снаряжении за шестнадцать минут. Поскольку, благодаря футболу, я был в хорошей форме, то я выполнил этот норматив, правда, не без труда. Так что, когда я, шатаясь, пересекал финишную черту, офицер, принимающий зачет, объявил: «Хорошая работа, Хэпгуд. Теперь беги и прими душ.»

Отдельное спасибо за «беги», что вполне соответствовало военно-полевому юмору, ведь закончил дистанция я, еле волоча ноги... Как бы там ни было, я добрал до душа и с ужасом обнаружил, что вода там исключительно ледяная. Впрочем, надо сказать, что никакого вреда мне от этого не было.

Из Косфорда я переехал, уже в качестве квалифицированного инструктора парашютных войск в Руислип. Стояла зима, причем погода была отвратительная – тяжелый сырой туман и прочая аналогичная прелесть.

В комнате дежурного мне вежливо сообщили, что жилья для меня в настоящий момент никакого не было, но что-нибудь на ночь найдется, а утром я должен буду привести себя в полный боевой порядок. Затем дежурный вызвал капрала Рэдклиффа, которому поручил найти мне временное ночное пристанище. Так мы и пошли вдвоем под проливным дождем мимо барачных корпусов – Рэдклифф нес пачку бланков, а я – всё своё обмундирование, и настроение, как вы догадываетесь, было соответствующее. Из окна одной хибары, мимо которой мы проходили, вдруг высунулось лицо молодого рядового ВВС: «Это Эдди Хэпгуд?» Я не проявил особой заинтересованности, но ответил утвердительно. «Я Сибли из «Саутенда»», - ответил он. Тут сопровождающий меня капрал вдруг выбросил свои бланки в огромную лужу, около которой мы остановились, и закричал с ланкаширским акцентом: «Ну и дела! А я Рэдклифф, из «Олдам Атлетик»!».

Так что, дела шли не так уж и плохо: я опять был среди друзей.

Не хочу называть название лагеря, чтобы не выдавать кого-либо, но именно здесь, на заре моей службе в королевских ВВС, произошел следующий инцидент, один из самых странных и удивительных в моей судьбе.

Я опять попал в трудное положение. Не то, что я был «плохим солдатом». Скорее, очень уж трудно было привыкнуть и выучить все отличия между гражданской и армейской жизнью. Я не знал, что будет входить в круг моих обязанностей, а в субботу утром меня поместили в барак – за несколько часов до того, как я должен был выйти на «Уайт Харт Лэйн», чтобы сыграть за «Арсенал» против «Тоттенхэма».

Я спросил сержанта – кто «отвечал» за меня и нельзя ли что-нибудь сделать в связи со сложившимися обстоятельствами, пробормотав при этом об увольни-

тельной под честное слово. Сержант ответил подробно и доходчиво – что прохождение армейской службы и размещение в бараках отнюдь не означает выход за пределы лагеря и поездок для игры в футбол! Данный ответ естественно не удовлетворил меня, и я спросил – не могу ли я увидеть дежурного офицера. В конце концов, моя настойчивость была удовлетворена, и меня привели к месту его дислокации.

Понятно, что дежурного офицера абсолютно не интересовали мои проблемы и просьбы – покинуть расположение лагеря на несколько часов. Когда же я сказал, что не знаю, что я должен здесь делать, и что является моей обязанностью, он сказал: «То, что вы сейчас делаете и есть ваша обязанность!».

Потом он обратил мое внимание на то, что, между прочим, не следует жестикулировать, подчеркивая свои доводы, отвечая дежурному офицеру. Не следует держать руки на столе, разговаривая с дежурным офицером. И вообще - необходимо стоять по стойке смирно, когда вы обращаетесь к дежурному офицеру. Последнее было сказано уже железобетонным тоном, что не оставило у меня никаких сомнений, что я серьезно ошибся, обратившись к нему.

Я извинился, объяснил, что недостаточно хорошо еще знаю устав воинской службы и тому подобные нормативные акты, что я всегда так разговариваю, это моя привычка с детства, и что мне чертовски необходимо выйти за пределы лагеря на несколько часов. Оказалось, что дежурный офицер был спортсменом. Подумав немного, он вынес заключение: «Если обещаете, что пойдете на матч под конвоем, я выпущу вас.» Понятно, что он был уверен, что я гордо откажусь, тогда как я наоборот ухватился за эту идею, и, чтобы не дать ему шанса дезавуировать предложенное, я быстро согласился, отсалютовал и ушел из его помещения.

Появившиеся через некоторое время в караульном помещении двое прапорщиков доставили меня в армейскую машину, на которой мы и поехали на игру с «Тоттенхэмом». У ворот стадиона я попытался поручиться перед моими новыми «друзьями», которые к этому моменту и сами осознали всю нелепость сложившейся ситуации. Но они исполняли свой армейский долг, так

что строгое конвоирование неукоснительно продолжилось. Они сопроводили меня до раздевалки, вошли в нее и сели с разных сторон с каменными лицами, пока я переодевался (все проходящие мимо нашей раздевалки наверняка подумали, что сегодня «Арсенал» решил выставить тринадцать футболистов), стойко игнорируя при этом вопросы и ремарки наших игроков, которые совершенно не могли понять – что происходит.

Две моих тени неотступно последовали за мной и дальше, когда я взял мяч и повел свою команду на поле. Я уже подумал, что они собираются стоять около меня и на футбольном поле, в нашей штрафной, но в конце тоннеля, у боковой линии, они все-таки остановились, видимо, не решившись последовать до конца в выполнении своего задания.

Там же, у выхода из тоннеля, они встречали меня по окончании первого тайма. Там же они встретили меня и после финального свистка. После матча я переоделся в рекордно короткое время, и мы поехали обратно к летному лагерю. Насколько мне известно, произошедшее было единственным случаем в практике мирового футбола, когда профессиональный футболист играл в условиях официального конвоирования.

Должен сказать, что в следующий понедельник конвоирование было отменено.

Оглядываясь назад, могу сказать, что в целом мне нравилось служить старшиной в королевских ВВС. Основная идея была в том, что необходимо было прилагать усилия при выполнении заданий – тогда всё получалось, в противном случае, можно было ощущать себя несчастным на протяжении оставшегося времени службы. У меня появились новые друзья, я втягивался в многочисленные дискуссии о современном профессиональном футболе. Вообще, футбол – это универсальная тема для общения в любом месте, в том числе, и на армейской службе, и часто за нашим обеденным столом между ребятами разворачивались жаркие дискуссии. Мы моментально разделялись на тех, кто за и тех, кто против - прямо как в профессиональном клубе в нашей стране.

Впрочем, конечно не только в нашей – шотландцы, ирландцы и уэльсцы спорят также горячо и пылко, как и играют на футбольном поле.

Одного парня, стойкого болельщика «Ньюкасла», мы выбрали дегустатором утреннего напитка в Руислипе. Каждое утро перед завтраком он должен был сделать глоток из каждого чайника, чтобы определить, в каком из них чай, в каком кофе, а в каком какао.

Перед тем, как стать офицером, я посетил множество лагерей, и практически каждый раз мне удавалось организовывать футбольные матчи с местными клубами. Меня сделали капитаном «Вест Бромвича», когда я дислоцировался в Мидландсе, я играл за «Ловеллс», когда мы переехали в огромный лагерь королевских ВВС в Сент-Атанс. Также я получил специальное разрешение от «Арсенала» сыграть за «Лутон», по прибытию в Бедфордшир, радостный по поводу присвоения звания офицера ВВС.

Несмотря на то, что мы проиграли больше игр, чем выиграла, мне доставляло удовольствие играть за «Лутон». У них была группа трудолюбивых молодых ребят, а управляли клубом энергичные руководители-энтузиасты. Пожалуй, у игроков была одна негативная черта – они опускали руки, пропустив один или два мяча в свои ворота (с «Арсеналом» в прежние времена такого никогда не случалось) – но я думаю, после войны в «Лутоне» начнутся серьезные позитивные преобразования.

У нас никогда не было пауз и перерывов. Проигрывая таким клубам, как «Ориент», просто-таки кожей чувствуешь, как не клеится игра, когда удача отворачивается от твоей команды, а в одной игре против «Челси» мы умудрились пропустить четыре гола в первые десять минут, а в итоге проиграли 6-0.

Помню матч с «Тоттенхэмом», когда Роули, бывший форвард «Манчестера Юнайтед» забил нам семь мячей на «Уайт Харт Лэйн». Пресса писала: «Лю-

тон» держал мяч столько же, сколько и «Шпоры», но в их команде не было Роули, который и сделал игру.»

Впрочем, я отвлекся от основной темы. Жизнь офицера, конечно же, сильно отличалась от повседневного поведения рядового в армейской службе. Я испил и ту, и другую чашу, и, таким образом, многое узнал об армейской жизни.

Пожалуй, самое яркое воспоминание от офицерской службы связано с осмотром, который я проводил, будучи дежурным офицером. В караульной комнате меня поприветствовал рядовой, отправленный на гауптвахту: «Привет, Эдди, когда же ты будешь снова играть за «Арсенал»?» Я попытался выйти из положения с чувством собственного достоинства и субординации, но про себя подумал: «Что ж, чертовски приятно, что старые болельщики еще не забыли меня»!..»

Глава семнадцатая

ФУТБОЛ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ.

Пожалуй, лучше всего из всех игр, проведенных в военное время, я помню финал Кубка 1941 года на «Уэмбли», когда мы сыграли вничью. Особенно помнится то, что произошло после этого. Игра в принципе была равная, ничейная. Лесли Престон попал в стойку, пробивая пенальти на шестой минуте матча, а его брат, Денис сравнял в итоге счет («Престон» долго вел 1-0).

Но в этот вечер я остался в городе вместо того, чтобы возвратиться в лагерь королевских ВВС, и именно в этот вечер немцы совершили самый мощный, самый зверский авианалёт на Лондон из всех, что были за всё время войны. Ощущения тех, кто оказался в городе в момент бомбардировки, были ужасными – пожалуй, только королевские ВВС уже потом смогли совершить более агрессивный рейд громадной эскадрилью из 1000 бомбардировщиков на город Кёльн. Во время лондонского налета, я, слушая, как свистят и разрываются бомбы и как ведется плотный заградительный огонь, пришел к выводу, что мне очень сильно не нравятся воздушные налёты, и никогда они не смогут вызвать у меня положительных эмоций.

Футбол в военное время, если говорить в целом, носил, конечно, откровенно экспериментальный и порою странный характер. Несколько матчей были прерваны сиренами. И, поступив на службу в королевские ВВС, я никогда точно не знал в начале недели – за кого я буду играть в ближайшую субботу. С представительскими встречами было обычно всё понятно, поскольку я всегда успевал скоординировать исполнение своих воинских обязанностей, освободив, таким образом, время для соответствующей встречи, но когда речь шла об игре за чужую команду в другом турнире, - попасть на матч в субботу было отнюдь непросто.

Один раз, когда я был в Косфорде на офицерских курсах, «Вест Бромвич» попросил меня сыграть за него. Также представители этой команды спросили – нет ли в лагере ВВС еще одного хорошего центрального защитника. Что ж, выполнить их поручение оказалось не так сложно – еще одним хорошим защитником в тот день стал Лори Скотт, мой сотоварищ по «Арсеналу». Мы сыграли вдвоем в обороне и помогли «Вест Бромвичу» выиграть у «Бирмингема» на «Хоторне».

Конечно, иногда мы не могли принять участие в матчах «Арсенала», и тогда выручали «приглашенные игроки» (каким не единожды был и я для других клубов). Но «Арсенал» каждый раз старался изо всех сил привлечь к игре своих собственных футболистов, и только в самом крайнем случае обращался за помощью к другим командам. Однажды в одном из военных матчей мне пришлось защищать ворота «Арсенала», поскольку у нас просто не хватало игроков, а Джордж Маркс не смог принять участие в этой встрече, и мистер Аллисон сказал, чтобы я вышел на поле в его зеленой вратарской футболке.

Это была кубковая игра с «Тоттенхэмом» и, таким образом, можно сказать, что оба клуба играли на своей домашней арене (поскольку «Арсенал» тогда использовал «Уайт Харт Лэйн» в качестве своего домашнего стадиона). В целом, мне показалось, что я отстоял неплохо. Один раз, когда мы давили на ворота «Шпор» я, заразившись атакующим порывом, вышел слишком далеко из ворот, забыв, что я вратарь, а не полевой игрок. Услышав окрик «Эдди, не забудь про ворота!», я ринулся назад и занял свою вратарскую позицию. Мы сыграли вничью 1-1 – так что именно тогда я впервые пропустил мяч, непосредственно защищая ворота.

Трудностей у мистера Аллисона только прибавилось, когда стали регулярно проводиться представительские матчи. Игроки «Арсенала» требовались везде и всюду, и однажды тренеру пришлось искать замену семи (!) игрокам, занятым в различных играх, от которых нельзя было в то время отказаться. Джордж Маркс, Бернард Джой, Тед Дрэйк, Альф Кирчен и я были выбраны в команду королевских ВВС на матч в Ньюкасле, а Свиндин и Брин Джоунс – за команду Юго-Восточного округа на матч в Рединге. Кстати, в этом матче,

едва не вернулся в футбол Алекс Джеймс. Он был поставлен «на лист ожидания» и должен был выйти на поле, если Брин Джонс не успел бы вернуться с Южного Уэльса. Но Брин в последний момент вернулся, и Алекс смотрел игру с трибуны.

Одна из самых напряженных игр в военный период состоялось в Бристоле, в моем родном городе. Со стороны Футбольной Ассоциации это был внимательный и приятный в мой адрес жест – назначить меня капитаном их команды против команды королевских ВВС в первом большом футбольном матче, проводимом в Бристоле с начала войны. Бедный Бристоль жестоко пострадал от многочисленных налетов авиации, но это не остановило футбольных болельщиков, и они в большом количестве пошли на «Аштон Гэйт», чтобы посмотреть этот матч. На трибунах сидела моя мать, игру смотрели звезды прежних лет – Билли Ведлок и Гарольд Флеминг.

Я играл против моего старого соперника, Стэнли Мэтьюза, но в последний момент он не вышел на поле, и вместо него на флангах меня (и нашу команду) атаквали вингер-метеор Лесли Смит и не менее быстроногий ирландец Алекс Стивенсон. Из-за этих футболистов, находившихся как назло в прекрасной форме, я в итоге пробежал за матч какую-то немислимую дистанцию. Думаю, что, в конце концов, я бы предпочел играть против Стэна Мэтьюза – по крайней мере, он не носится так быстро, как Лес Смит!

Голкипером команды Футбольной Ассоциации был Браун, молодой вратарь «Куинз Парк Рейнджерс», который в целом хорошо отстоял эту игру, несмотря на то, что мы проиграли 4-2. Он многообещающий футболист, и мне особенно импонирует его скромная манера поведения. После другого представительского матча, сыгранного в Лутоне, во время которого он совершил чудесные сэйвы, он подошел ко мне и сказал, что, ему кажется, что отыграл он весьма плохо. Я постарался разубедить его, сказав: «Никогда не говори своих впечатлений от собственной игры – это дело сторонних наблюдателей. Именно они выставляют оценки.» По-моему, это хороший совет любому вратарю.

Молодой Ред Льюис, который только начинал играть в «Арсенале» в 1939 году, делал большие успехи в военное время. Он великолепный игрок. У Льюиса был уникальный опыт игры за королевские ВВС, когда, просчитавшись, его выбрали ... двенадцатым игроком в команду сухопутных войск. Это случилось в Айре: когда команды устроили переключку перед большим представительским матчем, выяснилось, что в королевских ВВС не хватает одного игрока, тогда как в команде соперника - на одного больше, чем требуется. Майор Слоан, гениальный секретарь-распорядитель армейского футбола, тут же предложил перевести игрока с соответствующим (недостающим) номером из противоположной команды. Им и оказался Льюис.

Возможно, лучшую свою игру в военное время Льюис провел в 1943 году. Это была финальная игра против «Чарльтона». Я не играл в тот день, так что имел хорошую возможность понаблюдать за ним со стороны. Он забил четыре великолепных мяча, последний из которых был просто потрясающим, думаю, что даже великий Г.О. Смит не забивал ничего подобного.

Другой игрок «Арсенала», которому в определенной степени помогло дисциплинированное и организованное военное время (в отличие от буйного мирного юношеского периода, которое часто мешает многим молодым футболистам) – это Денис Комптон, стабильно и уверенно выстраивавший себе репутацию и карьеру выдающегося левого вингера. У него пушечный удар с левой, но часто он забивал и с правой, которую многие почему-то считали холостой и бесполезной, и – ошибались!

Помню одну игру – в Брайтоне, когда Денис приехал с тяжелых армейских курсов и тут же включился в игру, бегая как угорелый по всем участкам поля. Никогда не видел столько энергии у человека. При этом энергия тратилась отнюдь не впустую, он забил два мяча, один из которых – с пенальти. Но конечно же, после игры он был рад усесться наконец в раздевалке и перевести дух. Как он заметил – утренний марш-бросок с ручным пулеметом системы Брэна отнюдь не облегчает дневной футбол...

У брата Дениса, старшего Комптона – Лесли – был, если так можно выразиться, смешанный опыт. В самом начале войны Лесли, номинальный центральный защитник, был в срочном порядке перекинут в «Арсенале» на место ... центрального нападающего и тут же стал забивать голы в стиле Дикси Дина. Однажды в игре против «Клэптон Ориент» он забил аж шесть мячей (!), а в финале кубка межвойсковых соединений Британии, на «Стэмфорд Бридж» снова забил пять или шесть голов, в результате чего Полиция выиграла у Армии.

Именно Лесли занял мое место в сборной Англии сразу же после того, как я побил рекорд выступлений за национальную команду. Позже вместо него на данной позиции стал играть другой игрок, но к концу следующего сезона он вновь прочно вошел в основной состав сборной.

Я помню, как он играл за нас против «Чарльтона» в Вэлли в самом начале войны. Поверхность газона, представлявшая собой смесь тающего снега и грязи, опять-таки по консистенции напоминала смесь патоки и клея – по крайней мере, именно так нам тогда казалось. Игра скорее походила на какую-то детскую зимнюю забаву, нечто вроде взятия снежного городка: мы старались играть быстро, но под ногами и в воздухе была уйма снега...

Надо было обдумывать свои движения, чтобы не поскользнуться и не застрять в грязи. Неравномерная манера бега Лесли – с длинными шагами – как раз хорошо подходила к этому случаю, и он забил пару голов после мощнейших неотразимых ударов.

В начале войны «Арсенал» установил уникальный рекорд, выставив на поле состав игроков, которые – все как один – служили в королевских ВВС. Но, как ни странно, в ВВС, кроме нас, служило еще достаточное количество первоклассных футболистов, и в результате они смогли составить приличную команду, чтобы сыграть против арсенальских футболистов на поле «Тоттенхэма». Вот состав нашей команды: Баултон (бывший игрок «Арсенала», который покинул нас перед самой войной, перейдя в «Дерби Каунти»), Скотт, Хэпгуд, Крэйстон, Бернард Джой, Мэйл, Кирчен, Друри, Дрэйк, Куртис, Лесли Джонс. Матч закончился вничью 1-1.

У меня было несколько хороших игр с командой королевскими ВВС, которую я возглавлял, пока травма не вывела меня из строя – причем случилось это за несколько минут до начала матча с Шотландией в Ньюкасле. В одном матче против «Гибса» в Эдинбурге я впервые увидел молодого Гордона Смита, которому многие эксперты предсказывали великое будущее. Он очень хорош, - очень быстрый, как Алекс Джексон в пору своего расцвета, и я думаю, что если Шотландия застолбит за ним место правого инсайда, то сможет рассчитывать в будущем на победы.

В большинстве своем в командах королевских ВВС, за которые я играл, вратарем был Джордж Маркс. Но больно ему уж «везло» с травмами – он слишком часто выбывал из строя, правда некоторые травмы он получил из-за своей собственной вспыльчивости и поспешности, другие же – в связи с обычными инцидентами, которые стабильно случаются с голкиперами, которые ищут себе приключений в штрафной. Маркс, конечно же, является игроком «Арсенала», и он вышел на первый план за несколько месяцев до начала войны. Его подписали из «Солсбери Коринтианс», и после апробации в наших «дочерних» командах – «Энфилд» и «Маргэйт» - он вышел на поле уже в основном составе в товарищеском матче против «Ипсвича». А затем, будучи выбранным сначала в качестве запасного вратаря для нашего европейского турне, он в итоге поехал основным голкипером благодаря тому, что Свиндин остался в Англии из-за травмы. Маркс – хороший голкипер, очень мужественный и дерзкий, с сильными, цепкими руками. Кроме всего прочего, он очень далеко выбивает мяч.

В международных матчах в первое время войны было что-то странное, если сравнивать их с подобными встречами мирного времени. Но в них был огромный позитивный, даже тонизирующий, элемент для публики, ну и, в конце концов, мы просто были счастливы, что у нас есть возможность поиграть в футбол. В то время, как британские экспедиционные войска проводили встречи в районе побережья и Дюнкерка, мы путешествовали на север на благотворительную игру с Шотландией. Полиция разрешила допустить на стадион не более 70 тысяч зрителей. Пришло же порядка 61 тысячи, так что, можно сказать, что «Хампден Парк» был полупустым, а заградительные

противовоздушные шары, висящие над Клайдбанком, походили на расстоянии на гигантских птиц.

Буквально за несколько часов до начала матча мы не знали – кто будет стоять в воротах. Сэму Бартраму не дали увольнительную в ВВС, и нам сказал, что откуда-то с юга к нам на всех парах мчится Вик Вудли. И он успел, таким образом, освободив меня от вратарской работы. И хорошо, что Вик сумел приехать, поскольку матч получился крайне напряженным, и мы сумели свети игру с нашим старым соперником только к ничьей 1-1.

За пару недель до этого мы впервые на «Уэмбли» принимали Уэльс. И учитывая создавшуюся в стране и городе ситуацию, было очень приятно, что почти 50 тысяч зрителей пришли на этот матч. Мы проиграли за счет единственного гола, который дальним ударом забил Брюн Джоунс – вращающийся мяч выскользнул из рук нашего вратаря, Сэма Бартрама, и влетел в ворота. Недаром же «Уэмбли» называют могилой для вратарей. Уэльс, как обычно, сумел выкрутиться, решая проблемы с составом. Поскольку Том Джоунс не смог приехать в Лондон, волшебный Тед Роббинс вытащил Боба Дэвиса, центрального полузащитника «Ноттингем Форест», и он сделал игру... Думаю, что после войны нам необходимо встретиться и разобраться на «Уэмбли» с Уэльсом.

Еще один выдающийся матч с Уэльсом прошел на разбитом после бомбежек «Сент-Эндрюсе». Вероятно, на тот момент это был наиболее разрушенный стадион в стране. В тот день мы выиграли, благодаря голам, забитым Джимми Хаганом и Морисом Эделстоном. Бедный Гарри Гослин, капитан «Болтона», которого первым из профессиональных футболистов призвали на действующую военную службу и который поехал через Дюнкерк, прежде, чем погибнуть на Ближнем Востоке, играл за Англию, и здорово играл! - как, впрочем, он всегда это делал. Как всегда в том матче было много футболистов «Арсенала» - Денис Комптон, Джордж Маркс и я на английской стороне, Лесли Джонс и Горак Камнер – на стороне Уэльса.

Несколько позже Камнер здорово сыграл в одном из матчей против нас, когда два его забитых мяча Англия уже не смогла отыграть в Вулверхэмптоне. В одно время опасались, что Камнер больше уже не сможет играть в футбол, поскольку он страшно обгорел во время службы в королевской морской пехоте. Но, к счастью, он полностью поправился и, думаю, будет еще многие годы главным претендентом на место левого крайнего в сборной Уэльса.

Королевская ложа была почти всегда заполнена, когда мы играли благотворительные матчи на «Уэмбли» во время войны. На одном из матчей в ложе было семь (!) министров британского кабинета... сэр Джеймс Григг, мистер А.В.Александр, лорд Вултон, лорд Лезерс, мистер Герберт Моррисон, мистер Эрнест Бевин и мистер Клемент Эттли.

Пожалуй, наиболее захватывающим из всех международных матчей, в которых мне довелось принять участие во время войны, был поединок с Шотландией в Хампдене в 1942 году. В тот день было забито девять голов, и пять из них влетели в ворота Англии – столько сборная Англии никогда не пропускала за те 33 игры, которые я провел в составе национальной команды. Два особых воспоминания от той игры: молодой Гордон Бремнер, еще одна находка «Арсенала», сделавший свой дебют за сборную Шотландии, и Джо Меркер, называвший себя «одноглазый Джо» после того, как в самом начале игры получил сильный удар мячом в лицо. Мой старый друг Билл Шанкли практически сошел с ума от счастья, когда ему удалось забить победный гол в наши ворота. Билли – футбольный сумасшедший, а уж особенно в тех случаях, когда дело касается сборной Шотландии.

У меня были два примечательных инцидента с «Челси» или, скорее, я бы все-таки сказал, три. Я играл центрального защитника в двух рождественских матчах против «Челси», а поскольку у нас практически не было профессиональных полузащитников, мы и проиграли 2-5 и 1-5. Ситуация в первом матче, в день Рождества, была довольно странная, поскольку Денис Комптон, Альф Кирчен, Бернард Джой сидели на трибунах и наблюдали, как мы проигрываем эту встречу. Дело в том, что всем им было запрещено играть в этом матче, чтобы не утомиться перед важной армейской игрой в Лидсе на следующий день. Позднее во время войны я играл за «Челси» против звездной

армейской команды Альдершота (большого постоянного лагеря английских войск) на «Стэмфорд Бридж», и мы выиграли 8-0. Хотя бы уж таким образом справедливость восторжествовала.

Игры с «Брентфордом» в военное время постоянно приносили какие-то чудесные неожиданности, как будто его заколдовали на этот период. В одном полуфинале Кубка мы встречались с ними на поле «Тоттенхэма» в мае 1942 года и должны были выиграть эту игру, но, несмотря ни на что, «Брентфорд» прошел нас и встретился с «Портсмутом» в финале. Даже болельщики «Брентфорда» признают, что они стали профессиональными везунчиками, и это говорит о многом. Но матч тем не менее вышел захватывающим. Когда Дуглас Хант за пять минут до финального свистка забил гол, и счет стал 2-1, мы почувствовали, что Кубок уплывает от нас. Но, начав с центра поля, Рег Льюис рванулся вперед, прорвался в штрафную, где и был благополучно сбит. Арбитр, не задумываясь, показал на точку. К тому времени только двое футболистов оставались хладнокровными на поле – это Джонни Джексон, голкипер «Челси», отданный в аренду «Брентфорду», и Клифф Бастин, который и подошел к одиннадцатиметровой отметке. Разбег, удар, и... и волшебные бутсы Клиффа подводят его: Джексон отражает удар.

В военное время возобновилась старинная традиция проводить матчи между профессионалами и любителями. До этого в течение десяти лет подобных встреч не было. Этот матч прошел в феврале 1940 года в «Селхерст Парке», когда под ногами лежал ощутимый покров снега. Не лучшая поверхность газона, надо сказать, но никуда от этого не деться, тем более, что обе команды находились в одинаковом положении. Странно, что у любителей не было номеров на футболках, тогда как на нас были свободные футболки «Кристалл Паласа» с четко обозначенными номерами.

Лен Гоулден забил потрясающий гол в этом матче. Как будто его нарисовали графически - на столе с помощью чертежных инструментов. Он отдал точный пас Лесли Смигу вдоль левого фланга, вроде бы не торопясь вошел во вратарскую площадку, но при этом умудрился оторваться от опеки (я всё ожидал, что он начнет причесываться – настолько вальяжно он действовал!) и, получив обратную передачу, лениво головой отправил мяч в сетку. Нам

показалось, что уж больно легко у него всё это получилось - никто даже не побежал поздравлять его...

Я провел несколько игр за команду Футбольной Лиги, включая матч «всех британских звезд» в Вулверхэмптоне в первый день подарков (второй день Рождества) за время войны, когда условия были просто ужасными. В этой игре у нас произошел первый прецедент того, что впоследствии станет повсеместной практикой проведения замен в составах команд в военное время. Стэна Куллиса задержали в связи с криминальным происшествием по дороге из Альдершота, и бывший игрок «Вулверхэмптона», который затем перешел в «Рочдэйл», Родс, вышел на поле вместо него.

В заключении этой главы о футболе военного времени, которую мне пришлось сократить, я все-таки добавлю историю Томми Уолкера, одного из величайших шотландских инсайдов за всю историю шотландского футбола, игрока «джентльменского типа», который после войны станет церковнослужителем, человека, с которым было очень приятно общаться и футболиста, против которого было приятно играть. В матче, который я описываю, ни Томми, ни меня, на поле не было, но, тем не менее, этот великий игрок непосредственно связан с ним.

Футбольная Ассоциация Шотландия, обнаружив острую нехватку амуниции, за несколько дней до матча на «Хампдене» со сборной Англии в апреле 1943 года послала сигналы бедствия с просьбой о срочном доукомплектовании футбольной формой для международных матчей с условием, что, если форма будет использована, Ассоциация обязуется вернуть столько же новых комплектов после окончания войны. Томми Уолкер откликнулся одним из первых и предложил свою коллекцию – порядка семнадцати футболок. И хотя он не был выбран в состав сборной Шотландии, десять полевых игроков носили те самые футболки, которые носил он в матчах против злейшего оппонента.

Уилли Бучан, заменивший в шотландской команде самого Томми, был именно в футболке Томми, в которой он реализовал исторический пенальти на «Уэмбли».

А тот пенальти, как известно, принес Шотландии международный трофей в первом розыгрыше этого турнира – и виновником того самого пенальти был не кто-нибудь, а я! Джек Доддс был вдохновлен тем, что на нем была темно-синяя футболка, в которой Томми Уолкер забил два исторических гола на «Тинекастле» в ворота Уэльса, превратив очевидное поражение в победу своей команды.

На Алека Вентерсе была футболка, в которой Томми однажды прошел всю оборону сборной Англии и забил великолепный гол на «Уэмбли». А Уэддл играл в футболке, в которой Уолкер вышел на поле в матче, который он называл «лучшим международным матчем в своей карьере». Это был матч в Белфасте против Ирландии, когда партнером его был Джимми Делани из «Селтика», игравший правого крайнего, а вместе они составили сумасшедший тандем, сравнимый с волшебной парой Уэмбли – Алекса Джексона и Тима Данна. Тот матч, в котором игроки шотландской сборной вышли в футболках Томми, должен войти в историю, как национальный матч «Уолкера». К сожалению для шотландцев, они проиграли (все-таки без Томми) со счетом 4-0.

Часть восемнадцатая

ЗА КУЛИСАМИ ХАЙБЕРИ.

«Как бы ни отозвались мои слова в футбольном обществе, хочу высказать свое мнение, что если «Арсенал» будет опускаться в турнирной таблице и окажется в зоне вылета из высшей Лиги, это будет означать серьезную угрозу для всего британского футбола... «Арсенал» - это не просто клуб, а намного больше – это целое общество, целая традиция.»

/ТРЕВОР УИГНАЛЛ, «Дэйли Экспресс», 16 ноября 1937 года/

Цель написания этой книги заключалась в том, чтобы запечатлеть на бумаге (возможно, для потомков) определенные этапы моей футбольной жизни, но поскольку моя карьера была непосредственно связаны с «Арсеналом», я считаю будет вполне уместно, если следующие несколько страниц я посвящу тому, что так сильно повлияло на мою судьбу – Хайбери.

За кулисами Хайбери всегда была какая-то тайна, тайна для тех, чья жизнь была связана с «Арсеналом». Даже сейчас, после того, как меня не было на Стадионе более пяти лет, кроме редких однократных появлений, у меня сохранилось особое трепетное чувство, каким бы делом я ни занимался, каким бы уверенным я самому себе ни казался. Надевая футболку «Арсенала» вы вдруг начинаете ощущать, что отныне всё будет правильно, вы не можете отступить, что ваш клуб несомненно лучше, чем другие. Сторонние наблюдатели называли это атмосферой «Арсенала», но мы знали, что это и есть командный дух, нечто не поддающееся четкому определению, что вело нас к вершинам и удерживало на само верху футбольного мира, позволяя нам выигрывать те матчи, которые по всем законам Вселенной мы должны были бы проиграть. Много-много раз нас называли счастливыми.

Что бы с нами не приключалось, мы никогда не забывали, что каким бы великим ни был футболист в индивидуальном плане на своей позиции, он не принесет никакой пользы, пока не впишется в общую командную игру, пока другие члены команды не сыграются с ним на поле.

Джек Крэйстон прекрасно сказал об этом: поодиночке нас можно сломать, вместе же мы непобедимы. Возможно, в этом был косвенный намек на молодых игроков, которые еще не совсем восприняли традиции и атмосферу «Арсенала», но как бы там ни было, это было действительно так.

Чепмен начал формировать командный дух в своем удивительном, почти что, волшебном стиле. После его смерти его дело (что касается футбольной стороны жизни клуба) продолжил мистер Аллисон. У нас не практикуются и не поощряются грязная игра и скрытые трюки. Мы выходим на поле играть в футбол, и если мы проигрываем, что ж, в этом конечно нет ничего хорошего, но на следующей неделе мы обязательно сыграем лучше. Собрания команды помогали нам лучше осознать специфические трудности, связанные с теми или иными игровыми позициями в нашей практике, и в то же время, помогали найти слабые места у соперников. Крайне редко игрок не мог вписаться в стиль, культивируемый «Арсеналом». Но если уж подготовить его к выходу на поле нашими методами оказывалось невозможно, ему приходилось покидать Хайбери. Впрочем, повторяю, такое случалось редко.

Большинство игроков (и я в их числе) гордились тем, что им выпала честь выступать за «Арсенал». В заключительные годы мне будет очень не доставать того волнения, которое я всегда переживал, надевая красно-белую футболку в тот яркий и значительный период моей жизни, связанный с Северным Лондоном.

Как я уже сказал, всё началось с мистера Чепмена. Он потворствовал нам, иногда разыгрывал нас (могу сказать о себе, а Алекс Джеймс говорил, что и с ним приключались подобные истории). Он был очень энергичным человеком, эдакой динамо-машиной, но при этом исключительно чутким и внимательным к своим питомцам. К тому же он знал – как ладить с людьми и как

управлять ими. Если нужны были аргументы в дискуссии, он скидывал с себя верхнюю одежду, чтобы лучше была видна жестикуляция рук. Иногда он размахивал даже ногам, раскидывая предметы, попадающиеся на его пути. Всё это он использовал для наглядной демонстрации того, что он имеет в виду. Однажды он так разошелся, что разломал свою шляпу – предмет особой гордости.

На самом деле очень трудно передать читателям – что именно я хочу сказать об «Арсенале», потому что я был одним из его игроков, одним из «посвященных», и в какой-то степени всё это может показаться личным хвастовством. Но мы гордились собой – своими успехами, победами и трофеями, и я полагаю, что мы имели на это право.

Я бы хотел провести вас за кулисами «Арсенала», рассказать о нем - насколько я знал закулисный мир Хайбери до войны. Попытаюсь провести экскурсию в это тайное королевство – ведь для большинства людей данная сфера закрыта уж никак на меньше Тибетских монастырей.

Мы входим на главную трибуну через Эйвинолл Роуд, проходя мимо швейцара, стоящего при вращающихся дверях, на которых отчеканена начальная буква «Арсенала». Прямо напротив входа на дальней стороне мемориального зала установлен бронзовый бюст Герберта Чепмена, которому не суждено было дожить до того дня, когда была возведена гигантская трибуна, и теперь он молчаливо наблюдает за тем, как там идут дела у его команды.

Налево прямо внутри входного тоннеля находится справочное бюро. За ним – коридор, по нему мы и пойдём, поднявшись на пару ступенек. На первой двери табличка «Только для арбитров». Если заглянуть вовнутрь, то перед нами будет небольшая уютная комната, дополненная ванной. Следующая дверь ведет в интересную комнату, которую в день матча оккупирует оркестр, чтобы настроить свои инструменты перед игрой. Это музыканты из «Хайгейт Силвер Бэнд», впрочем, их также называют и «Арсенал Бэнд».

Далее по коридору мы проходим дверь напротив комнаты арбитров. Через эту дверь главный судья выходит на поле. На противоположной стороне зала мемориальной славы, позади бюста Чепмену, мы, пройдя через специальную дверь, найдем помещения здешней футбольной команды.

На левой стороне, по ходу нашего движения, находятся кладовые и складские помещения, где хранится самое разнообразное оборудование. Первая дверь с правой стороны – это раздевалка команды гостей с ванными комнатами.

Гостевая раздевалка несколько отличаясь по форме от нашей, а вот по размеру практически совпадает. Здесь мы особо не задержимся, а вот раздевалку хозяев обязательно рассмотрим поподробнее.

Следующая комната – тренерский офис. Здесь правят Том Уиттакер и Билли Милн. За ней – процедурный кабинет, оснащенный электроаппаратурой по последнему слову научно-технического прогресса.

Я был, если не завсегдатаем, то уж весьма частым гостем этого кабинета, его хозяина - Тома, который вбегал, скидывал куртку и бросался оказывать первую медицинскую помощь своим «пациентам», стоящим в очереди. Вообще, удивительно - сколько стихийных бедствий могут произвести команды за одну субботу...

Продвигаясь всё дальше, мы наконец-то добираемся и до раздевалки команды, проводящей свой домашний матч.

Это – одна из самых больших раздевалок на тех стадионах, где мне удалось побывать, играя в английской Лиге. До последнего винтика здесь сделано всё так, чтобы футболистам было удобно и комфортно. По трем стенам, на половину высоты облицованным плиткой, выставлены скамейки. Над скамейками вбиты пронумерованные (по позициям футболистов) крючки для одежды. Крючок номер №1 начинает отсчет, находясь в дальней части комнаты, около ванного отсека, и используется голкипером, затем идет вешалка для правого защитника, левого защитника и так далее.

В четвертой стене (где отсутствует скамейка) расположена ниша с массажным столом, где нам снимают напряжение пред непосредственным выходом на поле.

Часть пола, на котором находятся скамейки, специально подогревается паром. Нет, не потому, что мы такие тепличные растения, которые распускаются только при определенном уровне тепла, а потому, что вы не сможете играть с холодными, не разогретыми ступнями. Могу сказать, что данная система никогда не давала сбоев, сколько бы мы ни прыгали босыми ногами, переодеваясь в футбольную экипировку, так что даже Палата Общин может взять это на вооружение.

Между прочим, многим футболистам необходимо весьма значительное время, чтобы переодеться. Отдельные игроки пытаются использовать все известные (и возможно, даже какие-то еще, особые) меры предосторожности, чтобы уменьшить вероятность получения травм. При этом были случаи, когда футболисты явно перебарщивали – используя немислимое количество вазелина, которое они наносили как под носки, так и поверх, специальные повязки на лодыжки, шерстяные накладки под низ щитков, накладываемых на голень, специальные наколенники и другие аксессуары. Лично я никогда не носил повязок на лодыжках или наколенников, и я не вижу в них особой необходимости, кроме тех случаев, когда они специально назначаются врачом. Большинству из нас Том всегда делал массаж перед матчем, втирая эвкалиптовое масло, прекрасно согревающее в холодные дни.

Но вновь я отклонился от темы. Мы выходим из дверей около вешалки голкипера. Слева – комната, где в выстроенном ряду парами хранятся наши бутсы. Никакого особого распределения бутс в течение сезона не существует. Футболист играет в своих бутсах, и как только он чувствует необходимость сменить их, он делает это прямо на поле или здесь, в этой комнате.

Кстати, по поводу этой комнаты: обычно на выездные игры мы ездим со своим собственным специалистом по ремонту спортивной обуви. Что ж, движемся теперь дальше, а дальше у нас – ванная комната. Налево – четыре душа, затем – холодная ванна и горячая ванна (которую парни называют «литтлвудс» - на самом деле, это целый бассейн, способный вместить сразу всю команду), занимающая оставшуюся часть пространства ванной комнаты. Направо – четыре умывальника, хромированная массажная ванна, две небольшие одиночные ванны и специальная «пенистая» ванна, которая пользуется у нас ажиотажным спросом.

Выйдя из раздевалки, проходим через дверь справа и идем по коридору. Спускаемся на несколько ступенек, поворачиваем налево, последний правый поворот и мы в тоннеле, ведущем непосредственно на поле. В самом конце, практически у боковой линии, тоннель расширяется настолько, чтобы могли разместиться игроки двух команд в ожидании сигнала «на выход». Вместо бетонного пола здесь уже начинается травяное покрытие. По обеим сторонам данного помещения выставлено по четыре кресла, над которым висит табличка «Места для трех тренеров и одно резервное».

Над креслами справа висит телефон, напрямую соединяющий с залом заседаний совета директоров и директорской ложей. Если мистер Аллисон захочет сделать какую-нибудь позиционную перестановку в течение матча, либо, если ему понадобится передать какое-то указание Тому Уиттакеру, он может, не сходя со своего кресла, позвонить и сообщить об этом, что, конечно же, очень удобно.

Возвращаясь по тоннелю в Главный Зал, мы поднимаемся по лестнице и сразу же поворачиваем направо. Первая дверь налево – директорская и дамская уборные, а за ними – комната прессы. У журналистов был свой собственный выход на трибуну.

На другой стороне от лестницы – офис мистера Аллисона. В свое время у меня был хороший повод запомнить эту комнату. Она небольшая, при этом, с одной стороны – достаточно захлавленная всевозможными папками и бумагами, - ими завалены книжный шкаф и великоватый письменный стол, с другой стороны – комната всегда выглядела вполне опрятно.

Справа от кресла мистера Аллисона стояли старые часы, подаренные «Арсеналу» футбольной организацией «Лондон Комбинэйшн» (проводящей соревнования для резервных команд сначала Лондона, а затем и всей Англии).

Позади часов, на стене над каминной полкой приделано чучело головы животного (более всего похожее на ласку или горностаю) с надписью «Г.Ф.Аллисону от Футбольного Клуба «Ильфракомб».

На носу у животного – значок, сувенир от европейского турне «Арсенала». Несколько различных сувениров заняли свои места непосредственно на камине.

На небольшом приставном столике слева от кресла мистера Аллисона стоят два телефона, один из них – местный телефон, соединяющий звонящего с любой точкой стадиона.

Выходим из тренерского офиса и направляемся в зал заседаний совета директоров. Просторное помещение с панельными стенами, стульями из зеленой кожи и огромным столом для совещаний. В основном отделка помещения выполнена в ореховых тонах. В помещении десять стульев, на девяти из них – на кожаной обивке – выгравированы инициалы «Арсенала». Перед высоким креслом Председателя находится полевая пушка, эмблема «Арсенала», тисненая золотом.

Далее размещается гимнастический зал, где я проводил уйму времени – что доставляло мне не только пользу, но и удовольствие.

Зал - примерно шестьдесят футов в длину – оснащен практически всем необходимым для того, чтобы парни были заняты физподготовкой, выполняя главное задание – быть на сто процентов в форме и в тонусе.

Тут и гребные тренажеры, тренажеры для отработки ударов головой, боксерские груши, штанги, кольца, гимнастические трапеции и многое, многое другое.

В дальнем конце гимнастического зала расположена душевая, главной особенностью которой является наличие электрической стиральной машины. Именно в ней и производилась стирка нашей тренировочной экипировки.

Что же касается той нашей формы, в которой мы проводили матчи, то конечно же она моментально после матча отправлялась в прачечную. Здесь же находится и сушильная камера. Новейшим инновационным средством являлось здесь устройство для растягивания гетр. Билли Милн всегда говорил, что, если бы мы отправляли гетры в прачечную, то обратно получали бы куски материи, усохшие до размеров перчаток.

Кстати, возможно вам будет интересно узнать, что наши футболки стоили одну гинею каждая, и в обычный сезон в мирное время мы меняли экипировку четыре раза.

Впервые новые красные футболки с белыми рукавами были показаны публике 4 марта 1933 года, когда на Хайбери мы принимали «Ливерпуль».

К сожалению, в тот день они не принесли нам удачу, поскольку мы проиграли 0-1. До сих пор помню удивленный свист и гул аудитории, когда мы впервые выбежали в наших новых нарядах.

Та же самая реакция была, когда мы впервые надели красно-белые гетры с ободком (позже замененные на гетры с сине-белым ободком). Все эти новшества стали результатом активной работы головного мозга Герберта Чепмена. Он считал, что так мы лучше распознаем друг друга в суете во время матча. Удивительно – сколько команд потом скопировали новый стиль - делать цветной ободок на гетрах...

Но опять я отклонился от темы.

Давайте выйдем на трибуны и еще раз посмотрим на стадион с того места, где мы сейчас оказались, будем считать, что вы принадлежите к числу избранных, и вам разрешен доступ в директорские ложи.

Здесь, в первом ряду, четыре места все еще зарезервированы за покойным графом Лонсдейлом, нашим бывшим Президентом.

Кресло мистера Аллисона – в заднем ряду, около входа. В центре первого ряда несколько мест также зарезервировано за королевской семьей, или за другими выдающимися особами.

С директорской ложи особенно остро чувствуются масштабы сооружения - по сторонам, наверху и внизу простирается огромный двухъярусный стадион, один из наиболее тщательно спланированных чье возведение стоило 100,000 фунтов.

Здесь много инноваций, - радио и телевизионные ложи, специальное помещение и офис для работников стадиона, отдельные комнаты оказания первой помощи для мужчин и женщин. А также гигантский бар на самом верху трибуны, выполненный в виде подковы – длиной в 98 футов, второй в мире по величине, и ещё специальная техническая комната, используемая полицией для контроля над происходящем на стадионе.

Все эти помещения впервые были использованы, как я полагаю, в одном из наших регулярно проводимых матчей с «Глазго Рейнджерс».

Игра проводилась посередине недели в 1936 году. Кстати, после одного такого матча с «Глазго» мы подписали доктора Маршалла. Удивительный гол, забитый им, произвел на всех сильное впечатление. Правда, Док Маршалл всегда больше интересовался своей основной профессией, чем футболом, и последнее, что я слышал о нем – это то, что он получил от городского Совета место врача в пригородах восточного Лондона.

Возвращаясь в нынешнее военное время после воображаемого турне по мирному Хайбери, я должен сказать, что стадиону крупно повезло, что он получил только относительно незначительные повреждения от вражеских бомбардировок за то время, что он находился под правительственным контролем (под контроль правительства стадион перешел в самом начале войны).

Закрытое огороженное место за воротами с северо-западной стороны было полостью разрушено во время одного ночного налета. Билли Милн, наш тренер-ассистент, который практически круглосуточно работал смотрителем стадиона во время войны, рассказал мне, что в ту ночь 124 зажигательных снаряда упали на стадион, и особенно странно (пожалуй, термины «театрально» и «живописно» здесь неуместны) было смотреть, как горят футбольные ворота.

Также осколочно-фугасная бомба разрушила бетонную террасу справа от часов. К счастью, за исключением нескольких сгоревших кресел, двухъярусные трибуны остались целы (что называется, повезло!). Так что наш старый любимый стадион не так уж сильно изменился, когда пришла пора сыграть первый послевоенный матч.

В заключении хочу привести два различных примера того, с какой тщательностью и заботой на Хайбери относились ко всему, и прежде всего, к игрокам.

В зарубежных поездках мы никогда не опасались, что что-то случится с кем-нибудь из нас или что резко снизится спортивный тонус игроков. Например, в 1936 году в европейском турне сборной под эгидой Футбольной

Ассоциации, когда шесть футболистов из команды-победительницы Кубка ФА (Бастин, Боуден, Коппинг, Крэйстон, Мэйл и я) в компании Тома Уитткера были выбраны для этой поездки. «Арсенал» тут же обеспечил нас дополнительной страховкой на общую сумму в 56,000 фунтов (то есть, по восемь тысяч на каждого) в дополнении к уже существующей страховке от Футбольной Ассоциации.

Еще один пример – в десятилетний период клуб потратил почти 100,000 фунтов на трансферы. Вот расшифровка этой суммы:

Брун Джоун (из «Вулверхэмптона», 1938 год) – 14,000

Дэвид Джек (из «Болтона», 1928 год) – 10,890

Алекс Джеймс (из «Престона», 1929 год) – 9,000

Джимми Данн (из «Шеффилд Юнайтед», 1933 год) – 8,250

Эрни Коулман (из «Гримсби Таун», 1932 год) – 8,000

Уилф Коппинг (из «Лидса», 1934 год) – 8,000

Дэйв Холлидэй (из «Сандерленда», 1929 год) – 6,500

Тед Дрэйк (из «Саутгемптона», 1934 год) – 6,000

Альф Кирчен (из «Норвич Сити», 1935 год) – 6,000

Джеки Милн (из «Блэкберн Роверс», 1935 год) – 5,000

Бобби Дэвидсон (из «Сент Джонстоун», 1935 год) – 4,000

Коме того, конечно же были игроки, пришедшие на правах свободных агентов – такие, как Доктор Маршалл, Боуден, Крэйстон и Мосс, которые безусловно усилили «Арсенал».

Часть девятнадцатая

ПОДГОТОВКА К ПОБЕДЕ.

Как я уже писал, большую часть тренировок я проводил самостоятельно, так сказать, по своему личному комплексному плану, но конечно же там, где требовалось мое присутствие на общегрупповых занятиях, я присутствовал и тренировался со всеми. Я приведу своего рода резюме нормального тренировочного процесса на Хайбери, чтобы вам было понятно – чем мы занимались в течение недели, чтобы к субботнему матчу подойти в хорошей спортивной форме.

Хочу развеять определенный миф, или досужее мнение, что по воскресеньям футбольный стадион всегда занят. Нет, воскресенье – лечебно-процедурный день. Все, получившие травмы накануне, в субботу (а имеется в виду не одна, а три команды, управляемые клубом), проходят обследование у Тома Уиттакера и Билли Милна. Однажды в воскресенье в сезоне 1937/1938 годов «Док» Уиттакер обследовал и вылечил сразу тринадцать «пациентов» - Коппинга, Крэйстона, Леса Комптона, Робертса, Кирчена, Коллетта, Халма, Боба Джона, Скотта, Аттера, Прида, Карра и меня!

Когда я впервые приехал в Лондон и стал играть на Хайбери, тренировки начинались только во вторник утром, и если игрок не нуждался в специальных лечебных процедурах, понедельник бы выходным днем. Но когда начался наш чудесный победный спурт, энтузиазм игроков (видимо, это было просто поводом, чтобы лишний раз прийти на Хайбери и провести там несколько дополнительных часов) приводил их на стадион и в понедельник, чтобы провести легкую тренировку и поболтать с партнерами по команде. Таким образом, мало-помалу понедельник стал в «Арсенале» нормальным тренировочным днем.

В понедельник мы делали несколько разминочных кругов вокруг газона, а затем, как угорелые, неслись на корт играть в теннис головой. Многие из нас стали просто фанатиками этой игры, и часто Тому приходилось вытаскивать нас за руку с корта, чтобы мы успели вернуться домой к ужину.

Вторник – был более насыщенный и напряженный день. Для начала 8-12 кругов вокруг газона, разнообразные прыжки и удары по воротам, надев специальную мягкую спортивную обувь (упражнение придумал сам Герберт Чепмен). У этой обуви кожаная подошва и холщевый верх.

Большинство из нас днем играло в гольф, но иногда игроки возвращались на стадион на индивидуальные занятия или на специальную площадку для отработки ударов, своеобразное хитроумное приспособление, на котором вы можете отрабатывать удары по воротам, причем мяч будет возвращаться к вам под различными, в том числе, «неудобными» углами полета. Это упражнение улучшает вашу реакцию, вы приучаетесь реагировать быстрее и видите – насколько вы способны бить по мячу, летящему к вам под разными углами.

В среду мы не так много занимаемся на треке, сколько на самом футбольном газоне. Голкиперы тренируются отдельно, по своим собственным программам, а игроки осваивают предварительный тренерский план на предстоящую игру. Ну а когда дело доходит до отработки ударов головой, у нас есть отличный предлог, чтобы сбежать на корт, где вновь сыграть в наш любимый теннис головой.

Примерно то же самое происходит и в четверг. Но по мере приближения к дню матча, нагрузки ослабевают. Впрочем, пятница для нас всегда большой день. Утром мы надеваем наши бутсы, и Том проводит с нами беговые упражнения – старт, рывок, остановка (все футболисты поймут меня, когда я скажу, что это самое непопулярное занятие, и тем не менее, одно из наиболее полезных в современном тренерском арсенале), а также другую работу на треке. После этого – в гимнастический зал на силовые упражнения и растяжки, затем отработка ударов и прыжки.

В конце тренировки – ванна, чтоб мы все-таки получили удовольствие от прошедшего дня. В полдень команды соберутся у доски объявлений – первая команда, команда участвующая в турнире «Лондон Комбинэйшн» и команда, играющая в Южной Лиге. После этого первая команда, как правило, это двенадцать человек, вместе с главным тренером и Томом Уиттакером идет в зал заседаний совета директоров, в то время как резервная команда отправляются в раздевалку с Джо Шоу, где и проходят главные собрания команд в связи с предстоящими субботними матчами.

Наши собрания или конференции в зале заседания Совета Директоров – еще одно изобретение Герберта Чепмена - проводились на очень серьезном уровне, но при этом нам всегда было интересно. Иногда собрания затягивались, мы не замечали, что уже поздно, и в результате получали потом по голове от наших жен за то, что опоздали к ужину. Каждая деталь прошедшего матча, всё, что касается предстоящей игры – всё это подробнейшим образом обсуждалось в зале заседаний. Один раз, помню, мы только что выиграли в гостевом матче 4-1, при этом Чепмен не менее получаса ругал нас за то, что мы пропустили единственный ответный мяч. «Арсенал», говорил он, не должен пропускать!

Эти конференции формировали облик и характер «Арсенала». Чепмен был великим психологом – еще задолго до того, как это слово (и всё, что с ним связано) стало модным. Всё обсуждалось, все подлежало обсуждению. Разбирались – кто должен занять место голкипера, если тот получит травму и не сможет продолжать игру, на каком фланге должен будет играть травмированный футболист после передислокации команды, кто будет исполнять штрафные удары в определенных точках поля, кто будет пробивать одиннадцатиметровый (вы никогда не увидите у «Арсенала» дискуссию на поле – кому бить пенальти). А также тысячи других вещей, которые в теории кажутся незначительными мелочами, но на практике, во время игры - от того, насколько быстро будет принято решение, - может зависеть судьба важнейшей встречи – кубкового тура или «золотого» матча чемпионата.

Один раз наше заседание неожиданно прервалось – это было связано с кинокомпанией, снимающей фильм об «Арсенале». Они пришли, чтобы сфотографировать нас за дискуссией. Понятно, что это была уважительная причина.

В день матча Хайбери всегда становился многолюдным, шумным и радостным местом. Футболисты приезжали на стадион за час или полтора до начала игры и болтали с друзьями или друг с другом. Но за тридцать минут до начала всегда появлялся Чепмен и «выдавливал» всех из раздевалки, оставляя команду, двенадцатого игрока и Тома Уиттакера. Даже члены совета Директоров вынуждены были удалиться. После этого происходила последняя, мобилизующая беседа перед матчем.

Так мы готовились к нашим играм на Хайбери.

Часть двадцатая

Александр Великий.

Одна тысяча девятьсот двадцать девятый – был роковым годом для «Арсенала», также как и для меня. В этом году были заложены основания той мощной команды, которая будет пробиваться к своей цели, сметая всё на своем пути, чтобы стать величайшим футбольным клубом в истории этой игры.

В течение сезона, закончившегося в апреле 1929 года, я окончательно завоевал себе место в основном составе «Арсенала», в это же время в команде появились Герберт Робертс, Чарли Джоунс и Джек Ламберт. В течение следующего лета Герберт Чепмен сделал два своих самых главных приобретения, которые кардинально повлияли на судьбу клуба.

Он подписал Александра Джеймса и Клиффорда Сидни Бастина.

Джеймсу было 28 лет, он был куплен у «Престона». Данный трансфер стоил «Арсеналу» 9,000 фунтов. Бастину было всего семнадцать, и он собственно стал профессиональным футболистом только за пару недель до этого. Контраст, как и размах, масштабность замыслов – налицо.

Игроки прибыли из абсолютно разных клубов (как географически, так и в спортивном отношении). Один – небольшой плотный шотландец из Белшилла, крепкий орешек, умеющий считать деньги и извлекать выгоду, нацеленный на то, чтобы выжать для себя максимум из футбола, присоединившийся к «Арсеналу», поскольку клуб предложил ему наилучшие условия для прогрессирования в игровом плане.

Другой – из фермерской семьи на западе Англии, родившийся, чтобы стать великим, спокойный, замкнутый, но даже на тот момент – с неограниченными способностями играть в футбол как настоящий мастер... их судьбы были крепко связаны и переплетены. Их фланг был обречен на успех.

Я познакомился с Алексом, когда мы возвращались с августовского тренировочного сбора. Мы почувствовали, что у нас есть что-то общее. Я встречал шотландцев, со многими из них пересекался на футбольной почве, но ни у кого из них не было такого акцента, какой был у Алекса. Но когда я привык к его диалекту, мы поняли, что у нас есть о чем поговорить.

Алекс любит говорить начистоту, честно, откровенно – также, как и я. Может это преимущество, может – недостаток, но это то общее, что объединило нас.

Кроме своего диалекта, у Алекса была еще одна характерная особенность: его ноги. «Самые бьющиеся ноги в футболе» - однажды их так называли. Действительно – сколько раз получал он по ногам во время матчей, но никогда при этом на ногах не проступали синяки. Когда Алекс направлялся в «хирургическую палату» Уиттакера, Том говорил, что он мастерски отлынивает от серьезного лечения.

В начале книги я писал о том, что – что бы ни делал «Арсенал», это становилось новостью, событием в жизни. В какой-то степени это относится и к Алексу Джеймсу. Могу сказать, что он всегда своими действиями давал повод и материал журналистам. Представители СМИ вертелись вокруг него, как дети вокруг дудочника или Крысолова. Он специально надевал длинные гимнастические брюки и плотно облегающую рубашку, поскольку все именно этого от него и ждали. Кстати – вот как он пришел к выбору своего уникального стиля одежды.

Алекс играл на «Стэмфорд Бридж» за «Престон» против «Челси», когда Том Уэбстер рисовал свои замечательные комиксы (которые одновременно были и репортажами с матчей) для «Дэйли Мэйл». На них Алекс носил шорты, опускавшиеся до колен. В нормальной жизни Алекс носил более короткие шорты, но идея соответствовать своему изображению настолько захватила

его, что он купил другие шорты, большего размера, и действительно стал похож на свое изображение в комиксах!

Так или иначе, жизнь шла своим чередом, и кажется, Алекс слишком часто попадал в разного рода переделки на Хайбери. Нередко у него происходили стычки со Старым Боссом, но в глубине души, оба ссорящихся уважали и любили друг друга, и даже - восхищались друг другом. Первая настоящая битва между Алексом и клубом состоялась в конце сезона 1930/1931 годов, когда по причине, которую была известна только ему одному, он не подписал новый контракт с «Арсеналом». И конечно, это тут же получило шумную огласку в спортивных изданиях.

Дискуссия по поводу того, подписал ли он, не подписал, будет ли подписывать или не подпишет – проходила всё лето, до тех пор, пока Алекс не пришел на Хайбери и не подписался в соответствующем месте так заинтриговавшего всех контракта незадолго до того, как нам необходимо было начать подготовку к новому сезону. Чтобы отпраздновать это событие, мы помчались в помещение, где размещался оркестр «Арсенала», схватили инструменты и стали с помпой сопровождать выход Алекса на поле чарующими звуками музыки. Никогда не забуду, как вокруг Балли Паттерсона была обмотана (другого слова просто не нахожу) туба и как он пыжился, пытаясь сыграть «Смотрите, идет герой-завоеватель!» - одну из многих мелодий, которые мы исполнили в тот день!

Очередные перепады и вибрации его жизни проявились через два сезона, когда Алекс сообщил, что он не хочет ехать в ирландское турне с «Арсеналом», которое должно было состояться после завершения регулярного чемпионата Лиги. Чепмен принял решительные дисциплинарные меры, посадив Алекса на лавку во время последнего матча чемпионата. Алекс отомстил тем, что не пришел на торжественный обед по окончании сезона на следующей неделе.

С этим обедом связана определенная пикантность. Когда мы заняли свои места за столом в довольно симпатичном зале «Кафе Ройяль», где мы проводили подобные банкеты, оказалось, что два кресла не заняты. На одном стоя-

ла табличка «А.Джеймс, эск.», на другом - «Миссис Джеймс». Как человек упорный и энергичный, Алекс принял решение, которое, я знаю, было ему неприятно.

Он решил не приходить на этот традиционный банкет «Арсенала».

Банкет начался. Несколько минут, пока подавали закуски, место пустовали. Потом Чарли Джоунс передвинулся, заняв капитанское место, и именно ему, «капитану по случаю», был вручен трофеем победителя чемпионата Лиги.

Алекс был (да собственно, он им и остается) худшим в мире мореплавателем (странно, что при этом, его сын, тоже Алекс, стал работать во время войны в морских коммерческих перевозках), и не очень-то хотел отправляться в морское путешествие в ноябре месяце. Тогда как Герберт Чепмен наоборот считал, что ему следует отдохнуть и набраться сил перед участием в первом раунде игр за Кубок, который ожидал нас в ближайшем будущем.

Алекс с ужасом вспоминает это путешествие, поскольку, пересекая Бискайский залив, корабль попал в страшный шторм, самый сильный (как нам сказали) за последние двадцать лет! А когда он прибыл на причал Сент Кэтрин со значительным багажом, включающим в себя всё, вплоть до смокинга, он обнаружил, что корабль, на котором ему предстояло пересечь залив – это грузовое судно, везущее овечьи шкуры в Бордо.

Как правило, болельщики не знают, что Алекс был близок к переходу в «Дерби Каунти». Как я полагаю, переговоры уже дошли до обсуждения конкретной суммы трансфера, но когда позвали Алекса, он решительно отказался покидать Лондон, сказав, что здесь ему хорошо и комфортно... и наверное, так оно и было.

Двух мнений быть не может: Алекс был великим футболистом, но если бы позади него не было Боба Джона в тот момент, когда небольшой паренек впервые приехал на Хайбери, он бы не достиг и половины своего нынешнего успеха. В «Престоне» он был просто результативным нападающим, при этом можно было только догадываться о тех зачатках комбинационной игры, мастером которой он стал впоследствии. В одном сезоне вообще – он стал лучшим бомбардиром «Престона». Но когда Алекс присоединился к атакующей

линии «Арсенала», он сконцентрировался на создании комбинаций, голевых моментов для других игроков и забивал довольно редко.

Но в одной игре на Хайбери с «Шеффилд Юнайтед» Алекс поразил весь мир, сделав хет-трик. После матча Алекс сказал, что его старший сын заявил ему, что Алекс просто не сможет уже забить, даже если очень захочет, и сегодняшний матч – ответ Алекса старшему сыну. Другой рассказ, который я слышал от Алекса об этом матче таков: «голкипер два раза спрятал мяч в сетку для сохранности, а что касается третьего мяча, то мяч просто не захотел оставаться на попечении центрального защитника и удрал от него в ворота». Такой вот забавный парень – этот Алекс!

Здесь я сделаю небольшое отступление, чтобы рассказать об инциденте на одной из наших конференций, которые, как вы помните, проходят у нас по пятницам. После того, как мистер Аллисон подробно объяснил план на игру, в котором Алексу предназначалось исполнение главной роли, он спросил – есть ли у собравшихся вопросы. Алекс, который задумчиво исследовал демонстрационный макет на нашей знаменитой футбольной доске, тихо и неторопливо убрал с нее десять фишек, оставив только «себя» в позиции левого инсайда. Несколько удивленный, мистер Аллисон спросил – что значит сия аллегория, на что Алекс ответил: «Похоже, остальные вам просто не понадобятся. В самом деле – что им еще остается делать в этом матче?»

Это напоминает мне то время, когда у нас еще не было макетной доски, и мы выставляли одиннадцать полных лимонадных бутылок. Однажды, как раз в момент демонстрации плана на лимонадных бутылках, мистера Аллисона вызвали на срочные телефонные переговоры. Вернувшись, он продолжил объяснять свои тактические установки. Неожиданно Тед Дрэйк абсолютно серьезно заметил: «Центр-форвард пьян, мистер Аллисон.» Лимонадная бутылка в центре атакующего звена была пуста...

Но вернемся к коротышке Алексу. В июле 1937 года его удивительная искрометная карьера подошла к концу. Летом он подписал контракт на работу в качестве директора фирмы, организующую футбольный тотализатор за 40

фунтов в неделю, и его резвые, мелькающие на поле ноги были навсегда потеряны для футбола – по крайней мере, непосредственно на уровне основной игры.

Тем не менее, Алекс, получив отказ Футбольной Ассоциации вернуться в большой футбол в качестве тренера или позднее - в качестве игрока «Нортхэмптона» во время войны, не исчез окончательно из этой игры. Летом 1939 года он устроился на тренерскую работу в Польше и приехал туда буквально за несколько недель до начала войны. При этом он постоянно жаловался на то, что не понимает, как говорят поляки. Возможно, это просто был его маневр – повод, чтобы уехать из этой страны. Алекс сыграл пару игр за «Драмкондру» в ирландской Лиге в самом начале войны. Забавный эпизод: после первого матча с «Сент Джеймс Гэйт» тренер «Драмкондры» хотел расплатиться с Алексом трехпенсовыми и шестипенсовыми монетами, полученными в кассе на этом матче.

Другой любовью Алекса, пожалуй, даже более глубокой, чем футбол – был гольф. Если бы он не стал первоклассным футболистом, он был бы профессиональным игроком в гольф.

Даже будучи страшно занятым другими делами, он всегда старался найти время, чтобы сыграть в эту игру, и однажды завоевал трофей на Кубок Гарри Вардона в Южном Гертце (это был его родной клуб).

Но лучшей его игрой – как он мне рассказывал – было выступление в Балвеари (Киркалди), где, чтобы выиграть пари, он сыграл целый раунд, используя (по условиям спора) одну-единственную клюшку, железную №4.

Алекс, как и я, ненавидел грязную игру. И несмотря на то, что его часто били по ногам, будучи не в силах бороться с ним на одном уровне мастерства, он никогда не отвечал тем же. Поэтому было более, чем странно услышать его рассказ о том, что он, возможно, установил уникальный рекорд в футболе... возможно он единственный футболист, которого две недели подряд удаляли с поля.

Это случилось, когда он выступал за «Райт Роверс» в самом начале своей футбольной карьеры. В первом матче он оказался вовлеченным в драку, и ко-

гда пыль, поднятая дерущимися футболистами, рассеялась, почему-то именно его одного удалили с поля. И вряд ли для него было утешением то, что позже по ходу этого матча лайнсмен обратил внимание главного арбитра, что он удалил с поля не того, кого следовало, поскольку в качестве «работы над ошибками» судья просто удалил еще и истинного нарушителя, оставив команду Алекса в девятером.

На следующей неделе в ответной игре с тем же соперником и тем же арбитром, Алекс опять был удален с поля за абсолютно тривиальное, по большому счету, нарушение.

Результат всего этого был более, чем забавным: когда Алекс предстал перед Дисциплинарным Комитетом на слушаниях своего «дела», председатель Комитета прочел ему большую назидательную лекцию, которая заканчивалась словами: «Теперь же, молодой человек, постарайся сделать так, чтобы я тебя здесь больше никогда не видел. Дело аннулируется. Следующий нарушитель!» Но следующим нарушителем... в данном случае тоже был Алекс, дважды подряд удаленный с поля. На этот раз сердце председателя Комитета в значительной степени окаменело, и Алекс получил-таки месячную дисквалификацию!

Алекс играл в двух составах «Арсенала», которые выиграли Кубок, но при этом у него нет ни одной соответствующей медали. Его благородство ответственно за это: он отдал обе медали.

Через несколько дней после того, как мы выиграли у «Хаддерсфилда» в 1930 году, Алекс отправил свою золотую медаль своему другу, мистеру Роберту Моррисону, бывшему директору «Райт Роверс» - первому большому футбольному клубу, в котором он играл. В сопроводительном письме, Алекс написал: «Никто не заслуживает этой медали больше, чем вы, поскольку могу, положив руку на сердце, сказать, что не было бы никакого Алекса Джеймса, если бы не было Боба.» Эти слова относились к периоду, когда Алекс был совсем еще молодым футболистом и боролся за существование в Шотландии. Тогда мистер Моррисон действительно помогал ему встать на ноги.

Через шесть лет Алекс снова отдал свою золотую медаль – которую он получил, когда мы в финале выиграли у «Шеффилд Юнайтед».

На этот раз адресатом стал Пэт Бисли, который потерял свое место в составе нашей команды, когда в последний момент перед матчем на «Уэмбли» оправился от травмы Тед Дрэйк. Пэт сначала отказался от такого подарка, сказав, что он подождет, пока не будет опубликовано решение Футбольной Ассоциации о награждении игроков в ответ на апелляцию «Арсенала», поданную с просьбой о награждении еще одного футболиста – Пэта Бисли. Апелляция была отвергнута, и Алекс отдал и эту свою медаль.

В качестве исторической справки: последний раз Алекс сыграл за «Арсенал» в матче против «Роттердама» на стадионе «Фейноорда» во время нашего нидерландского турне за два сезона до начала войны...

Часть двадцать первая

АРСЕНАЛ И СТАРЫЕ ЛИЦА.

Прогулка по мемориальной аллее в Хайбери всегда наводит на ностальгические воспоминания. Однако, здесь нет грусти: это счастливые воспоминания. У нас были великие игроки, и хотя многие говорят: «Просто наденьте на игрока футболку «Арсенала», и место в сборной ему гарантировано», я думаю, что все классные футболисты с Хайбери, получившие трофеи, действительно заслуживали этого.

И когда я выступал за клуб, у нас было несколько великих футболистов. Действительно - в то или иное время мы вполне могли своими силами укомплектовать национальную сборную. Как насчет такой сборной Англии? – Мосс, Мэйл, Хэпгуд, Крэйстон, Робертс, Коппинг, Халм, Джек, Дрэйк, Бастин и Денис Комптон. Потом, имейте в виду, что есть еще Лес Комптон, Рэй Боден, Альф Бэйкер, Джордж Маркс, Джек Батлер, Лори Скотт, Бернارد Джой и Альф Кирчен.

Ну и конечно не забудьте Алекса Джеймса, У. Харпера и молодого Гордона Бреммера из Шотландии, Горака Камнера, Боба Джона, Брина Джонса, Чарли Джонса, Лес Джонса и Дана Льюиса из Уэльса, а также Кеннеди и Макки из Ирландии – среди прочих...

Да, Хайбери было отличным местом – инкубатором для выращивания игроков сборных. Конечно, некоторые уже имели за плечами соответствующий опыт и были обладателями трофеев, но многие именно здесь в результате тренировочного процесса и практики выступления за «Арсенал» достигли такого уровня, что селекционеры сборных просто не могли отказаться от их услуг!

Как сказал центральный защитник «Дерби Каунти», Джек Баркер, Эрику Бруку перед матчем с Италией: «Конечно надо снять шляпу перед этими игроками «Арсенала». Если один из нас не сможет сыграть в матче, кто-нибудь из футболистов «Арсенала» тут же выйдет на замену!» В том матче было семь игроков «Арсенала» - Бастин, Боуден, Коппинг, Дрэйк, Мэйл, Мосс и я.

А в матче 5 февраля 1936 года в Вулверхэмптоне шесть игроков «Арсенала» входили в состав сборной Англии в матче со сборной Уэльса... Мэйл, Крэйстон, Боуден, Дрэйк, Бастин и я. Кстати, та игра, думаю, навсегда останется в памяти Тэда Дрейка.

В первые пятнадцать минут он поранил свой глаз, ушел с поля и вернулся после того, как ему была оказана соответствующая медицинская помощь. Затем он получил серьезное сотрясение после одного из самых тяжелых падений, которые я когда-либо видел за свою футбольную карьеру. Тем не менее, он продолжал играть. В конце концов, Тэд получил травму левого колена после жесткого подката в исполнении Хэнфорда.

На этом выступление Тэда было уже закончено, так как не то, чтобы играть, а просто двигаться самостоятельно, он уже не мог. Вечером его перевезли в госпиталь, его осмотрели под анестезией и сделали операцию, в связи с повреждением суставного хряща. Также у него было сотрясение мозга, так что он на несколько недель он выбыл из футбольной жизни, и вернулся в строй как раз накануне Финала, чтобы выиграть Кубок в матче с «Шеффилд Юнайтед», забив единственный гол в этой встрече.

Тэд – удивительно великодушный футболист, который за свою карьеру получал огромное количество ударов и повреждений, но при этом он всегда выходил на поле, улыбаясь. Его прекрасное остроумие скрашивало наши многочисленные поездки на поездах, также как и послематчевые дискуссии, когда часто нам было необходимо, чтобы кто-нибудь приободрил нас. Он не раз говорил мне, что его любимая игра – это крикет, и я вполне мог этому поверить. Тэд готов в любое время дня и ночи обсуждать крикет и игроков в этом виде спорта. И у него всегда есть в запасе несколько забавных историй из этой области, которые, несмотря на то, что были рассказаны им не единожды, всегда выглядели свежими.

Вот одна из таких забавных историй. Возможно вы знаете, что Тэд не из Лондона, а из Хэмпшира. Насколько он помнит, его первая игра в чемпионате по крикету была против «Ноттс». У Тэда был девятый номер, и он вышел на поле как раз тогда, когда одну из своих самых ярких игр провел Ларвуд, забивший три мяча.

Тэд прекрасно отбил свой первый мяч, который между тем, стремительно просвистев, угодил прямо в руки киперу. Аналогичный удар при следующей подаче, и мяч, коснувшись края его биты, полетел к третьему номеру. Тэд рванулся через поле, но игрок с битой, отбивающий мяч, сказал «Нет!» и отослал его обратно, чтобы встретить последний удар Ларвуда. Тэд взял этот удар, и теперь уже другой отбивающий побежал через поле, но на подаче с другой стороны поля был уже Вок...

Тэд выпрямился и, осматривая крикетное поле, спросил у Бена Лилли, охранявшего ворота, как подает Вок... «слишком хорошо для тебя» - последовал ответ. Так оно и было. Это был не день Тэда Дрэйка.

Джо Халм достиг пика своей карьеры во время выступления за «Арсенал». И он талантливо участвовал в реализации плана «Арсенала» с неожиданными скоростными рывками вдоль правой бровки. Джо напоминал борзую, подстерегающую в ловушке зайца, особенно, когда Алекс отыгрывал мяч вне пределов штрафной. Удар в одно касание, прокидывающий мяч по правому флангу, обманное движение, ставящее в тупик крайнего защитника, и Джо врывается в штрафную на такой скорости, что у центральной оборонной линии противника начинает учащенно стучать сердце. Думаю, он мог дать фору даже Стэнли Мэтьюзу.

Алекс, конечно же, был выдающимся «снабженцем», отдающим передачи, и прежде всего Клиффу Бастину на левом крыле атаки. Клифф был игрок другого плана, нежели Халм. Тихий и неэмоциональный, весь в себе - возможно причиной тому были проблемы со слухом. Как бы там ни было, Бастин –

один из самых великих игроков, которых я встречал. Великих и хладнокровных. Ничто не раздражало его, ничто не выводило из себя.

Пример подобного хладнокровия – в игре на раннем этапе его карьеры в полуфинале в Лидсе в 1930 году против «Халл Сити». Мы проигрывали два мяча, а до конца матча (и, соответственно – Кубковых игр) оставалось всего двадцать минут. «Халл» забил дважды, в то время, как мы разбирались с офсайдами, определяемыми Биллом Маккракеном, причем разобраться было практически невозможно. Как только Ламберт или Халм устремлялись за мячом, тут же раздавался пронзительный свисток рефери, показывающего положение вне игры.

Конечно, «Халлу» повезло с их голами, хотя, если брать игру в целом, то можно сказать, что они их заслуживали. На шестнадцатой минуте Дэн Льюис выбрасывал мяч из нашей штрафной, но мяч попал к левому крайнему «Халла», игроку сборной, Хоуисону, который, не долго думая, тут же отбил его в обратном направлении. Льюис вроде бы поймал высоко летящий мяч, но каким-то чудом мяч выскользнул из его рук и проскочил под перекладину. Второй гол в наши ворота был забит не менее курьезно: я отбивал сильный удар Дункана, мяч срезался с моей ноги и влетел в сетку...

Так что, мы проигрывали 2-0, и три четверти матча были уже позади. Болельщики «Халла» уже исполняли зауспокойную в наш адрес, шумели, как только могли, и даже использовали пиротехнику – что в совокупности создавало значительный грохот. Затем Дэйви Джек забил потрясающий гол – какой только он один умел забивать. Но даже тогда нам казалось, что вряд ли мы сможем сравнять счет. И наконец Клифф прорвался сквозь плотную оборону «Халла» и забил просто-таки волшебный гол. Мы чуть ли не травмировали его под натиском наших поздравлений, и даже болельщики «Халла» поаплодировали ему. А он при этом оставался абсолютно спокойным и невозмутимым.

Еще один гол, забитый им за «Арсенал» оказался просто бесценным, так как именно он вывел нас в Финал Кубка 1932 года. В полуфинале мы встреча-

лись с «Манчестер Сити». До конца игры оставалось только две минуты. Мы все были смертельно уставшими и опасались, что матч перейдет в добавленное время. Клифф получил мяч в центре поля и направился к воротам «Сити». Через сорок ярдов он отдал пас Джеку Ламберту, который по бровке понесся с мячом вперед. За несколько ярдов до вратарской площадки он отпасовал обратно, и Клифф, прекрасно выбрав позицию, перебросил мяч через Лэнгфорда, и мы, выиграв этот матч без добавленного времени, вышли в финал.

Удивительная личность, этот парень, в одиннадцать лет он уже забивал голы за Школьную Лигу города Эксетера под руководством молодого тренера Стэнли Руса из Педагогического Колледжа, расположенного неподалеку. В семнадцать он стал профессиональным футболистом, а к 21 году он уже выиграл все возможные в большом футболе трофеи. Секрет его успеха? Не знаю, но зато я знаю, почему он и Алекс Джеймс были такими великими партнерами. Алекс обычно говорил: «Держись вдоль бровки, и я отдам тебе пас» - и Клифф находился именно там, где Алексу было легко его найти. Посмотрите на финальный матч 1930 года, когда Алекс быстро пробил штрафной. Короткий пас Бастину, ждущему на своем условленном месте, обратный пас... и мы забиваем гол.

Хорошо помню одну историю, связанную с Клиффом. В 1933 году нас пригласили в сборную Англии для итальянского турне. Это был мой первый вызов в сборную, а у Клиффа – второй. Конечно, имя Бастина было известно повсюду – ведь в прошлом сезоне он установил рекорд результативности Лиги, забив 33 гола, будучи при этом крайним нападающим. Даже в Италии он уже был популярен – за ним всюду шли болельщики и журналисты. Однажды во время турне мы с ним вышли погулять из гостиницы – за ним тут же выстроилась толпа итальянцев, постоянно спрашивающих – сколько он собирается забить в завтрашнем матче. Устав от них, я посоветовал Клиффу сказать «восемь», что он и сделал. Услышав четкий ответ, удовлетворенные итальянцы отстали, и мы спокойно пошли дальше – уже без сопровождения. На следующее утро я к своему ужасу обнаружил, что несколько итальянских газет вышли с заглавной статьей «Бастин забьет сегодня восемь мячей!». Те, кого мы приняли за обычных болельщиков, оказались журналистами. Как бы там ни было, Клифф забил гол, благодаря которому мы сыграли вничью, и

один из журналистов галантно написал, что этот мяч стоил восьми обещанных!

Мы с Клиффом оказались вовлечены в еще один, своего рода, тест. Мы оба отдыхали в летнем лагере Батлина в Клэктоне, где нас неожиданно попросили помочь чемпиону по боксу Лену Харви в определении победительницы конкурсе местных купающихся красавиц. Взяв измерительные ленты, мы с изрядным энтузиазмом принялись за дело, и хотя не все участницы выглядели роскошно, все-таки мы сумели – вполне корректно - выявить лучшую купащицу.

Дэвид Джек олицетворял собой неповторимый тип футболиста. Высокий, безупречно одетый, он скорее был похож на банковского менеджера, чем на профессионального футболиста. Если бы у меня спросили – кто был лучшим футболистом – из тех, кого я видел – я бы не задумываясь проголосовал за Дэвида. С моей точки зрения, он был также хорош, как и его учитель, и даже превзошел его.

Перейдя на Хайбери из «Болтона», Дэвид принес с собой свои собственные идеи относительно тренировочного процесса. Появившись пару раз на тренировках, он куда-то запропал, и Том, обеспокоившись своим новым питомцем, направился к месту проживания Дэвида. Миссис Джек открыла дверь, и сказала, что Дэвид отдыхает в дальней комнате. Так оно и было: положив ноги на каминную доску, Дэвид беззаботно курил, как паровоз.

На вопрос Тома о самочувствии Дэвид ответил: «О! Я в порядке, но по четвергам в «Болтоне» у нас всегда были выходные!». Том был человеком мягким, так что дело утряслось мирным путем, и вскоре Дэвид забыл про свободные четверги, а Том включил его в схему игры «Арсенала». Нет, Дэвид не был бунтарем, не был самовлюбленным Нарциссом. Он был нормальным, забавным, отличным парнем.

Дэвид был заядлым курильщиком, кроме того он безумно любил шоколад – что напомнило мне время, которое мы провели в тренировочной поездке в Брайтон. Однажды около часа ночи меня разбудило резкое периодическое покашливание и вскоре я обнаружил, что это Дэвид набирает на машинке еженедельную статью для лондонского «Ивнинг Стандарт», попыхивая при этом сигаретой и отламывая кусочки симпатично выглядевшего шоколада!

Бывшая звезда «Болтона», Дэвид вошел во все книги рекордов, как футболист, забивший первый гол на «Уэмбли», а его гол – забитый по удивительной мистической траектории - принес его команде победу над «Манчестер Сити» в 1926 году. Уникальность Дэвида еще и в том, что он абсолютно двуногий футболист, легко и умело управляющий и бьющий по мячу с обеих ног, что, кстати, создает изрядные трудности защитникам соперника, которые, идя «на подкат», не знают заранее – с какой стороны от Дэвида будет находиться мяч в следующую секунду.

Дэвид был разносторонним человеком. За ним так и остался рекорд по набиванию теннисного мяча головой. Завершив карьеру футболиста, он стал тренером «Саутенда». Когда «Саутенд» (естественно, речь идет о клубе, а не о городе) переехал в Челмсфорд, Дэвид вернулся к своей прежней, банковской, профессии.

Кстати, он несколько раз выступал в военное время за команду «Банка Барклай» и в игре против объединенной команды английских госпиталей в первом тайме играл правого защитника, перейдя на свою излюбленную позицию правого инсайда во втором. В том матче он забил пять мячей – верный признак того, что талант старого Джека остался при нем. После непродолжительной работы менеджером на активно развивающихся забегах борзых в Сандерленде, Дэвид подписал контракт на работу тренером в «Миддлсбро».

Теперь о Брин Джонсе. Я ничего не имею личного против Бриана, но я всегда говорил, что не следовало «Арсеналу» платить 14,000 фунтов за его трансфер (*мировой рекорд трансферной платы по тем временам – прим.ред.*).

Это было несправедливо в отношении самого Джонса и всех остальных игроков команды. Маленький уэльсец из Мертир Тидфил пришел к нам, как

будто с камнем утопленника на шее. Он был замечательным игроком, но я убежден, что на него слишком сильно давила ответственность - оправдывать то, что он оказался самым дорогим футболистом своего времени, и он никогда не сыграл за «Арсенал» как игрок, стоящий 14,000 фунтов. Брин – небольшой тихий парень с кудрявыми волосами, обладающий хорошим ударом с обеих ног, но в корне отличающийся в игровом плане от такого волшебного игрока, как Алекс. Нам пришлось в значительной степени менять весь наш стиль и схему игры, когда на поле вместо ушедшего Алекса был выпущен Брин.

Еще один уэльсец, мой старый приятель, Боб Джон – был лучшим центральным полузащитником, под которым мне доводилось играть. Я действительно испытывал досаду, когда нас с ним разделяла гражданская принадлежность в матчах Англии и Уэльса. Боб был немного суеверным человеком, причем одно его суеверие никто не мог изгнать или излечить, и это сделало его несчастным, когда ему предложили стать капитаном «Арсенала» и сборной Уэльса. Дело в том, что он всегда предпочитал выходить на поле последним. Кстати, подобное суеверие разделяли и другие знаменитые игроки, и среди них, полагаю - Вик Вудли.

Боб показал себя великим футболистом везде, где бы он ни играл. Он был исключительно командный игрок. Помните, как в ноябре 1932 года мы играли с «Ньюкаслем» в финале Кубка? Выход из строя Алекса Джеймса означал то, что команде необходима срочная перестановка. Джордж Мэйл ушел на место левого полузащитника – это был его первый кубковый матч. Боб – играл левым крайним нападающим с Клиффом в качестве партнера-снабженца. И сам Боб забил в этом матче столь ценный гол – наш первый гол на «Уэмбли»! – впрочем, этого оказалось недостаточно для победы. Как известно, Аллен забил свой знаменитый сомнительный гол, сравнив счет, и он же принес победу «Ньюкаслу».

Чарли Бучан был самым мозговитым футболистом, из всех, кто когда-либо принимал участие в этой игре. Именно ему принадлежит план «обороны с последующим стремительным переходом в наступление» (*схема «дубль-вэ»* –

прим.переводчика), который всегда ассоциируют с именем Герберта Чепмена. Вот как это произошло.

В начале сезона 1925/1926 годов «Арсенал» попал в полосу невезения и проиграл пять из семи первых матчей, а последнюю – вообще со счетом 0-7 «Ньюкаслу». В следующий понедельник должна была состояться очередная календарная встреча, на этот раз с «Вест Хэмом» на «Аптон Парке». На собрании команды в утро перед матчем Чарли заявил, что «Арсеналу» больше отступать некуда и продолжать в том же духе уже невозможно. Необходимо изменить тактику игры. Чепмен спросил – есть ли у него какие-нибудь предложения, и Чарли сказал, что необходим опорный полузащитник или «третий центральный защитник» (ну, или просто опорник, как называют его теперь).

Чепмен согласился с тем, что это возможно, но его быстросхватывающий мозг сразу же увидел, что в этой схеме чего-то не хватает, а именно то, что переводя атакующего центрального полузащитника, по сути, в оборону, команда теряет атакующий потенциал. Тогда Чарли предложил «странствующего» форварда-инсайда. Чепмен моментально визуализировал получающуюся расстановку и возможности, которая она может принести, и после бурной и длительной дискуссии о путях и методах, она была утверждена и претворена в жизнь в этот же день с Энди Нейлом (также известному по «Брайтону» и «Килмарноку») в качестве мигрирующего левого инсайда. Батлер же играл центрального полузащитника, и «Арсенал» выиграл 4-0!

Схема постоянно модернизировалась и улучшалась по ходу сезона. Джимми Рамсей взялся за дело, а потом, когда он был тяжело травмирован, на поле заступил Билли Блит, сформировав великолепный фланг вместе с Хоаром. «Арсенал» закончил тот сезон вторым и проиграл в Кубке только в шестом раунде в Суонси – кстати, то был единственный случай, когда команда из Уэльса добралась до полуфинала. В следующем году (мой первый сезон) мы вышли в Финал, проиграв 0-1 «Кардиффу» (*единственный случай (1927 год), когда неанглийский клуб выиграл Кубок – прим.переводчика*).

Именно тогда и родилась знаменитая схема-расстановка «Арсенала», умело и талантливо претворенная в жизнь Херби Робертсом, Бобом Джоном и Алексом Джеймсом.

Бучан, человек титанической силы, гвардеец в прошлой войне и сержант-майор лондонского ополчения во второй мировой, который по окончании футбольной карьеры работал футбольным критиком в «Ньюз Кроникл», стал участником одной из самых интересных трансферных сделок всех времен и народов. Когда он переходил из «Сандерленда» на Хайбери, сумма трансферной сделки равнялась 2,000 фунтам с условием, что «Сандерленду» будет заплачено по 100 фунтов за каждый забитый Бучаном гол в первом сезоне выступления за «Арсенал». Чарли забил девятнадцать в Лиге и еще три в Кубке, и таким образом «Арсенал» выложил за него 4,200 футов.

Вот и все мои товарищи предстали перед вами в моем изложении. Джек Ламберт, представляющий собой обычный тип центрального нападающего, достиг своих высот, прикоснувшись к магической игре «Арсенала». Ламберт, в ранние дни своей карьеры, пытаясь стать великим центрфорвардом, поссорился с частью болельщиков на Хайбери, которые при каждом его выходе на поле разъясняли, что всё, что он ни делает, неправильно. Чепмен был настолько возмущен этим, что выступил со специальной статьей в газете (абсолютно несвойственный уровень публичности для него!), защищая своего игрока. Позднее, игра и отношения с болельщиками у Ламберта устаканились, и конечно же он хорошо отыграл два кубковых финала. Старый бедолага Джек, «Честный» Джек, - так Чепмен называл его. Он проделал огромную работу для «Арсенала», взяв на себя ответственность за наш детский сад в Маргейте, но через несколько месяцев после начала войны погиб в дорожно-транспортном происшествии.

Франк Мосс был одним из лучших голкиперов, которых я когда-либо видел на поле, но порою казалось, что он как будто заколдован. Великий, отважный вратарь. Билли Блит – такой же хороший игрок в гольф, как и в футбол. Том Паркер, мой коллега по суровой борьбе в оборонительной линии, замечательный защитник, один из самых твердых и последовательных из тех, с кем

мне доводилось пересекаться, на него всегда, в каждой игре, можно было положиться, человек, который спас жизнь моему ребенку.

Херби Робертс – один из самых благородных, футболист-джентльмен. Мы с Херби были современниками в самом непосредственном смысле. Я получил свое место в составе, буквально перед Робертсом – стройным, мускулистым парнем из Освестри, прирожденным футболистом, правым полузащитником, наиболее упоминаемом в футбольном мире в свое время. Только, когда Херби занял место Джека Батлера в центре поля, новая расстановка Чапмэна, включающая опорника, начала осуществляться. Херби идеально подходил под его схему... Херби всегда отстаивал мнение, что схема не губит футболиста, а наоборот – сохраняет.

Нам всем очень нравился этот глубоко мыслящий и тихо говорящий рыжий парень, и я прекрасно помню эти странные, вроде бы, достаточно спокойные дни в «Арсенале», когда мы узнали о его внезапной смерти в июне 1944 года. Херби, который не сыграл в футбол после травмы, полученной в игре против «Миддлсбро» на Хайбери почти семь лет назад, умер в госпитале Мидлсекса от свиной краснухи.

Он был одним из самых благоразумных футболистов из тех, кого я знал на своем спортивном веку, и здесь я не могу не вспомнить экстраординарный эпизод, редчайший случай, непосредственно связанный с Херби. Речь идет о матче против «Дерби Каунти» на Хайбери 8 октября 1932 года, в котором Херби забил в течение двух минут два мяча в ворота... «Арсенала». Мы уверенно выигрывали 3-1, шел уже конец второго тайма. И тут Долли Дункан подает в нашу штрафную крученный мяч. Робертс прикладывает к скользящему мячу, и он рикошетом отлетает в сетку наших ворот. Проходит две минуты, и всё в точности повторяется. На лице бедолаги Херби было отпечатано смущение и разочарование. Впрочем, Герберт Чепмен в раздевалке нашел юмористический аспект произошедшего, сняв психологическое напряжение с игрока.

Этот матч имел продолжение. Некоторое время спустя на Хайбери пришло письмо, адресованное Херби. В нем была карикатура, нарисованная Рипли, и содержащая импровизации на тему этого забавного эксцентричного случая.

Но я вспоминаю еще один гол, забитый Робертсом за семь месяцев до этого, гол, который вывел нас в полуфинал Кубка. Мы играли с «Хаддерсфилдом» в шестом кубковом раунде, и было что-то гениальное в природе этого забитого мяча и этой победы.

Мы подавали угловой, в то время как у самой бровки, у самого углового флажка колыхалась толпа болельщиков «Хаддерсфилда» - настолько напряженной была игра, настолько велико было их желание увидеть, как могущественный «Арсенал» выбывает из борьбы за Кубок. Джо Халм (через несколько лет он перейдет в «Таун» и закончит свою карьеру в финале Кубка Уэмбли) пытался пробраться через стоящих у флажка зрителей и сделать это в итоге удалось только при помощи полиции, расчистившей ему путь к мячу для разбега.

Херби тем временем неторопливо прогуливался по полю. Двенадцать игроков, по шесть с каждой стороны, столпились в штрафной «Хаддерсфилда». Наконец Халм подал угловой – это был высокий крутящийся мяч, да еще и на фоне ослепительного солнца. К этому времени Херби уже вошел в штрафную и не успели защитники «Хаддерсфилда» оценить объем исходящей от него угрозы, как он головой отправил мяч в сетку. В этом эпизоде было что-то самоуверенное, даже дерзкое. Потом он вернулся в оборону и, согласно своей «должности» помогал сдерживать натиск форвардов «Хаддерсфилда». Мы выиграли благодаря этому мячу, потом победили «Манчестер Сити» после того, как свой гол на последней минуте забил Клифф Бастин, но в финале на Уэмбли все-таки проиграли «Ньюкаслу».

В качестве эпилога рассказа о Херби, я, пожалуй, процитирую фразу Альфа Янга, который после поздравления с прекрасной игрой в международном матче, поблагодарил поздравителя и на одном дыхании добавил: «Но отцом сегодняшней хорошей игры был все-таки Робертс».

Теперь – Уилф Коппинг, игрок с синеватым подбородком, футболист с девизом «Первый, кто вступает в стык, никогда не повреждается», но который, тем не менее никогда не удалялся с поля. Еще Уилф никогда не брился перед матчем. Джек Крэйстон – тихо говорящий и быстро думающий центральный полузащитник, который удивительно органично вписался в расстановку и

игровую схему «Арсенала», отнять мяч у него было практически невозможно.

Денис Комптон – замечательный в своей аритмичной манере, с искрой гениальности даже в своем футбольном облике, но который при этом только и жил крикетом. Возможно когда-нибудь Денис будем лучшим подающим за все крикетные времена – по крайней мере, это в нем есть. Л.В.Маннинг однажды весьма точно сказал по этому поводу: «Денис работает в футболе, но душа его играет в крикет.»

О Гораке Коупе – чье место я занял в «Арсенале» так много лет назад, я бы хотел рассказать одну историю, которая иллюстрирует его безупречный характер. В пятницу, когда список команды - впервые с моим именем – был вывешен на доске, я одновременно ощутил восторг и растерянность. Горак же был старожилом клуба, к тому же это был игрок, которого я глубоко уважал за умную и содержательную игру, и я знал, что для него произошедшее – когда его вытесняет совсем еще молодой футболист, недавно появившийся в клубе – может быть ударом.

Уже позже этим утром он вошел за мной в ванную комнату и сначала стоял молча, наблюдая, как я мою руки, а затем сказал: «Что ж, парень, это твой шанс, и тебе надо им воспользоваться. И я желаю тебе удачи.»

Перед тем, как закрыть эту главу о моих коллегах, я должен рассказать историю о молодом Чарли Уэлше, который сыграл всего лишь одну игру в нашей команде, тот самый злосчастный матч против «Уолсолла», который забыть невозможно. Чарли давно уже ходил за Гербертом Чепменом, выпрашивая для себя шанс сыграть в основном составе, и в конце концов, наш тренер этот шанс ему предоставил. В кубковом матче он оставил на скамейке Ламберта и выпустил на поле Уэлша.

Уэлш был уверенным в себе молодым игроком, желающим конечно же показать всё, на что он был способен. За несколько минут до начала игры он вполне хладнокровно сидел в раздевалке в Уолсолле, когда вошел Герберт, чтобы подбодрить его перед первой большой игрой в жизни. Герберт сказал:

«Что ж, сынок, Я надеюсь, ты удивишь меня в сегодняшнем матче. Полагаю, что ты покажешь всё, на что способен»... и так далее. Уэлш выслушал и ответил: «О.К., мистер Чепмен. Я готов сыграть самый главный матч в своей жизни.» «Хорошо, парень», - в свою очередь, сказал Чепмен и уже, уходя, добавил: «Кстати, рекомендую все-таки тебе надеть гетры, или зрители будут слишком сильно смеяться над тобой...»

Уэлш, несмотря на внешнее спокойствие, внутри себя переживал нервное сотрясение, в результате чего, надев бутсы поверх носков и специальных подвязок для гетр, забыл одеть сами гетры...

Часть двадцать вторая

ПРИНЦ ПОТТЕРИЗА.

Однажды меня спросил один мой чрезмерно любопытный приятель – какую я видел самую грандиозную игру с участием Стэнли Мэтьюза. У приятеля был весьма ядовитое чувство юмора.

Конечно же, я не мог признаться себе и Стэну, что самый блестящий матч он сыграл против меня! В итоге я ответил, что не могу выделить его лучшее выступление из серии великолепных игр – например, в сборной Англии против Ирландии на «Олд Траффорд» 16 октября 1938 года, когда его партнер по флангу, Билли Холл, забил пять мячей в одной встрече, или против Чехо-Словакии в Тоттенхэме в 1937 года, или грандиозную игру, когда он поверг в уныние Хампден в апреле 1939 года, или его чертовски талантливый футбол в матче, полном инцидентов, в Милане в мае того же, 1939 года.

Матч с Чехо-Словакией, в котором я не играл, наблюдая его с трибуны, наверное запомнится Стэну надолго – дольше других встреч. Ранее до этого мы уже один раз встречались с парнями из страны «Шкод», и могу вас заверить, что это был напряженнейший матч, и только волшебство Мэтьюза спасло игру. Матч шел в духе качелей – то вели мы, то чехи, и при счете 4-4 за несколько минут до финального свистка часть зрителей собралась уже уходить в связи с надвигавшейся темнотой.

Стэн уже забил дважды, но даже его электрические пятки уже не так быстро сверкали, когда он подхватил мяч в центре поля. И тем не менее, он стал таранить оборону, и это ему удалось. Мастерски пройдя защитные редуты, он перекинул мяч через Планика, чешского голкипера, забив победный гол. И это был третий мяч Стэна, забитый им (правым крайним) левой ногой!

Действительно, Стэн – один из величайших вингеров, которых я видел или против которых мне довелось играть, и я всегда получал удовольствие от наших противоборств на футбольном поле. Он заставлял меня пахать на поле, заставлял бегать и думать на порядок больше, чем какой-либо другой вингер. Впрочем, не думаю, что Стэн добился чего-то особенно выдающегося в матчах чемпионата Лиги с «Арсеналом», когда он выступал за свой «Сток Сити». «Арсенал» всегда играл организованно, единым коллективом, поэтому, зная, что мои коллеги присмотрят и прикроют остальных игроков «Стока», я мог всецело посвятить свою деятельность на футбольном поле персональной игре против Принца Поттериза.

Еще на раннем этапе своей карьеры я осознал, что единственным вариантом эффективной игры против Стэнли является ограждение его от мяча. Он любит получать медленные крутящиеся пасы и особо опасен, когда, получив мяч, готовится к стремительному рывку. Поэтому, если заблокировать передачи в его адрес, полезность действий Мэтьюза может быть сведена к нулю. Если же Стэнли получает мяч, то надо попытаться немедленно выбить его, например, подкатом. Промедление смерти подобно: у него фантастическая стартовая скорость – вы и опомниться не успеете, а он уже прошел вас и стремительно приближается к воротам.

Но проблему Мэтьюза можно решить, учитывая его характерную особенность: для него каждый появляющийся на пути защитник – это счастье, определенный вызов его мастерству, он с гораздо большей вероятностью пойдет в обмотку, чем избавится от мяча посредством передачи или навеса. В этом плане менее опытный вингер может доставить вам больше хлопот, поскольку, опасаясь единоборства, он как раз будет стараться любым способом отдать мяч партнеру, при этом у защитника может просто не оказаться времени, чтобы накрыть эту передачу. Это вынуждает вас и бегать, и думать наперед.

Футболистом, доставлявшим мне наибольшее беспокойство и головную боль, был молодой Билли Уорнс, сын старого Руби Уорнса, игравшего правого крайнего против меня в товарищеском матче, проводимом «Арсеналом». Я впервые рассказываю эту историю. Билл получал мяч от своего защитника и

пробрасывал его далее – инсайдам, в то время как я оказывался на расстоянии трех-четырех ярдов от него. Его обработка мяча и передачи были чертовски аккуратными и точными, все усилия оказывались эффективными. В конце концов я приноровился к его игре, умудряясь оказываться перед ним и блокировать передачи. Но далось мне это с огромным трудом – и именно такой тип вингера представлял для меня наибольшую опасность.

Я всегда предпочитал то, что я называю игрой в углу (или игрой на конкретном участке поля). Я сам выдумал этот термин, и означает он позиционную игру защитника на минимальном расстоянии от соперника. Данный метод был эффективен против вингеров, которые пытались играть широко и не стремились отрываться от меня перед тем, как делать передачи в центральную часть поля. Впрочем, оторваться от меня было не так-то просто, что часто раздражало футболистов, которые говорили: «Хэпгуд слишком навязчивый, прилипнет так прилипнет!»

Преимущество близкой игры с нападающим, конечно же, в том, что вы блокируете его действия, оставляя ему слишком мало пространства для маневра, слишком мало времени, чтобы обдумать – как лучше сделать передачу. Таким образом, очень часто мне удавалось блокировать навесы головой или грудью. В противном случае, вингер вынужден был посылать мяч над моим левым плечом, что автоматически означало, что мяч вылетит за пределы поля, либо попадет прямо в руки нашему голкиперу. А передача над моим правым плечом означала передачу назад, что замедляло атакующие действия. Конечно, я рассуждаю теоретически, и не всегда получалось так, как я это описываю, но этот метод действительно помог мне в моей карьере защитника.

Кстати, это может удивить многих, но я играл и против одной из величайших фланговых пар (на правом фланге) всех времен и народов – Алекса Джексона и Боба Келли из «Хаддерсфилда» - когда мне было всего лишь восемнадцать лет. У меня до сих пор хранится вырезка из газеты, где говорится: «...в первые десять минут казалось, что Джексон в одиночку сделает игру, но затем этот молодой защитник (Хэпгуд) приноровился и закрыл нападающего.»

Впрочем, на моем пути попадались и «грязные», подловатые вингеры. К счастью, их было совсем мало. Можно сказать, что за всю свою карьеру я встречался на поле только с двумя откровенно «грязными» вингерами. Но и тогда, растирая синяки и ушибы, я успокаивал себя тем, что они просто не могут драться со мной один на один, поэтому им и приходится прибегать к подобным методам.

Часть двадцать третья

ЛУЧШАЯ КОМАНДА НА ВСЕ ВРЕМЕНА.

У меня в жизни был шанс оценить воочию мастерство и талант ведущих игроков за последние три десятилетия – тех, кто внес свою ощутимую лепту в золотую эпоху футбола. И я твердо убежден, что современный футбол также хорош, если не лучше, как и его более древний коллега, - старый футбол, когда он был еще игрой рабочего класса.

За семнадцать лет я играл в одной команде, либо встречался на поле – с лучшими футболистами, а семнадцать лет - это достаточный период для определения заслуг и недостатков игроков. И я хочу отважиться – составить команду из тех футболистов, вместе с которыми я бы хотел играть на поле, если вдруг, чудесным образом, удалось бы всех их собрать в одном клубе.

По-моему, большинство позиций оказываются немедленно, без особого мудрствования, заполненными. Единственная позиция, вызывающая сомнения, это центральный нападающий. Поэтому, на это место я предложу шорт-лист из трех достойных кандидатур, а уж читатель сам выберет того, кто ему больше приглянется.

Вратарь: Гарри Гиббс. Некоторыми футбольными теоретиками он оценивается, как лучший за все времена, другие считают его вторым вслед за Сэмом Харди. У меня не было возможности сыграть на поле с Харди, поэтому я ничего не могу сказать о его способностях и возможностях, так что Гиббс будет вратарем номер один в моей команде. Он еще и прекрасный человек, который никогда не подводил свою страну, свой клуб и своих коллег.

Пожалуй, лучше всего – по роду своей деятельности на футбольном поле - я могу оценить игру своих коллег, великих защитников своего времени. Рой Гудалл (капитан сборной Англии, в составе которой я впервые вышел на поле), Эрни Бленкинсон, Том Купер, Сэм Водсворт, Эрни Катлин (который занял мое место в сборной практически на целый сезон), Том Паркер (мой первый партнер в «Арсенале»), Берт Спростон, Варни Крессвелл, Джордж Мэйл и другие. Из всех перечисленных в качестве партнера я бы выбрал Мэйла, с которым я составил крепкую боевую пару защитников в «Арсенале» и сборной Англии.

Джордж пришел в «Арсенал» из любительского клуба в качестве крайнего полузащитника, и именно на этой позиции он получил свою первую медаль обладателя Кубка. Но все-таки его место было в защите, а не в полузащите, хотя часто, особенно в военное время, он возвращался в центр поля. Мэйл, кстати, единственный человек, которому я передавал капитанскую повязку сборной Англии. Моя первая игра в качестве капитана национальной команды происходила 14 ноября 1934 года на Хайбери против сборной Италии, и далее, в тридцати семи играх (с одним перерывом), я был капитаном сборной. Последняя моя игра в ранге капитана команды состоялась на Уэмбли 27 января 1943 года против Уэльса.

Единственным исключением, перерывом, был матч в Гельсингфорсе против Финляндии 20 мая 1937 года, когда в течение шести матчей меня заменял Катлин. И в этом турне капитаном был Мэйл.

Однако, вернемся к составу моей сборной на все времена. Позиция правого полузащитника выбрана без колебаний: Уиллис Эдвардс из «Лидс Юнайтед», с которым, у меня не было возможности сыграть на поле в международных матчах, но что касается клубных встреч, то встречались мы с ним достаточно часто. Идеальный полузащитник, который может идти как в атаку, так и в защиту практически на протяжении всего матча.

В качестве центрального полузащитника я бы выбрал того, кому я передал капитанскую повязку в конце своей международной футбольной карьеры...

Стэнли Куллис из «Вулверхэмптон Уондерерс». Тщательный во всех отношениях, интеллигентный центральный полузащитник, скорее, защитного плана, который, тем не менее, всегда шел в нападение, когда ситуация благоприятствовала этому. У Стэнли была определенная устойчивая манерность в игре, которая порой раздражала наблюдателей, но ничто не могло сбить его с его собственного пути. Он шел своей дорогой – упорно и вдумчиво, и всегда был готов к захвату территории в центре поля...

Возможно это будет некстати, но все-таки я расскажу вам историю, непосредственно связанную со Стэном. Он постоянно учит, спорит, теоретизирует и принадлежит к тем парням, которые собираются сделать футбол своей дальнейшей профессией после завершения игровой карьеры. Однажды, во время международного турне кто-то пытался посмеяться над Куллисом по поводу его попытки изучать иностранные языки и, в особенности, по поводу овладения французским, который Стэн изучал в описываемый момент. Стэн вел себя невозмутимо, как и подобает воспитанному человеку, и просто ждал своего случая.

Однажды утром мы были на экскурсии, и один из нас (не помню, кто именно – помню только, что он был вполне удовлетворен ответом) предложил Стэну спросить благодушно выглядевшего француза – как пройти в интересующее нас место. Конечно, многие сомневающиеся в знаниях Стэна, предполагали, что он вынет англо-французский словарь и начнет, спотыкаясь и запинаясь, излагать свою просьбу какими-нибудь элементарными предложениями на ломанном французском. Каково же было всеобщее удивление, когда он, не моргнув, быстро заговорил – практически запел на французском, как будто это был его родной язык!

На левом краю полузащиты я не вижу никого лучше Боба Джона, моего коллеги по «Арсеналу» на протяжении стольких лет. Я уже ранее писал о Бобе, так что повторю – я бы хотел играть именно позади этого полузащитника.

Форварды, за одним исключением, - уж вы меня простите – носят красно-белые футболки «Арсенала». Вот они: Халм, Джек, Джеймс и Бастин. Попробуйте вы, лично я – не в силах разъединить этот квартет.

Но позиция центрального нападающего весьма коварна. Вот три моих номинанта, из которых я не в состоянии выбрать лучшего. У каждого – своя характерная особенность, при этом все трое – великие игроки... Дикси Дин, игрок, владеющий отличным ударом ногой, просто убийственным ударом головой, сильный, мощный, и при этом на удивление корректный. Великий спортсмен и добросовестный человек. Играть в защите против него было крайне сложно: он имел обыкновение уходить на фланг, уводя за собой центрального защитника обороняющейся команды, в связи с чем в защитной линии соперника начиналась полная неразбериха.

Хью Галлахер, выдающийся центральный нападающий, который так умело выставлял корпус и склонялся над мячом, что было практически невозможно выбить у него мяч без очевидного нарушения правил, футболист с отличным дриблингом и пушечным ударом с разных точек поля под разными углами, что ставило порой неразрешимую задачу даже для самых проворных и искусных вратарей.

Пожалуй, единственным его недостатком был вспыльчивый характер, что нередко использовали в борьбе с ним защитники – хотя я уверен, что его гораздо чаще били по ногам, чем он отвечал тем же. Как-то Херби Робертс сказал мне о нем: «Пожалуй, Хью самый трудноуловимый соперник, способный запутать кого угодно – ну и меня в том числе.» То что он невысокого роста, то что у него небольшая нога – только лишь делали его неуловимым. Он всегда придумывал какие-то новые финты, этот небольшой парень, научившийся играть в футбол на улицах Белшилла вместе с Алексом Джеймсом... ну и третий центрфорвард – это Джордж Камселл, похожий на Дикси Дина. Возможно он был не так хорош в игре головой, но обладал при этом убийственным ударом с любых позиций и был быстрым, феноменально быстрым.

Ну вот и все, кого я выбрал в свою сборную. Посмотрите еще раз на состав и можете подискуссировать. Предупреждаю, что я включил и себя – уж больно мне хочется поиграть в такой команде...

Гиббс («Бирмингэм»), Мэйл («Арсенал»), Хэпгуд («Арсенал»), Эдвардс («Лидс Юнайтед»), Куллис («Вулверхэмптон Вулвс»), Джонс («Арсенал»), Халм («Арсенал»), Джек («Арсенал»), Дин («Эвертон») или Галлахер («Челси» и «Ньюкасл») или Камселл («Мддлсбро»), Джеймс («Арсенал») и Бастин («Арсенал»).

Часть двадцать четвертая

Почта от болельщиков и вербовка на службу.

В начале 1943 года с промежутком в несколько недель я получил два письма. Привожу их полностью с единственным комментарием – что я сохраню их до конца своих дней.

Первое письмо – это открытка из лагеря в Германии:

«Дорогой Эдди, меня попросили все парни нашей рабочей лагерной бригады поздравить тебя, поскольку все мы надеемся, что к тому моменту, как ты получишь эту открытку, ты побьешь рекорд. Мы искренне желаем тебе удачи. Альберт Дженнингс, 237133, В.П.272» (открытка пришла через несколько дней после того, как я сыграл в 43-ем международном матче за сборную)

Эти слова, дань уважения от лагерного узника во время войны, который несмотря на свои несчастья, помнил о том, кто может в это время свободно играть в футбол в своей стране, произвели на меня неизгладимое впечатление. Я надеюсь встретить Альберта Дженнингса, когда он вернется на родину.

Другое письмо, гораздо более длинное, передали мне из отделения связей с Советским Союзом в Министерстве Информации. Письмо было от капитана команды ЦДКА и... героя Советского Союза Александра Дивочкина. Прочитайте его, как в свое время сделал это и я:

«Дорогой мистер Хэпгуд, я с огромным интересом прочитал статью мистера Джимми Болтона, опубликованную в нашей газете «Красный спорт» о вашей футбольной команде. Было очень лестно узнать о том, что вы придерживаетесь высокого мнения о советском футболе и что вы считаете в будущем возможным провести встречи между советскими и английскими командами. Что и говорить, мне тоже этого очень бы хотелось.

Я ваш коллега по футболу. В мирное время я сражаюсь на футбольном поле за честь команды «ЦДКА». Кроме того, я очень люблю кататься на лыжах и не один раз принимал участие в республиканских соревнованиях по спринту.

Я служу в артиллерийских войсках и был одним из первых, кто вступил в бой с фашистами. Ночью 22 июня 1941 года я служил пограничником на государственной границе. Мои боевые товарищи вместе со мной стали первыми, кто принял на себя предательские удары врага. Мы защищали нашу заставу против немецких мерзавцев в неравном бою, который длился двенадцать часов. С той поры, с первого дня войны, я всё время нахожусь на полях сражений.

Однажды моя артиллерийская батарея оказалась во вражеском окружении. Два дня мы были без еды, но поскольку у нас оставались снаряды, мы продолжали сражаться под неустанным огнем превосходящих сил противника. Совершенно неожиданно один из снарядов разорвался среди наших боеприпасов. Я кинулся на яркую вспышку, и моя форма – шинель и гимнастерка – возгорелась. Но в голове у меня была единственная мысль – если наши боеприпасы взорвутся, нам всем придет конец. С помощью командира расчета Самнина, наводчиков Сулова и Сысоева нам удалось вытащить ящики из огня. Таким образом, мы продолжили сражаться в этом бою, ведь как только огонь был нами потушен, враг предпринял уже новую атаку.

Я кинулся к пушке и открыл огонь. Внезапно в лафет орудия попал снаряд. Я бросился к другой пушке, но спустя несколько минут ее дуло было повреждено. Что тут делать? Невдалеке я заметил третье орудие, рядом с которой

лежал раненый красноармеец. Я быстро подполз к пушке и открыл огонь. Я продолжал стрелять до тех пор, пока не прибыло подкрепление, и не было прорвано кольцо вражеского окружения. Впрочем на моем месте любой другой поступил бы точно также.

Здесь, на фронте, я часто думаю, что именно благодаря советскому спорту, я стал смелым, сильным и непреклонным. Многие мои футбольные коллеги также сейчас сражаются на различных фронтах, уничтожая немцев.

Вы конечно же слышали о ленинградской команде «Динамо», игроки которой прошли через все блокадные испытания, при этом активно помогая фронту, в том числе, подготавливая для него резервы. Футболисты Федоров, Орешкин и другие, подготовили сотни искусных лыжников, метателей гранат и пловцов. Прошлым летом футболисты Ленинграда предприняли поездку по стране и организовали несколько межгородских спортивных соревнований. В Омске ленинградские футболисты выиграли три матча у команды «Прогресс». Мне кажется, что такому маститому профессионалу, как вам, будет небезынтересно узнать о матчах, которые проводятся в Москве в этом году. Команда «Спартак» была во главе таблицы во время осеннего футбольного сезона в столице. «Спартак» продемонстрировал высококлассную технику, выиграв все матчи до единого.

Сердечно жму вашу руку. Передайте мои наилучшие пожелания вашим друзьям по команде и скажите им, что наши спортсмены воюют на передовой с удвоенной энергией, и в каждом из нас горит желание – стереть фашистских негодяев с лица Земли.»

Если мои амбиции посетить Москву после войны реализуются, я надеюсь пожать вашу руку, товарищ Дивочкин, а также познакомиться с вашими товарищами.

Эти два письма я помню лучше всех других за последние годы. Еще одно письмо, полученное во время войны, мне также очень дорого. Это письмо не

от незнакомца, а от старого друга, Энди Битти, защитника «Престона» и сборной Шотландии, который затем переехал на Ближний Восток.

Думаю, что Энди не будет возражать, если я приведу отрывок из него:

«Дорогой Энди, позволь мне, как и многим другим почитателям твоего таланта, поздравить тебя с твоим великим рекордом. Это действительно – настоящий замечательный подвиг, так часто представлять Англию в международных играх и быть капитаном сборной в разных ее составах, в которых каждый раз собираются выдающиеся мастера современного футбола.

Твоя игра доставляла мне удовольствие даже тогда, когда я мечтал, чтобы ты промахнулся или срезал мяч, и со всей искренностью заявляю тебе, что я внимательно наблюдал за тобой, учился у тебя, - учился различным футбольным приемам и манере ведения игры у человека, которому оказала по чести английская Футбольная Ассоциация за вклад в национальный футбол.

Желаю тебе еще много раз возглавлять на поле сборную Англию, чтобы ты смог установить уже мировой рекорд, который нелегко будет кому-нибудь превзойти. Удачи тебе, здоровья и новых международных матчей.

Искренне твой, Эндрю Битти.»

Не так часто в такой напряженный момент истории современники пишут подобные письма, а учитывая, что написавший это поздравление является футболистом, никогда не подводивший ни свой клуб, ни сборную своей страны, похвала дорогого стоит.

Пожалуй, единственный случай, после которого я в течение некоторого времени получал оскорбительные письма, произошел на Уэмбли в 1936 году, когда из-за меня был назначен пенальти в наши ворота в матче против сборной Шотландии. Писем было всего несколько штук, и конечно же мне они совершенно не понравились. Впрочем, эти письма никак не перевешивают тысячи благожелательных посланий, которые я получил от болельщиков со всего света.

Один респондент постоянно пишет мне с Золотого Берега, и я стараюсь также регулярно отвечать ему. Впрочем, видимо он полагает, что я уже полностью состою из золота, поскольку в каждом письме он просит прислать ему медаль или кубок, или что-нибудь из оборудования... В конце концов, это конечно надоедает. Еще помню письмо от одной австрийской девушки, которое я получил через представителей отеля, в котором мы жили во время нашего турне. Она просила писать ей по-английски, чтобы у нее была возможность учить этот язык, тогда как, в свою очередь, собиралась отвечать мне по-австрийски, чтобы напротив у меня был повод для изучения ее родного языка. Но по дороге домой я потерял ее письмо и так и не выучил австрийский. Также у меня есть письмо из Германии, где в адресе в разделе «кому» было написано «герр Хэпгуд, Verupfsfußball-spielführer, Англия, Лондон.» Автор письма просил фотографию с автографом.

Как и другие футболисты, я не был обделен вниманием со стороны тех людей, которые хотели легко обогатиться нечестным путем. Пять раз я получал письма, в которых мне предлагалась взятка за то, чтобы я «сделал» пенальти в наши ворота, или дал возможность вингеру войти в штрафную и забить гол. Но даже если бы я вдруг сильно захотел воспользоваться такими щедрыми предложениями, вряд ли наша сделка состоялась бы, поскольку ни одно из этих писем не было подписано.

Последнее из подобных писем я получил в Швейцарии. Человек, подписавшийся «Доброжелатель» нарисовал подробный план, при реализации которого он и, вероятно, я – могли бы сорвать значительный куш.

Итак, если я позволю сопернику забить в первые двадцать минут, то получу немалую сумму, которая увеличится, если и в оставшееся время мяч побывает в сетке наших ворот. Если всё выйдет, как он описывает, я получаю двести фунтов. В случае согласия, я должен был ответить через специальный почтовый ящик швейцарской газеты.

Полагаю, у автора письма не всё в порядке с головой, в противном случае, я бы передал это письмо соответствующим компетентным органам. Впрочем, я бы наверное побеседовал с ним – просто, чтобы сообщить, что на поле, кроме меня, в команде играют еще десять человек и, чтобы претворить его план в

жизнь, необходимо, чтобы все они стали сообщниками. В идеале – нужно подключить еще и швейцарских футболистов к реализации плана. Так что, после того, как я распределю эти двести фунтов между всеми участниками мероприятия, сам я останусь в хорошем минусе...

Но конечно основная масса писем содержала просьбу прислать фотографию и автограф. Наверное, со мной согласятся многие игроки, это доставляет серьезное беспокойство, поскольку таких писем приходит немало, а болельщиков разочаровывать не хочется. Некоторые футболисты, насколько я знаю, отвечают только на письма с проштампованной маркой и не реагируют на записки, оставленные в их адрес у работников стадиона.

Одна корреспонденция доставила мне большое удовольствие, впрочем - и заставила поработать. Когда в прессе появились статьи о том, как я разбив нос в матче со сборной Италии на Хайбери, продолжал, тем не менее, играть на поле, директор лондонской школы Хайгэйт заставил всех мальчиков старших классов написать сочинение на тему «Мужество»... после чего он отослал написанные тексты мне для проверки и определения победителя. Работа была не из легких, но я был искренне рад чем-то помочь парням.

Конечно, были особые случаи в моей жизни, которые резко увеличивали объем моей корреспонденции. Однажды я получил совсем короткое письмо, в котором было сказано, что моя жена родила мальчика, моего сына. Уже после этого я получил огромное количество писем от девушек, которые выражали свое глубокое разочарование тем, что я, как выяснилось, был женат, а в особенности тем, что у меня к тому же еще и есть сын. Видимо, кинозвезды мужского пола должны оставаться холостыми, чтобы у десятков тысяч влюбленных в них девушек оставалась крохотная надежда...

После этого тот факт, что у меня родился сын, стал поводом для писем уже совсем другого рода. Когда ему было около трех лет, еженедельное обозрение в одном из лондонских журналов поместило фотографию Антона, одетого в спортивную форму в цветовой гамме «Арсенала», бьющего мяч на Хайбери. За ним наблюдают Алекс Джеймс, Фрэнк Мосс и его восхищенный

отец, ваш покорный слуга. Фотография получилась отменной, причем настолько, что пришлось напечатать дополнительный тираж данного обозрения. Думаю, что это моя самая любимая фотография.

Это был один из тех нередких случаев, когда пресса помогла мне. В принципе, у меня всегда были хорошие взаимоотношения с прессой. Не потому, что я потакал их политике, а потому, что я понял, что если вести себя с ними честно, то и они будут платить той же монетой. Иногда я не соглашался с теми вещами, которые были написаны обо мне и о тех играх, в которых я принимал участие. Но обдумав данную ситуацию, я пришел к выводу, что просто их точка зрения отличается от моей, у них другой угол зрения, мы иногда по-разному смотрим на одну и ту же ситуацию. Кроме того, я вполне допускаю, что журналист может с трибуны разглядеть то, что я никогда не смогу увидеть, непосредственно находясь в пылу сражения.

Моя жена задалась целью собирать статьи и фотографии из газет. Что ж, я рад, что она занялась этим делом. Всегда приятно оглянуться назад, особенно когда воспоминания приятны, и я предвижу, что, став дряхлым дедушкой, я буду периодически перебирать эти старые вырезки, надоедая своим близким до смерти.

Я хотел бы поблагодарить всех моих многочисленных друзей в газетном мире. К сожалению, не хватит места, чтобы перечислить их всех поименно, но свою особую благодарность я хотел бы адресовать покойному Джимми Кэттону, Л.В. Маннингу, Биллу Кирби, покойному Фрэнку Каррутерсу, Джону Макадаму, Клиффорду Уэббу и в последние годы – Л.Н.Бэйли и Рою Пескетту.

Последнему отдельное спасибо за помощь в создании данного «шедевра». Идея создания этой книги родилась во время шестичасового путешествия из Кардиффа – безусловно самой холодной поездки, которую мне пришлось совершить в своей жизни, - и чтобы согреться, нам приходилось ходить взад и вперед по вагонному коридору и всю дорогу разговаривать о футболе.

Также хочу выразить свою глубокую признательность мистеру С.Ф.Роузу, мистеру Джорджу Аллисону и моему большому другу, майору авиации Тому Уиттакеру, за ту помощь, которую они оказывали мне, когда я составлял эту книгу, и тем газетным изданиям, которые разрешили мне использовать отрывки из своих публикаций.

Часть двадцать пятая

АТТЕСТАЦИЯ.

Однажды днем примерно два года назад я прочитал вечернюю лондонскую газету, где футбольный обозреватель предположил, что если я превзойду рекорд Боба Кромптона, сыгравшего 42 матча за сборную Англии, это должно быть специально отмечено Футбольной Ассоциацией. В статье вспоминалось, что, когда Боб Кромптон в 1911 году превзошел предыдущий рекорд (принадлежавший Стиву Блумеру), ему подарили его портрет, написанный маслом, на специальном собрании в Блэкберне летом того же года.

Конечно, меня заинтересовала эта статья, впрочем – особого значения я ей не придавал, поскольку шла война, я был на армейской службе, а также потому, что, с моей точки зрения, у Футбольной Ассоциации была масса других забот, помимо данной презентации.

Кроме того, я не был уверен, что я установил рекорд. Я помнил, что в мирное время сыграл только тридцать матчей за сборную. Что же касается военного периода, то я действительно провел еще двенадцать игр в составе национальной команды, но, несмотря на то, что сам по себе футбол оставался таким же напряженным и качественным, как и в довоенное время, надо понимать, что собрать всех лучших игроков страны во время войны было практически невозможно – по крайней мере, несколько футболистов служили вне пределов Британии.

Я перестал думать по этому поводу, пока однажды мистер С.Ф.Роуз, секретарь Футбольной Ассоциации, не сказал мне в приватной беседе, что мой рекорд участия в международных матчах станет одним из предметов рассмотрения очередного собрания совета Футбольной Ассоциации.

Но даже и тогда я не стал слишком серьезно относиться к этому. Я был слишком занят. В то же время, члены сборной стали ждать этого события с

определенным интересом, подогреваемом дискуссией в прессе. Я же был на последней стадии своих офицерских курсов в королевских ВВС в Косфорде, и голова моя была забита совершенно другими вещами, с футболом абсолютно не связанными.

Затем я получил обычное письмо от Футбольной Ассоциации, в котором говорилось, что я выбран в состав сборной Англии на игру против Уэльса на «Уэмбли» 27 января 1943 года (мой одиннадцатый матч против Уэльса и мой 43-й международный матч за всю мою футбольную карьеру). И тут впервые я взволновался – ведь этот вызов в сборную означал, что я установлю рекорд!

Лето прошло, и я не слышал ничего особенного по этому поводу, пока поздней осенью не пришло письмо от мистера Роуза, в котором сообщалось, что Футбольная Ассоциация решила поощрить меня памятным чеком на 100 фунтов по случаю установления рекорда и в знак признательности моих заслуг перед национальной сборной командой. Это означало, что я был первым футболистом, которому вручается денежное поощрение от руководителей английского футбола, и я был и рад, и горд, что мои усилия вознаграждены таким образом. Я почему-то вспомнил, как когда-то, давным-давно работал молочником в Бристоле. Как будто это была совсем другая жизнь – небо и земля...

Часть этих денег должна была быть потрачена на составление альбома фотографий, отражающих самые значительные моменты в моей карьере, и тут, я чувствую, приложил свою руку (точнее, свой мозг) предупредительный и любезный Стэнли Роуз, чья вдумчивость и выдумка в данных ситуациях широко известны в футбольных кругах.

Как я уже сказал, это было мое последнее выступление за сборную Англию, нечто вроде грандиозного завершающего аккорда. Вот составляющие рекорда (в конце книги я приведу полный перечень игр): 11 матчей с Шотландией, 11 матчей с Уэльсом, 4 матча с Ирландией, 3 – с Италией, по 2 матча – с Германией и Швейцарией и по одному матчу со сборными следующих стран: Венгрии, Чехо-Словакии, Голландии, Австрии, Бельгии, Финляндии, Фран-

ции, сборной Европы (кроме Англии), Норвегии и Юго-Славии. Кроме того, я выводил сборную Англии на поле в двух юбилейных играх против Шотландии и против Англо-Шотландских игроков в 1935 году.

В первое время, когда я стал вызываться в сборную Англии, капитаном был сначала Гудалл, а затем Том Купер. Меня выбрали капитаном 14 ноября 1934 года – это был матч против сборной Италии на Хайбери. С тех пор я возглавлял команду на поле в течение девяти лет, кроме единственной игры – в мае 1937 года в Гельсингфорсе против сборной Финляндии, когда капитаном был Джордж Мэйл. В играх сборной, в которых я принимал участие, Англия побеждала 22 раза, 6 сыграла вничью и 15 проиграла. Только два раза мы проиграли с разницей более, чем в один мяч.

Что чувствует человек, награжденный за рекордное участие в матчах сборной Англии? По крайней мере, я испытывал волнение и восторг.

Ведь признали, что я принес много пользы своей стране, я испытывал гордость за то, что оказался профессионалом, что мои инструменты - мои ноги, моя голова, футбольные мозги – сработали на должном уровне, и моя работа получила превосходную оценку. Я испытывал счастье от того, что когда-то давно, много-много лет назад, я сделал правильный выбор, правильный шаг, я принял вызов судьбы, встал на этот тернистый и небезопасный путь – ведь очень многих эта игра сломала и вывела «за пределы поля»... и я знал, что рано или поздно я смогу стать настоящим, хорошим футболистом, и когда я получил первый вызов в сборную, я верил, что он не будет последним. Это не было хвастовство, наверное, это была самоуверенность молодого человека, которая, впрочем, заставляла его работать, не покладая рук и ног.

Уведомление о вызове в национальную сборную может поступить различными способами, обычно, конечно же, письмом. В подавляющем большинстве случаев мы получаем письма до того, как состав нашей команды передается прессе. В письме сообщается маршрут следования сборной, места и время тренировок, отели, в которых придется размещаться и т.д. Один или два раза я был вне дома и прочитал о своем вызове в сборную в дневной газете. Впро-

чем, такое бывало, повторяю, крайне редко. Футбольная Ассоциация всегда тщательно подходит к организации сборов команды и не допускает случайностей.

В мирное время нам хорошо платили за вызов в национальную сборную. Гонорар на игрока составлял 8 (восемь) фунтов, кроме того, нам разрешалось забрать себе свою форму – белые футболки, синие шорты, синие гетры с белым ободком.

Конечно, всегда хочется вместо денежного гонорара получить золотую медаль (стоимостью восемь фунтов восемь шиллингов), и данная опция часто предоставлялась футболистам, особенно тем, кто играл свой первый матч за сборную. В военное время гонорары по понятным причинам были уменьшены. Иногда мы получали по четыре фунта за игру, иногда – по два, а иногда – сберегательные сертификаты.

Часть двадцать шестая

Переоценка.

Однажды меня спросили – правда ли то, что у нас существовала обязательная программа накопления сбережений.

Да, действительно у нас была такая программа, но она не была обязательной к исполнению. Идея этой программы состояла в том, что мы могли сохранить «в банке» то, что мы хотели отложить на данной неделе, и бонусы с премиальными добавлялись уже к накопленной сумме. Как только на депозите у игрока накапливалась 1,000 фунтов, деньги могли быть переведены клубом в один из траст-фондов на соответствующее имя, и «Арсенал» гарантировал шесть процентов дохода.

Мы имели право снять деньги в любой момент, что, с другой стороны, было слишком легко и просто для «слабого» в отношении расходования средств человека, и поэтому часто наши ребята забирали деньги – частично или полностью, как только появлялось какое-либо выгодное предложение. Но как бы там ни было, это была хорошая идея, и многие игроки впервые в своей жизни делали сбережения на Хайбери.

Итак, я подхожу к финалу своего повествования.

Мне было приятно вспоминать и воплощать свои воспоминания в слова. Возможно, когда-нибудь я напишу еще одну книгу.

Как я уже говорил, я счастлив, что стал профессиональным футболистом, хотя на протяжении своей карьеры были многие вещи, с которыми я был не согласен.

Много раз мне хотелось бросить всё, плюнуть на эту игру, которая часто приносила не только радость, но и разочарование, и уехать к себе домой.

Я по-прежнему считаю, что высококлассный игрок получает значительно меньше того, что он заслуживает.

Человек должен получать деньги в зависимости от своего таланта и от того – идут ли на него зрители, которые платят за билеты на входе на стадион.

При этом, потолок оплаты в восемь фунтов в неделю должен быть поднят. Также я считаю, что игрок должен получать процент от трансферной сделки с его участием.

При этом, конечно, должна быть отработана защитная схема, которая бы не позволяла производить трансферы игрока каждую неделю с целью пополнения подобным путем его банковского счета.

Однажды во время путешествия в поезде я разговаривал с футбольным правоведом и пожилым журналистом. Я предлагал ввести оплату футболистам, аналогичную американской – платить по той же шкале, по которой получают американские спортивные звезды... установленную базисную зарплату и долю от кассового сбора в день матча.

Оба собеседника выразили единодушное сомнение: «А как насчет небольших клубов, как они выдержат подобную схему?»

Мой ответ возможно оказался чрезмерно brutальным: «Они будут выброшены за борт стихией рыночной конкуренции, если они не способны существовать в ее жестких условиях, либо им придется объединиться с другими клубами».

При этом оба моих собеседника были единодушны во мнении, что данная схема никогда не сработает, а один из них закончил свой аргументационный ряд тем, что я вообще страдаю от «божественной неудовлетворенности», не уточнив, что он под этим имеет в виду.

Как я уже говорил, я всегда серьезно относился к тренировкам и считаю, что игрок должен усердно и напряженно тренироваться примерно до тридцатилетнего возраста, после чего нагрузка может постепенно уменьшаться. К то-

му времени эффект от постоянных тренировок обязательно скажется на форме спортсмена и поможет его дальнейшей спортивной судьбе.

Впрочем, напряженные физические упражнения – не единственный секрет успеха, если вы хотите оказаться в ряду первоклассных футболистов.

Вся ваша жизнь должна быть отрегулирована, настроена на достижение данной цели и лишена всяческих крайностей и нежелательных эксцессов. Футбол – это жесткая и тяжелая управляющая система, которая практически не позволяет совершать промахов, крайне редко прощает ошибки и предоставляет дополнительные шансы.

Может быть, для претендентов на пьедестал футбольной славы, стоящих на пороге успешной карьеры, и для ребят, которые еще не закончили школу, будет полезно то, что я сейчас скажу.

Я приведу общие контуры жизненной системы, которую я выработал на протяжении своей карьеры.

Мои пять основных «не»:

неправильная пища в день матча,

неудобная обувь,

недостаточная защита голени,

неверная игра головой,

излишний индивидуализм на поле, отсутствие понимание командной игры, командного духа.

Состояние желудка спортсмена играет крайне важную роль в футболе, и, если в данной области что-то не в порядке, это сильно отражается на игре футболиста.

В молодые годы я практиковал обильный обед даже за час до матча... но это в корне неверно.

Общая методика в этом вопросе следующая: плотный завтрак и очень легкий ланч, состоящий из отварной баранины или рыбы, либо, что, по моему опыту является наилучшим вариантом – яйцо-пашот на хорошо поджаренном ломтике хлеба.

Я понимаю, что сейчас военное время, но тем не менее, эти вещи не запрещены.

Кроме того, в рационе спортсмена обязательно должно присутствовать одно яйцо в неделю!

Однако, продолжим.

Если всё это выполняется честно, вы почувствуете позитивное преобразование, в особенности, что касается вашего дыхания, вашей выносливости, а это означает, что вы сможете гораздо легче переносить тяжелые напряженные матчи, сохраняя скорость вплоть до финального свистка.

С другой стороны, бегать и прыгать, имея в желудке тяжелую пищу – занятие не из приятных, и вряд ли какой-либо здравомыслящий атлет будет это практиковать.

Это просто небезопасно.

А попадание мяча в полный живот не только принесет болезненные ощущения, но и может иметь серьезные последствия для здоровья.

Наблюдая за школьным футболом – а я часто смотрю, как играют школьники – я заметил, что очень мало внимания уделяется как раз спортивной обуви, и во многих случаях защита на голени у футболистов просто отсутствует. Необходимо иметь бутсы, причем обязательно шипованные.

Шипы – идеальный вариант для хорошего толчка и для удержания равновесия в различных ситуациях. Обувь должна быть удобная, по ноге, предпочтительно при этом на полразмера меньше, чем обычная повседневная обувь.

Профессиональные футболисты носят бутсы, на размер меньше, чем их повседневная обувь.

Правильно подобрав бутсы, вы будете лучше контролировать свои движения, свои удары по мячу и саму обработку мяча, таким образом, срезки, проскальзывания и неуверенные приемы могут быть сведены к минимуму. Вратарь, которому приходится отражать пушечные удары, скоро заметит – насколько более эффективны станут его усилия в случае правильно подобранной обуви.

Защита голени должна применяться каждым молодым игроком.

В отсутствии этих протекторов, специальных щитков, игрок вполне естественно может получить за время матча несколько чувствительных ударов по ногам. Отсюда и могут начаться проблемы у футболиста.

Синяки и порезы на голени могут приносить болезненные ощущения несколько месяцев после удара. Могу ручаться из собственной практики игры в смешанном составе в хоккей на траве во время службы в ВВС: шрам, оставленный женщиной – лейтенантом ВВС, останется у меня на всю жизнь!

Чтобы продвинуться в футбольном мастерстве, необходимо овладеть искусством игры головой. Практически все молодые игроки игнорирует эту составляющую футбола. Теннис головой был специально изобретен на Хайбери, чтобы ликвидировать данный недостаток.

Что касается игры головой, то самой распространенной ошибкой являются сгорбленные, сутулые плечи при ударе и сдавленная шея, создающие впечатление горбатой спины.

Результатом этих судорожных действий может быть болезненный контакт мяча с верхней частью головы, после которого мяч отскакивает в любом направлении, кроме требуемого.

Чтобы исправить эту ситуацию, шея должна быть вытянута (чтобы обрести силу удара), затем, оставляя взгляд на мяче вплоть до самого последнего мгновения, попытайтесь принять мяч лбом, примерно посередине лба. Надо понимать, что мяч при этом может лететь с очень большой скоростью, но ес-

ли принимать его головой вышеописанным способом, никакого вреда принимающему не будет.

А теперь буквально пару слов об эгоистичном игроке. Понятно, что при наличии хорошего дриблинга и определенного везения, футболист может самостоятельно проходить трех или четырех соперников, но он не должен культивировать это постоянно, иначе данный стиль индивидуальной игры может стать у него привычкой, от которой трудно отделаться. Игрок должен довольствоваться обводкой, которая уместна в данной конкретной ситуации, не забывая о том, что вполне вероятно, обведя одного-двух игроков соперника можно отдать мяч партнеру, находящемуся в более выгодном положении. Командный дух – это залог успеха для любой команды... и именно это и было у нас в «Арсенале».

С моей точки зрения, невозможно совместить работу и игру в футбол, естественно, если речь идет о том, что вы хотите стать футболистом высокого уровня. Нереально играть в большой футбол и параллельно каждый день работать в офисе или любом другом месте – не забудьте, что при этом вы обязаны подойти в оптимальной физической форме к субботнему матчу!

С другой стороны, мы должны признать, что существующая тупиковая система, при которой человек завершает свою игровую карьеру без профессии или ремесла, является вредной и тлетворной, и я со всей ответственностью заявляю, что эта проблема должна быть одной из первой за которую следует взяться послевоенному Плановому Комитету. Решать же ее должны конечно же специалисты высокого аналитического ума.

Между тем, когда я демобилизуюсь из ВВС, я был бы рад продолжить играть в большом футболе. Несколько месяцев назад я подписал контракт в качестве тренера «Блэкберн Роверс». Я знаю, что эта работа будет в корне отличаться от игры на поле в качестве футболиста, но уверен, что с «Блэкберном» мы поладим. И, кто знает, может быть в один прекрасный день я смогу вывести «Роверс» в финал Кубка Англии на «Уэмбли», где соперником его будет... «Арсенал»!

Чтобы быть тренером, сказал однажды Чарли Хьюит, последний из Миллуоллов, вы должны представлять собой удачную комбинацию футбольного эксперта, психоаналитика, менеджера-бизнесмена, креативного архитектора, бухгалтера, юриста, журналиста и шоумена. Не знаю, есть ли во мне все эти качества (особенно – разом), но если уж выпал шанс попробовать, то надо пытаться...

По поводу тренерской работы мне вспоминается случай, когда изможденный затыканный тренер одной команды (пускай он останется инкогнито) пригласил психиатра, поскольку у его игроков не заладилось со всеми элементами игровой практики (причем одновременно). Психиатр, знаменитый высокооплачиваемый специалист, позвал игроков в комнату и запер двери. Потом он сказал:

«Смотрел я, как вы играли в прошлую субботу. Ничего такого особого с вами не происходит. Вы выглядите свежими, все в хорошей форме, двигаетесь быстро и правильно. Единственная плохая вещь – это то, что вы взволнованы до предела, переполнены тревогой. Вы боитесь ошибиться, а в результате и совершаете ошибки. Завтра, когда вы выйдете на поле, вы должны знать, что вы лучше своих соперников. Просто скажите сами себе: мы выиграем этот матч, другого не дано. Это просто дело техники – взять эти три очка...»

На следующий день уверенные в себе, улыбающиеся и источающие оптимизм парни выбежали на футбольное поле. Соперник действительно почувствовал, что что-то изменилось в них... они выглядели так, как будто они не могли проиграть ни при каких обстоятельствах. Но всё-таки они проиграли, причем на этот раз уже со счетом 0-7.

В этом должна быть определенная мораль, но мне никак не удается вычленить ее. Так что, пусть это просто будет финалом моей книги!

РАСШИФРОВКА РЕКОРДА ВЫСТУПЛЕНИЙ ЭДДИ ХЭПГУДА ЗА СБОРНУЮ АНГЛИЮ:

Дата капитан	соперник	место	результат	
13 мая 1933 года Гудалл	Италия	Рим	ничья	1-1
20 мая 1933 года Гудалл	Швейцария	Берн	победа	4-0
14 октября 1933 года Гудалл	Ирландия	Белфаст	победа	3-0
15 ноября 1933 года Гудалл	Уэльс	Ньюкасл	поражение	1-2
14 апреля 1934 года Купер	Шотландия	Уэмбли	победа	3-0
10 мая 1934 года Купер	Венгрия	Будапешт	поражение	1-2
16 мая 1934 года Купер	Чехословакия	Прага	поражение	1-2
29 сентября 1934 года Гудалл	Уэльс	Кардиф	победа	4-0
14 ноября 1934 года Хэпгуд	Италия	Хайбери	победа	3-2
6 февраля 1935 года Хэпгуд	Ирландия	Ливерпуль	победа	2-1
6 апреля 1935 года Хэпгуд	Шотландия	Глазго	поражение	0-2
18 мая 1935 года Хэпгуд	Голландия	Амстердам	победа	1-0
19 октября 1935 года Хэпгуд	Ирландия	Белфаст	победа	3-1

4 декабря 1935 года Хэпгуд	Германия	Тоттенхем	победа	3-0
5 февраля 1936 года Хэпгуд	Уэльс	Вулверхэмптон	поражение	1-2
4 апреля 1936 года Хэпгуд	Шотландия	Уэмбли	ничья	1-1
6 мая 1936 года Хэпгуд	Австрия	Вена	поражение	1-2
9 мая 1936 года Хэпгуд	Бельгия	Брюссель	поражение	3-0
20 мая 1937 года Мэйл	Финляндия	Гельсингфорс	победа	8-0
9 апреля 1938 года Хэпгуд	Шотландия	Уэмбли	поражение	0-1
14 мая 1938 года Хэпгуд	Германия	Берлин	победа	6-3
21 мая 1938 года Хэпгуд	Швейцария	Цюрих	поражение	1-2
26 мая 1938 года Хэпгуд	Франция	Париж	победа	4-2
22 октября 1938 года Хэпгуд	Уэльс	Кардиф	поражение	2-4
26 октября 1938 года Хэпгуд	сб.Европа	Хайбери	победа	3-0
9 ноября 1938 года Хэпгуд	Норвегия	Ньюкасл	победа	4-0
16 ноября 1938 года Хэпгуд	Ирландия	Манчестер	победа	7-0
15 апреля 1939 года Хэпгуд	Шотландия	Хампден	победа	2-1

13 мая 1939 года Хэпгуд	Италия	Милан	ничья	2-2
18 мая 1939 года Хэпгуд	Югославия	Белград	поражение	1-2
11 ноября 1939 года Хэпгуд	Уэльс XI	Кардифф	ничья	1-1
13 апреля 1940 года Хэпгуд	Уэльс XI	Уэмбли	поражение	0-1
11 мая 1940 года Хэпгуд	Шотландия XI	Хампден	ничья	1-1
3 мая 1941 года Хэпгуд	Шотландия XI	Хампден	победа	3-1
7 июня 1941 года Хэпгуд	Уэльс XI	Кардифф	победа	3-2
4 октября 1941 года Хэпгуд	Шотландия XI	Уэмбли	победа	2-0
25 октября 1941 года Хэпгуд	Уэльс XI	Бирмингем	победа	2-1
17 января 1942 года Хэпгуд	Шотландия XI	Уэмбли	победа	3-0
18 апреля 1942 года Хэпгуд	Шотландия XI	Уэмбли	поражение	4-5
9 мая 1942 года Хэпгуд	Уэльс XI	Кардифф	поражение	0-1
10 октября 1942 года Хэпгуд	Шотландия XI	Уэмбли	ничья	0-0
24 октября 1942 года Хэпгуд	Уэльс XI	Вулверхэмптон	поражение	1-2
27 января 1943 года Хэпгуд	Уэльс XI	Уэмбли	победа	5-3

ДРУГИЕ ИГРЫ

8 мая 1935 года Англия – Англо-Шотландцы Хайбери поражение 0-1
Хэпгуд

21 августа 1935 года Англия – Шотландия Хампден поражение 3-4
Хэпгуд